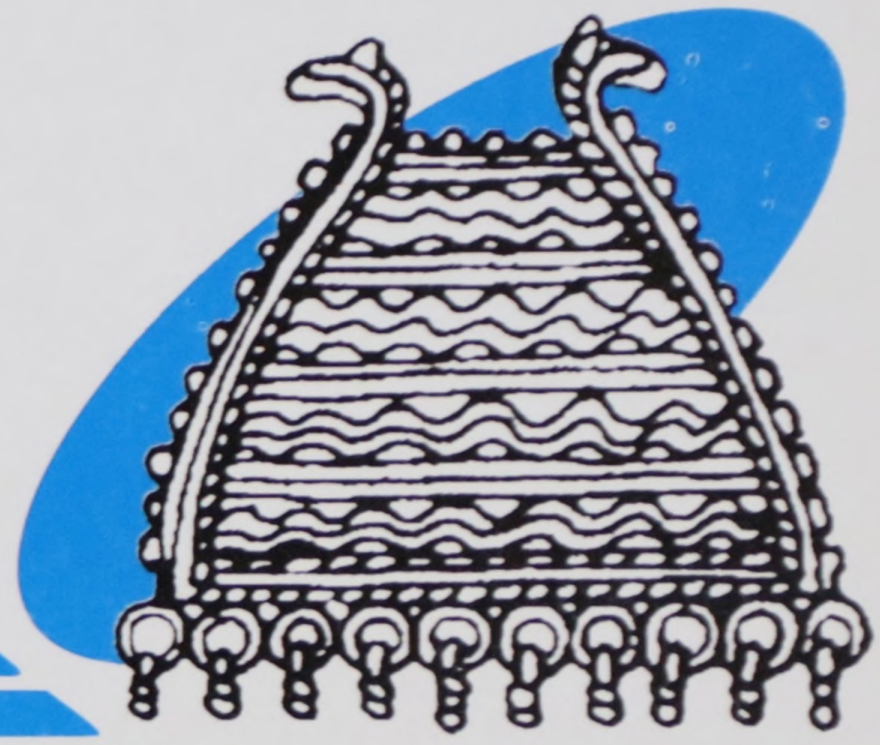
ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2015

ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2015, № 1 (53)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (главный редактор)
С.С. Сибатрова (зам. главного редактора)
Т.Л. Молотова (отв. секретарь)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Соловьев Б.С. Формирование балановской культуры..... 3
Ракин А.Н. Метеорологическая лексика в пермских языках (общесистемные обозначения)..... 25
Чикина Н.В. Художественное своеобразие поэмы В.Брендоева «Можжевельник»..... 34
Казанцев Д.Е. К истории категории принадлежности..... 48
Сибатрова С.С. О влиянии русского языка на грамматические особенности марийских имен прилагательных..... 65

СООБЩЕНИЯ

Кузнецова М.Н. Говор деревни Сарсы (Сарсаде) в диалектном словаре марийского языка Эдена Беке (лексико-морфологический анализ)..... 72
Садиков Р.Р. Из истории создания и деятельности «финно-угорских» национальных секций Уфимского губкома и Башкирского обкома РКП(б) (1919–1930 гг.)..... 94
Мушкина Н.В. О песнях в масленичном обряде марийцев..... 99
Молотова Т.Л. Имянаречение ребенка и связанные с ним обряды в культуре марийцев..... 113

ПЕРСОНАЛИИ

Сибатрова С.С. Пауль Аристэ – выдающийся финно-угровед XX века (к 110-летию со дня рождения). 118
Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Петров В.Ф. Юбилей К.Н. Санукова. 125
Соловьев Б.С. К юбилею В.В. Никитина..... 132
Пекшеева Э.И. Вклад И.Г. Иванова в развитие марийского языкознания (к 80-летию со дня рождения)..... 138

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Попов Н.С. Рец: Сануков К.Н. Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее: монография / Мар. гос. ун-т; К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2011. – 192 с. 143

ХРОНИКА

Садовин И.Г. Хроника научной и культурной жизни финно-угорских народов за 2014 год..... 149
Сведения об авторах 158

«Финно-угроведение», 2015, № 1

СТАТЬИ

Борис Соловьев
Йошкар-Ола

ФОРМИРОВАНИЕ БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа является частью большой статьи, посвященной проблемам культурогенеза эпохи великого переселения евразийских народов бронзового века на юге лесной зоны Среднего Поволжья. Главной особенностью этого сложного периода стало вторжение скотоводческих племен, прервавших длительное развитие аборигенных прафинских охотничье-рыболовческих гаринско-волосовских сообществ. Поводом для дискуссии послужило утверждение об отсутствии культурогенетических процессов на территории лесной зоне Среднего Поволжья в среднем бронзовом веке (1, с. 154). В первой части статьи (2, с. 3–22) нами высказано мнение о наличии двух линий культурогенеза, одна из которых отражает формирование балановской культуры. Последней проблеме посвящена настоящая работа.

Состояние проблемы. Термин «балановская культура» появился в 1950 г. (3, с. 57–81), но еще за десять лет до этого О.Н. Бадер, рассматривая Балановский могильник как памятник особого средневолжского или волго-камского культурного варианта, близкого к фатьяновскому, писал: «Карабай*, быть может, является одним из могильников особой, скажем, Балановской культуры, относящейся к той же стадии, что и Фатьяновская, но связанной с иной территорией и отличающейся некоторыми своеобразными чертами» (4, л. 22). Окончательно идея выделения новой узколокальной этнически единой культуры общности племен боевых топоров и шаровидных амфор Средней, Северо-Западной, Северо-Восточной Европы оформилась к началу 1960 гг. (5, с. 55; 6, с. 250–251). Для ее обоснования широко использовались древнесредиземноморские краниологические материалы Балановского могильника (7, с. 322–362). Некоторые исследователи (1, с. 147; 8, с. 83–94;

*Неофициальное название Балановского могильника.

9, с. 73; 10, с. 107; 11, с. 158–177; 12, с. 97; 13, с. 173–178) поддержали концепцию О.Н. Бадера, другие (14, с. 254–256; 15, с. 16–19; 17, с. 49–50; 16, с. 65; 18, с. 11, 205, 219, 238, 266; 19, с. 8, 76; 20, с. 5) относили памятники балановского типа к средневолжскому варианту фатьяновской культуры.

Исходной территорией балановской группировки считались восточное или западное Причерноморье (5, с. 65; 6, с. 212), южнорусские степи (21, с. 14–33), Предкарпатье (18, с. 263–265), Верхнее Поволжье (22, с. 23), области, расположенные к югу от Среднего Поднепровья (8, с. 91). О.Н. Бадер выделил пять этапов ее развития на Средней Волге: козловский – конец III тыс. – XIX в. до н.э., балановский – XIX–XV вв. до н.э., атликасинский – XV–XIV вв. до н.э., ошпандинский – XIV–XII вв. до н.э., хуласючский – XI–IX вв. до н.э. (6, с. 275–276); А.Х. Халиков – четыре: балановский – первая половина II тыс. до н.э., атликасинский – XV–XIV вв. до н.э., ошпандинский – XIV–XII вв. до н.э., хуласючский – конец II и начало I тыс. до н.э. (23, с. 263, рис. 16). Эта неоправданно широкая (18, с. 219) хронология безнадежно устарела (2, с. 6). В настоящее время балановско-фатьяновская общность – ее радиоуглеродный калиброванный диапазон охватывает XXVI–XVIII вв. до н.э. (27, табл. 5, а, б; 11, а, б) – датируется XXV–XXII вв. до н.э. (26, с. 85), а балановская культура на Средней Волге последней четвертью III – первой четвертью II тыс. до н.э. (2, с. 7; 34, с. 37). В позднейшей редакции О.Н. Бадера – А.Х. Халикова козловский период отсутствует (24, с. 76–77). По А.П. Смирнову, «сначала идут поселения балановского типа, затем Ош-Панда и, наконец, стоянка Хула-Сюч; атликасинские памятники младше балановских и одновременны ошпандинским» (15, с. 67–68). Периодизация П.Д. Степанова (16, с. 63) включает две стадии: балановско-ошпандинскую (грунтовые погребения, определенный установившийся тип керамики, вторая – третья четверть II тыс. до н.э.) и хуласючскую (курганные захоронения, изменившийся тип керамики, последняя четверть II тыс. до н.э.). Б.В. Каховский и В.Ф. Каховский выделили синхронные ош-пандинские и хуласючские локальные средневолжские варианты (25, с. 140). Таким образом, господствует мнение о длительной эволюции балановских древностей, сформировавшихся за пределами Волго-Камья.

Оригинальная концепция П.М. Кожина (28, с. 3–19; 29, с. 92–95) подразумевает средневолжское происхождение балановской культуры, сформировавшейся при взаимодействии представителей выделенной исследователем атликасинской культуры и древнего «протофатьяновского» субстрата. Последний компонент, связанный с располагавшимися вблизи трипольской территории лесостепными «амфорными» сообществами, затем стал основой верхневолжской фатьяновской культуры, а на Средней Волге получил продолжение в виде «постпротофатьяновской» группировки, сосуществовавшей с балановской. Эта критически воспринятая (19, с. 9–10; 24, с. 9–10) слишком

сложная гипотеза частично поддержана автором настоящей статьи (2, с. 6–7; 30, с. 50–51, 55–56, 97–98; 31, с. 176–191). В этой связи приведем цитату из статьи В.В. Ставицкого: «... выделение памятников данного (атликасинского – *Б.С.*) типа из балановских древностей приводит к тому, что в последних практически не остается каких-то существенных признаков, которые бы отличали их от памятников фатьяновской культуры. Следовательно, нет и особой балановской культуры, а есть позднефатьяновские памятники Среднего Поволжья и памятники атликасинской культуры. Тогда получается, что материалы эпонимного Балановского могильника всего лишь иллюстрируют контакты населения двух названных групп» (32, с. 63). Ниже, опираясь на анализ погребального обряда и керамических комплексов, я попытаюсь обосновать свою точку зрения по данному вопросу.

Предпосылки формирования и слагающие компоненты. Появление и существование в регионе племен восточноевропейской общности боевых топоров совпало с ксеротермической фазой суббореала, характеризующейся образованием на юге лесной зоны лесостепных ландшафтов (33, с. 21). Мигранты, представлявшие два близких культурных массива, заняли открытые остепненные пространства, благоприятные для придомного скотоводства.

Первая группа, близкая фатьяновской (назовем ее «протобалановской»), характеризуется немногочисленными грунтовыми могильниками (Козловский, Павлушатский, Красновидовский, Старо-Урмарский, ранние погребения первой группы Баланово), стоянками и местонахождениями керамики (рис. 1, *Б*; 3). Для нее типичны глубокие (0,9–1,5 м) прямоугольные могилы, содержавшие скорченные захоронения с восточной – юго-восточной ориентацией без следов применения огня (9, с. 77; 35, с. 50–52). Морфологию и орнаментацию керамики подробно рассмотрим ниже на примере комплексов первой группы Балановского могильника.

Вторая группа – носители лесостепной атликасинской культуры, исключенной П.М. Кожиным из круга восточноевропейских «амфорных» и «шнуровых» образований общности боевых топоров (28, с. 13; 29, с. 92–95; 30, с. 55–56). Гипотезе ее формирования в Среднем Поочье, прилегающих западных – северо-западных территориях и последующей миграции по южным притокам Оки (13, с. 179) противоречит отсутствие здесь курганных могильников и долговременных поселений. Не случайно О.С. Гадзяцкая отмечает возможный путь атликасинской группировки на Оку из районов Суры, где концентрируются памятники этого типа (19, с. 76). По справедливому замечанию П.М. Кожина, «прародину» и направление движения атликасинцев определить невозможно (29, с. 92–95).

Располагавшиеся на покатых склонах водоразделов небольшие кладбища (Андреевка, Атликасы, Кумаккасы, Верхние Очаки и другие) включали один или два кургана (9–20×12–27 м, высота 0,9–2,75 м). Погребальные площадки

(10×12 м – 7,9×7,5 м) окольцованы ровиками шириной 0,35–1,2 м, глубиной 0,4–1,2 м (Синцово, Верхние Ачаки) (рис. 4, *А*, *1*, *Б*, *1*). Встречены ингумация с юго-западной ориентировкой на грунте (Атликасы) или в мелкой подпрямоугольной яме (Кумаккасы); кремация на стороне – квадратная могила, заполненная углями, золой, жжеными костями, погребальным инвентарем (Верхние Ачаки) (рис. 4, *Б*, *2*); большие прямоугольные ямы без человеческих останков, иногда с предметами материальной культуры – кенотафы? (Раскильдино). Характерны значительная роль огня в похоронных ритуалах: скопления углей, кострища, зольники (рис. 4, *А*, *1*); размещение погребального инвентаря на площадке и в захоронениях; следы тризны: кострища, обломки сосудов.

Отличительными признаками керамики, представленной круглодонными приземистыми горшками с высокой наклонной и вертикальной шейкой, закругленным, заостренным, воротничковым венчиком и небольшими уплощенно-сферическими емкостями, являются отсутствие крупных амфор и ярко выраженная геометрическая орнаментация (рис. 4, *А*, *2*, *3*, *Б*, *3–7*). Горизонтально-зональные композиции нанесены прочерчиванием, нарезками, мелким квадратным и острым зубчатым штампом. Венчики, как правило, не украшались. Широкие основные и узкие разделительные мотивы, занимающие шейку и верхнюю половину тулова, представлены крупными заштрихованными широкими зигзагами, ромбами, квадратами, прямоугольниками, треугольниками, переменно-наклонными группами отрезков, иногда обрамляющих «пустой» ромб, прямыми линиями, короткими вертикальными и скошенными отрезками. В нижней части орнаментального поля встречаются крестообразные «ленты».

«Протобалановский» субстрат первоначально занимал бассейн Свияги, атликасинский – Присурье, в возвышенных районах Вятского увала и прилегающих водораздельных равнин прослеживается их сосуществование, в Заволжье и левобережье Вятки – взаимодействие с поздневолосовским и поздьяковским населением (рис. 1, *А*, *Б*).

Период формирования. Для него характерны два типа погребальных памятников*.

Грунтовые могильники. Крупные (Балановo, Таутово) и небольшие (Новое Сюрбеево, Марийская Лиса) кладбища расположены на склонах террас и пойменных холмах. Могилы – обширные (3–1,2×2,2–0,83 м), преимущественно глубокие (2–1,5 м), подчетырехугольные или близкие к овалу; ямы, перекрытые накатником, имели вид склепов (рис. 5, *1*; 6, *1*; 7, *1*, *2*; 8, *1*, *2*). Прослежены (Балановo, Новое Сюрбеево) следы подпрямоугольных внутренних сооружений (длина до 2 м, ширина до 1,5 м, высота до 0,6 м, толщина стенок 1–8 см (рис. 7, *1*; 8, *1*), реконструируемых в виде плетеной корзины

*Погребальный обряд подробно охарактеризован О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым (6; 24).

или дощатого ящика (6, с. 167; 36, с. 123, 124, рис. 37). Изредка встречаются обмазка основания ям известью, подсыпка мела, следы древесные подстилок и покрытий (Балановo, могилы 15, 30, 41, 62); незначительные скопления углей (Балановo, могилы 2, 4, 38, 46; Новое Сюрбеево, могила 2); следы тризны: кости животных, керамика (Балановo, верхний горизонт могил 6, 46, 70).

Погребения представлены одиночными, коллективными, вводными трупоположениями: ноги подогнуты, одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте, кисть часто располагается у лица (рис. 5, *1*; 6, *2*; 7, *3*; 8, *3*). Как правило, мужчины похоронены на правом боку головой на юг, запад, юго-запад, лицом на восток, юго-восток; женщины – на левом боку, головой на юг, запад, юго-запад, лицом на юг, юго-восток. Мужчины сопровождались медными топорами и наконечниками копий, каменными сверленными и плоскими клиновидными топорами, амулетами из зубов животных, женщины – крупными шаровидными амфорами, клиновидными топорами; дети и подростки – миниатюрными сосудами, небольшими кремневыми топориками, керамическими игрушками и подражаниями сверленым топорам.

Керамические комплексы позволяют выделить три группы захоронений.

1. Только с посудой «протобалановского» типа, включающей крупные амфоры с низкой шейкой, горизонтальными валиками, желобками, ручками или их имитациями (рис. 7, 6; 8, 9); небольшие уплощенные сосуды (рис. 8, *6, 8*); горшки с вертикальной или наклонной шейкой, округлым или округло-коническим дном (рис. 5, *5, 6*; 7, *6, 7*; 8, *5*); немногочисленные миски низких пропорций с выделенной шейкой или без шейки с широким устьем. Для орнаментации характерно большое количество зон, доминирование многорядного зигзага и наклонной решетки (40, с. 63–74). Амфоры украшены вертикальными лопастями, сконструированными из линий, зигзагов, ромбов, квадратных вдавлений; узкими поясками наклонных и перекрещивающихся отрезков; небольшие шаровидные сосуды – горизонтальными линиями, рядами нарезок, многорядными зигзагами, короткими наклонными и перекрещивающимися отрезками. Горшки орнаментированы однорядными и многорядными зигзагами, «елочками», небольшими штрихованными и штампованными ромбами, наклонными, вертикальными, прямыми линиями, косой решеткой, короткими отрезками, клиновидными вдавлениями, квадратными и прямоугольными фестонами. Отличительной чертой являются венчики, рассеченные насечками и зубчатыми оттисками, и солярные символы, окаймляющие ямку на дне (рис. 5, *6*; 7, *7*; 9, *6*). В Балановском могильнике сосуды с подобным орнаментом, нанесенным штампами с квадратными и острыми зубцами, прочерчиванием, тонкими нарезками, каплевидными и округлыми вдавлениями, составляют 76,5%. Чаще применялась схема шейка + плечико, реже – шейка, шейка + плечико + верхняя половина тулова. На мисках встречаются штампованные «ярославские» ромбы, горизонтальные «елочки», зигзаги, комбинации коротких отрезков.

2. Только с атликасинской керамикой (рис. 6). Наиболее отчетливо они фиксируются в Балановском могильнике (28, с. 6–11; 24). По мнению П.М. Кожина, именно за этими комплексами, отражающими «близкое и активное смешение обеих групп» «... следует оставить название балановская культура, учитывая как место их первоначального происхождения (Среднее Поволжье), так и большое количество комплексов этого типа, представленных в Балановском могильнике» (28, с. 10–11). В появлении таких захоронений нет ничего удивительного ввиду многочисленных примеров перехода от «курганного» обряда к «грунтовому» при внедрении мигрантов в иноплеменную среду (41, с. 27). Со второй частью точки зрения П.М. Кожина я не могу согласиться.

3. Смешанные с «протобалановской», атликасинской, синкретической посудой Балановского, Таутовского (34), Новосюрбеевского (рис. 7, 8) могильников. Данные комплексы свидетельствуют о тесном взаимодействии и культурной интеграции родственных группировок общности боевых топоров.

Курганные могильники. К этой группе отнесены Чурачикский (38, с. 73–97) и Аблязовский (39, с. 181) курганы.

Чурачикский курган (рис. 2, *5*; 9), раскопанный В.Ф. Каховским в 1960, 1961 гг., располагался на вершине высокого пойменного холма. Под насыпью (диаметр 20 м, высота 2 м) выявлены две прямоугольные могилы (3,2×2,7; 3,32×2,5 м, глубина 0,8 м), вытянутые по оси юго-запад – северо-восток. *Могила 1* включала два захоронения, нижнее сопровождалось медным вислообушным топором. В засыпи найдены кости животных, фрагменты сосуда с резным решетчатым орнаментом. *Могила 2* содержала ориентированное головой на запад мужское захоронение на спине с согнутыми ногами. Богатый погребальный инвентарь состоял из просверленного клыка медведя, кремневых сколов и клиновидного топора, медного вислообушного топора, 2 глиняных форм для отливки вислообушного топора, медного шила, сосудов. Керамика представлена 2 горшками, украшенными комбинациями «атликасинских» переменно-наклонных групп отрезков и крупной амфорой с конструкциями и лопастным орнаментом. В верхнем горизонте залегали кости животных, обломок точильного бруска, каменная зернотерка с пестом. Рядом с насыпью прослежены три прямоугольные ямы (1,96×0,67 м, 2,1×0,73 м, 1,2×0,4 м, глубина до 0,15 м), содержавшие фрагменты керамики, обломок медного кольца.

Аблязовский курган, исследованный М.И. Федуловым в 2011 г., находился на пологом склоне неглубокого оврага. Под распаханной до погребенной почвы округлой насыпью (диаметр 21 м, высота 0,5 м) расчищены кольцевой ровик (диаметр 12 м, глубина 0,2–0,45 м) и 2 погребения. *Могила 1* (2,2×2,4 м, глубина в материке 0,75 м) содержала нарушенный сурками женский костяк, вытянутый по линии северо-запад – юго-восток, сопровождавшийся круглодонным горшком и медным шилом. В воронке перекрытия расчищен скелет овцы. *Могила 2* глубиной 1,4 м имела прямоугольную форму. Стенки, обмазанные желтой глиной и известью, сохранили следы деревянной

облицовки. Скорченный женский скелет лежал на правом боку черепом на юг. Погребальный инвентарь представлен 2 сосудами, кремневым клиновидным топором. В заполнении ровика прослежены остатки кострища. Посуда памятника имеет прямые аналогии среди сосудов первой группы Балановского могильника.

Как мы видим, налицо сочетание признаков атликасинского (насыпи, кострища) и «протобалановского» (скорченные захоронения на боку в глубоких могилах, перекрытых накатником) обряда.

Появление курганных могильников на «атликасинском этапе» балановской культуры объясняется внешним инородным воздействием (1, с. 99; 24, с. 29, 39; 42. с. 169–171). Наиболее популярна абашевская версия. Так, С.В. Большов пишет: «Чурачикский курган по погребальному обряду близок абашевским курганам. Во-первых, сам курган, во-вторых, погребенный находился на спине с подогнутыми ногами. И, в-третьих, несмотря на то, что В.Ф. Каховский указывает на близость захоронения с расчлененным костяком срубной культуре..., можно отметить, что этот обряд хорошо известен и в абашевской общности (могильник Алгаши в Среднем Поволжье, абашевские могильники Южного Урала)» (1, с. 99). Заметим, что курганы сооружались практически всеми степными и лесостепными сообществами эпохи бронзы, а редкая для балановской культуры поза «на спине» объясняется мацерацией трупа (6, с. 170, рис. 89, 100). Достоверные признаки расчленения в Чурачикском могильнике отсутствуют. При анализе публикаций (38, с. 73–97; 42, с. 16–81) создается впечатление, что двухъярусная могила 1 содержала два плохо сохранившихся захоронения: основное (глубина 0,8 м) и вводное, просевшее в засыпь (глубина 0,38–0,73 м). Ссылка на материалы Верхних Олгашей некорректна, поскольку курган 6 содержал сильно истлевший костяк, а «обезглавленные» скелеты из кургана 7 сохранили анатомический порядок (43, с. 19, 21–22, рис. 6, 8).

Таким образом, синкретические памятники ярко отражают сложные процессы формирования балановской культуры. Судя по результатам картографирования, основной территорией ее сложения являлась центральная часть Сурско-Свияжского междуречья, где выявлено большинство подобных комплексов (рис. 2, *А*). При этом некоторые из них расположены в непосредственной близости друг от друга. Например, расстояние между Раскильдинским атликасинским курганным и Таутовским грунтовым могильниками составляет около 1 км; Чурачикским курганом и Ново-Сюрбеевским могильником около 700 м.

При датировке рассматриваемого периода можно оперировать тремя радиоуглеродными датами: 3710±30 BP, 2190–2030, 2200–2020 CalBC – очаг жилища 2 с «протобалановской» керамикой поселения Удельный Шумец VII; 3985±40BP, 2570–2465, 2620–2340 CalBC – синкретический комплекс могильника Новое Сюрбеево; 3650±80 BP, 2140–1920, 2300–1750 CalBC – Волосово-Даниловский фатьяновский могильник с атликасинскими проявле-

ниями (27, табл. 5, а, б; 11, а, б). На наш взгляд, время формирования балановской культуры можно ограничить последней четвертью III тыс. до н.э.

Интенсивные интеграционные процессы между двумя близкими группировками общности боевых топоров завершилось появлением многочисленных памятников ошпандинско-хуласючского типа. В возвышенном Ветлужско-Вятском междуречье они отсутствуют, а в Предволжье тяготеют к бассейну нижней Суры (рис. 2, *Б*).

Хуласючские погребальные памятники представлены небольшими курганными могильниками.

Мамалаевский могильник (39, с. 139) включал два кургана, один из которых раскопан Н.В. Трубниковой и Т.А. Кравченко в 1962 г. Под распаханной овальной насыпью (23×19х м, высота 1,16 м), оконтуренной ровиком шириной до 2 м, расчищена ограниченная углистыми канавками (ширина 0,3–1 м, глубина 0,2 м) зольная площадка (4×2 м), внутри которой располагалась «пустая» овальная яма (1,4×1,7 м, глубина 0,15 м). Прослежены углистые прослойки и линзы, столбовые ямы, овальное кострище (1,08×0,5 м, толщина 0,4 м). На погребенной почве найдены кубковидный сосуд, кремневый наконечник стрелы с намеченным шипом.

Медякасинский могильник (рис. 10, *А*), состоявший из 3 курганов, исследовался Н.В. Трубниковой в 1957 г. (24, с. 96, табл. 10, 26, 27). Вскрыта округлая насыпь (20×25 м, высота 0,6 м), распаханная до глубины 0,2–0,3 м. Встречены скопления углей (глубина 0,3–0,6 м), фрагменты толстостенной неорнаментированной керамики (глубина 0,80 м). В северном секторе (глубина 1,6 м) обнаружена «пустая» яма (1,3×0,4 м, глубина 0,15 м), в северо-западном секторе (глубина 0,6 м) – 2 кубка хуласючского типа.

Сирмапосинский (Караевский) могильник (39, с. 256) представлен одиночным курганом, изученным Б.В. Каховским в 1988 г. Под насыпью (диаметр 13 м, высота 0,9 м) в западной части площадки (глубина 0,9 м) расчищена подчетырехугольная «пустая» яма (1,2×0,8 м) с вертикальными стенками (высота 0,28 м), плоским дном, заглубленным в материк (0,06 м). На погребенной почве залегали развалы и фрагменты хуласючских сосудов.

Киржеманский могильник (44, с. 22–25, табл. I), включавший два кургана (диаметр 28 м, высота около 0,3 м), раскопан В.Н. Шитовым. На погребенной почве прослежены кострища и кольцевые канавки диаметром 14–16 м, найдены немногочисленные фрагменты хуласючских сосудов, украшенных отпечатками «шнура» и каннелюрами.

Как мы видим, данные могильники характеризуются ярко выраженными реминисценциями атликасинского погребального обряда.

Керамический комплекс, испытавший значительные изменения, сохраняет «протобалановские» и атликасинские гончарные традиции. Исчезли крупные амфоры со сложными конструкциями, редкими стали шаровидные сосуды, появились высокошейные кубки, вытянутые кухонные емкости с намеченным горлом, уплощенные днища (рис. 10, *А*, *2*, *3*, *Б*). Прослежено уве-

личение толщины стенок, огрубление формовочных масс и орнаментации, включающей новые элементы: выпуклины, шнуровые оттиски, каннелюры. Орнаментальные композиции имеют синкретический облик.

В качестве примера рассмотрим статистически обработанную керамику усть-сурских поселений: Сомовские I, II, Васильсурские II, V, Хмелевское (30, с. 47–48). Встречены горшки с низкой прямой и отогнутой шейкой, округлым приплюснутым туловом (68,2–79,5%); кубки с высоким цилиндрическим и вогнутым желобчатым горлом, небольшим шаровидным туловом, иногда уплощенным дном; плавнопрофилированные сосуды с выделенным цилиндрическим, расширяющимся, слегка суженным горлом, раздутым вытянутым туловом; котловидные сосуды со слабо обозначенной прямой или слегка наклоненной внутрь заостренной шейкой; единственную сферическую емкость. Венчики – с закругленным и плоским бортиком (39,3–65,7%), приостренные (14,3–19,7%), плоские (4,4–9,5%). Более 80% сосудов орнаментировано нарезками и прочерчиванием (ими выполнено 56,8–69,4% учтенных композиций), оттисками зубчатого штампа (7,8–21,8%), отпечатками шнура или имитирующего его орнаментира (11,4–16,3%), выдавленными изнутри выпуклинами (3,6–11,2%). Композиции состоят из многорядных и широких штрихованных зигзагов (3,0–5,4% от общего числа образов), переменно наклонных и вертикальных групп отрезков (3,0–7,2%), треугольников с наклонной и веерной штриховкой (0,6–2,4%), крупных штрихованных ромбов (1,8–7,2%), горизонтальных и вертикальных елочек (1,8– ,6%), косой решетки (до 3,0%), прямых линий (30,8–40,9%), вертикальных желобков – канелюр (5,5–9,0%).

В заключение приведу несколько замечаний по поводу периодизации балановской культуры (24, с. 76–77). Во-первых, следует признать, что т.н. атликасинский этап отражает существование самостоятельной археологической культуры, в целом синхронной «протобалановским» древностям. Во-вторых, вызывает сомнение правомерность выделения третьего – ошпандинского этапа. В 1976 г. О.Н. Бадер и А.Х. Халиков, характеризуя погребальный обряд этого периода, ограничились следующими замечаниями: «...погребальные памятники выявлены пока слабо», ... у нас нет подробно исследованных памятников этого рода» (24, с. 36). Нет их до сих пор. Стратиграфическое разделение ошпандинских и хуласючских древностей отсутствует, а опорные «ошпандинские» комплексы: Ош Пандо, Васильсурск II (второй слой) включают типично хуласючские высокошейные и котловидные сосуды (16, рис. 21, табл. VII, *1, 3, 5, 6–9*, IX, X, XIII; 23, рис. 10, *1, 3, 6–8, 10–12, 15*). На наш взгляд, ошпандинские и хуласючские материалы отражают поздний период существования балановской культуры, отражающий завершение рассмотренных в настоящей статье процессов «протобалановско»-атликасинской интеграции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

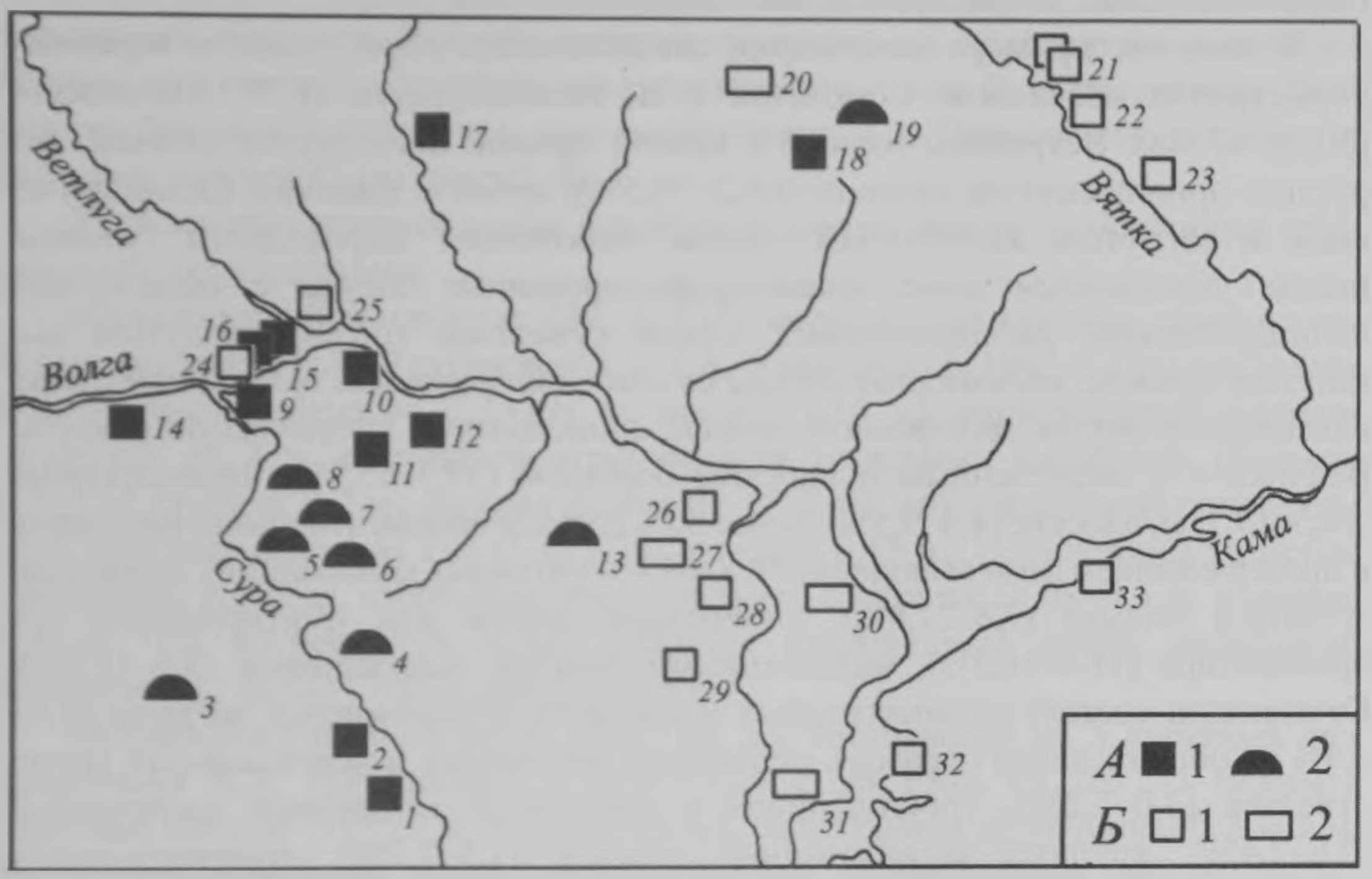

Рис. 1. Памятники общности боевых топоров на юге лесного Поволжья. *А* – поселения и местонахождения керамики (1), курганные могильники (2) атликасинской культуры. *Б* – поселения и местонахождения керамики (1), грунтовые могильники (2) протобалановского типа. Волосовские (*24, 25*) и гаринские (*21–23*) комплексы с балановскими проявлениями. *1* – Сурский Майдан, *2* – Раздольное, *3* – Андреевка, *4* – Красный Октябрь, *5* – Верхние Ачаки, *6* – Раскильдино, *7* – Кумаккасы, *8* – Атликасы, *9* – Васильсурск II, *10* – Юльялы, *11* – Моргауши, *12* – Малое Князь-Теняково, *13* – Саруй, *14* – Сомовка II, *15* – Сутыри I, IV, V, *16* – Полянки, *17* – Кубашево, *18* – Новоселово, *19* – Синцово, *20* – Павлушаты, *21* – Буй I, II, *22* – Чернушка II, *23* – Усть-Курья, *24* – Удельный Шумец VII, *25* – Ахмылово II, *26* – Кугушево, *27* – Старые Урмары, *28* – Большая Куланга, *29* – Большое Тябердино, *30* – Красновидово, *31* – Козловка, *32* – Полянки (Гулькинская), *33* – Базяково.

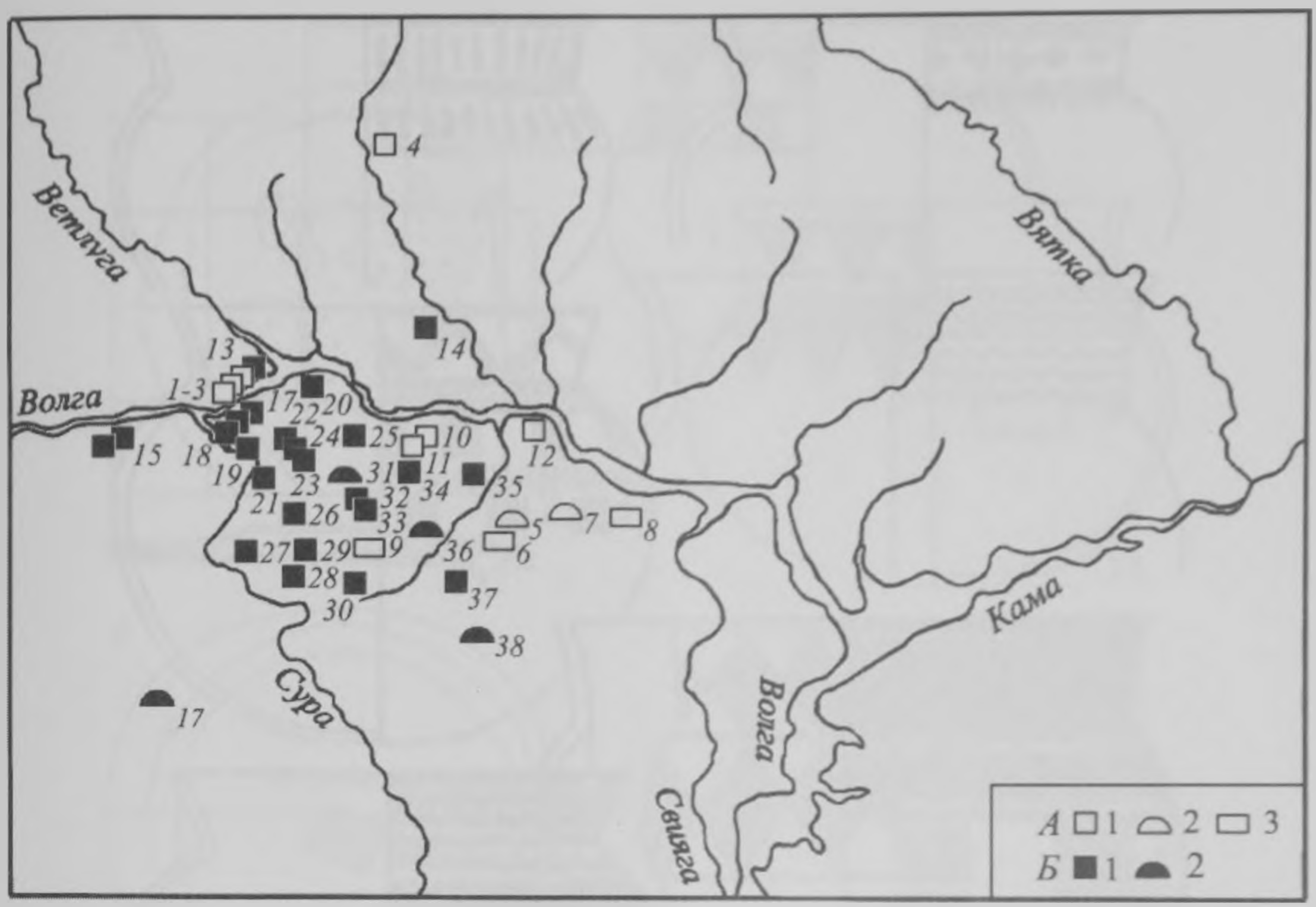

Рис. 2. Основные комплексы балановской культуры юга лесной зоны Среднего Поволжья. *А* – синкретические периода формирования, *Б* – ошпандинско-хуласючские. 1 – поселения. 2 – могильники курганные, 3 – могильники грунтовые. *1* – Нижняя Стрелка IV, *2* – Галанкина гора, *3* – Юрино, *4* – Марийская Лиса, *5* – Чурачики, *6* – Новое Сюрбеево, *7* – Аблязово, *8* – Баланово, *9* – Таутово, *10* – Шоркино, *11* – Тохмеево, *12* –Новинское, *13* – Красный Выселок, *14* – Мариер, *15* – Сомовка I, II, *16* –Киржеманы, *17* – Хмелевка, *18* – Васильсурск II,V, *19* – Новая Слобода, *20* – Писералы, *21* – Чебаково, *22* – Юваново, *23* – Марзакасы, *24* – Янымово, *25* – Новое Шокино, *26* – Сареево, *27* – Калугино, *28* – Тоганаши I, II, *29* – Тиханкино I, II, *30* – Тури-Выла, *31* – Медякасы, *32* – Ягаткино I, II, *33* – Изванкино, *34* – Яндимиркасы, *35* – Абашево, *36* – Сирмапоси, *37* – Малые Яуши I, II, *38* – Мамалаево.

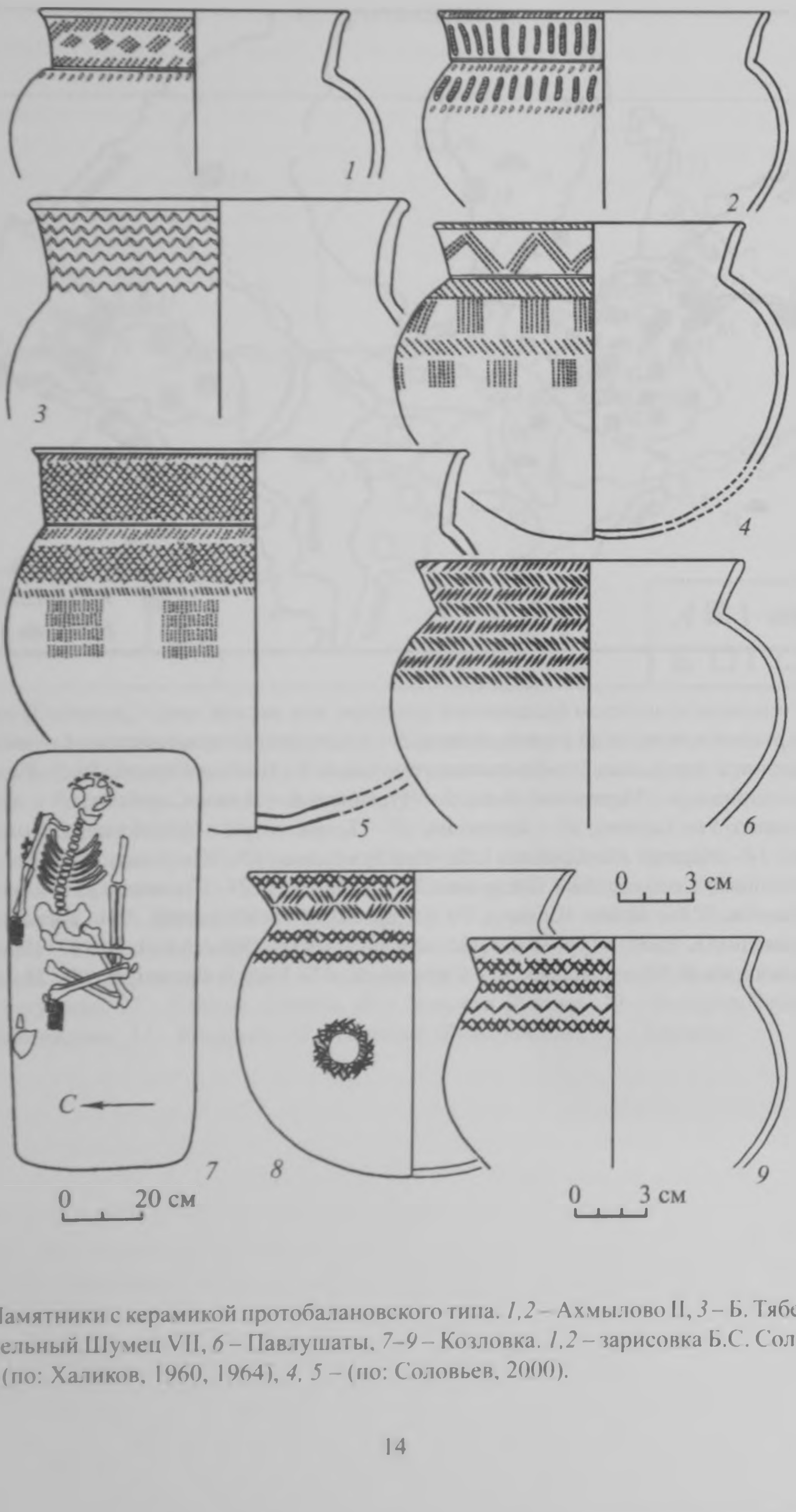

Рис. 3. Памятники с керамикой протобалановского типа. *1,2* – Ахмылово II, *3* – Б. Тябердино, *4, 5* – Удельный Шумец VII, *6* – Павлушаты, *7–9* – Козловка. *1,2* – зарисовка Б.С. Соловьева, *3, 6–9* – (по: Халиков, 1960, 1964), *4, 5* – (по: Соловьев, 2000).

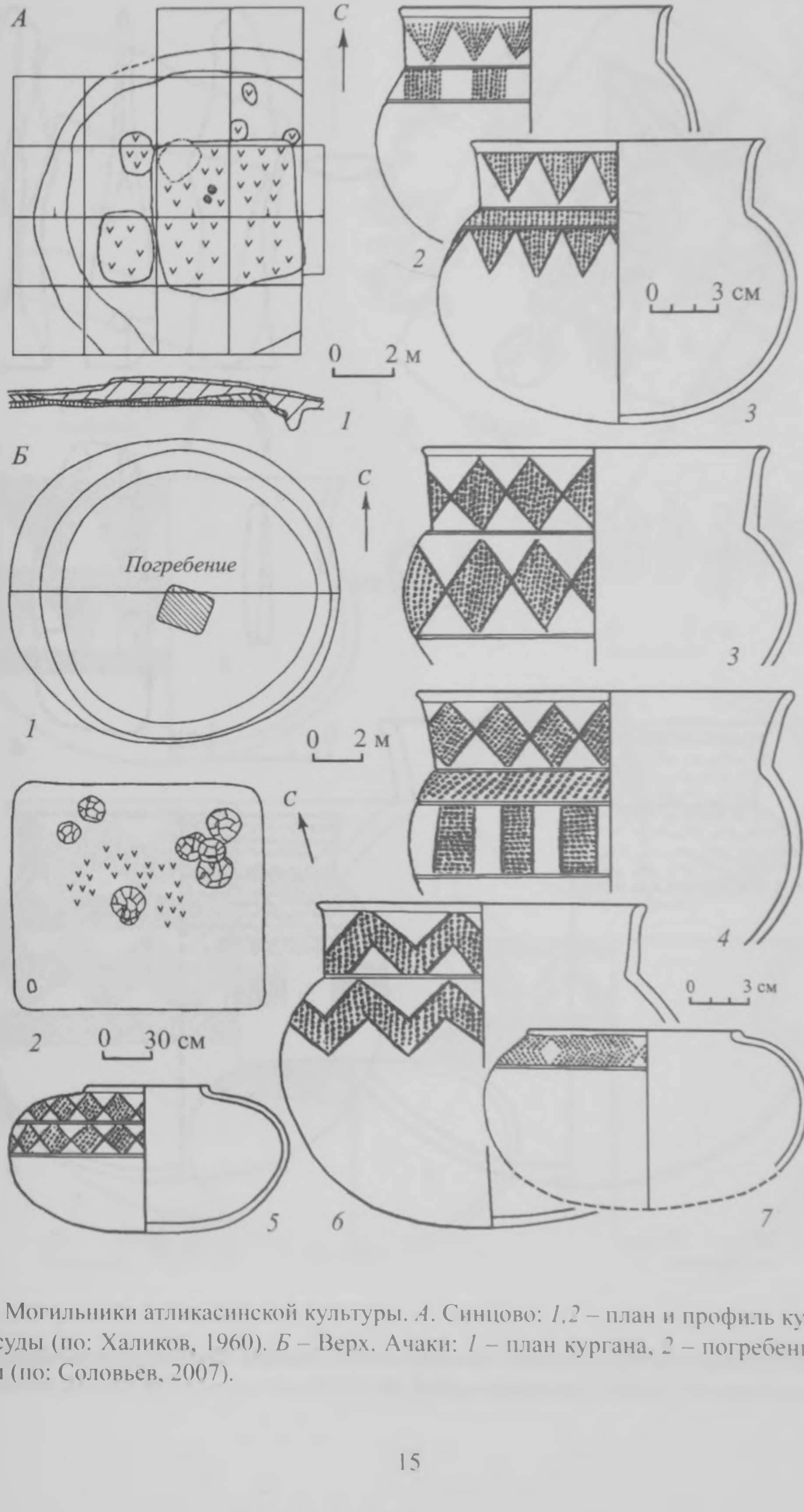

Рис. 4. Могильники атликасинской культуры. *А*. Синцово: *1,2* – план и профиль кургана, *2*. *3* – сосуды (по: Халиков, 1960). *Б* – Верх. Ачаки: *1* – план кургана, *2* – погребение, *3–7* – сосуды (по: Соловьев, 2007).

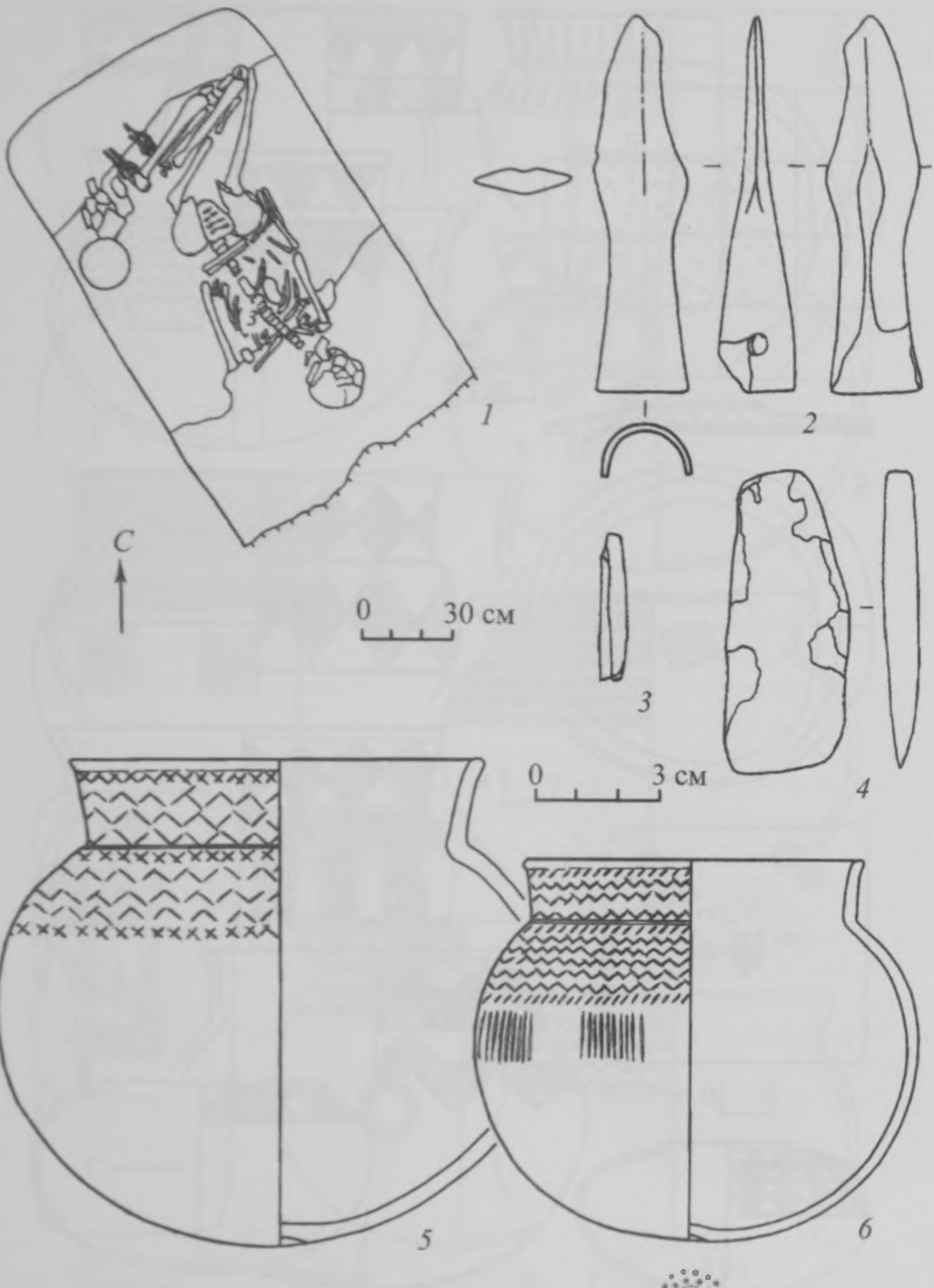

Рис. 5. Балановская культура. Период формирования. Могила 76 Балановского могильника с керамикой первой группы (по: Каховский В.Ф., 1978).

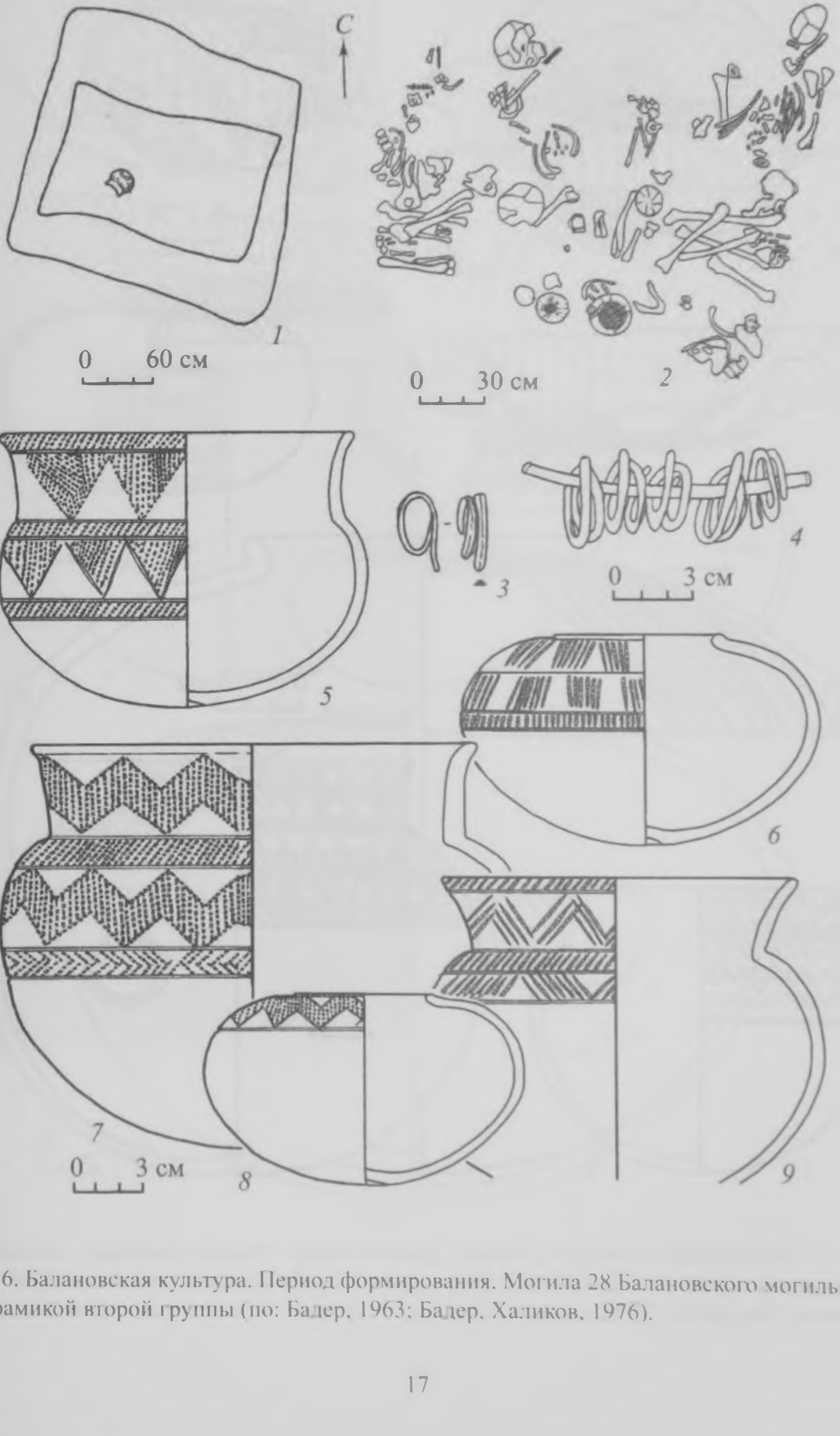

Рис. 6. Балановская культура. Период формирования. Могила 28 Балановского могильника с керамикой второй группы (по: Бадер, 1963; Бадер, Халиков, 1976).

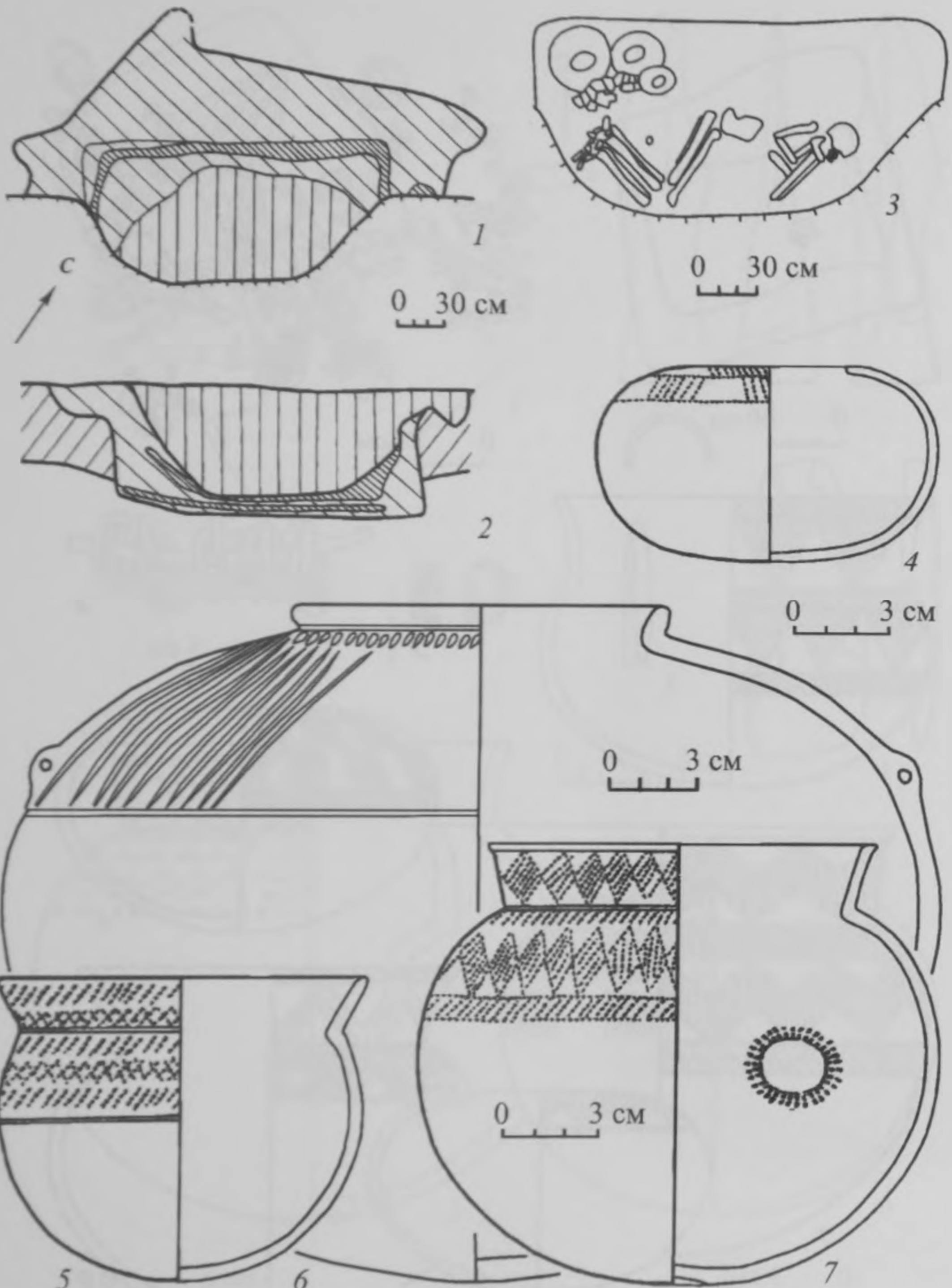

Рис. 7. Балановская культура. Период формирования. Новое Сюрбеево. Могила 1 с керамикой первой и второй групп. *1–3* – план и профиль могилы, *4–7* – сосуды (по: Соловьев, Михайлов, 2003).

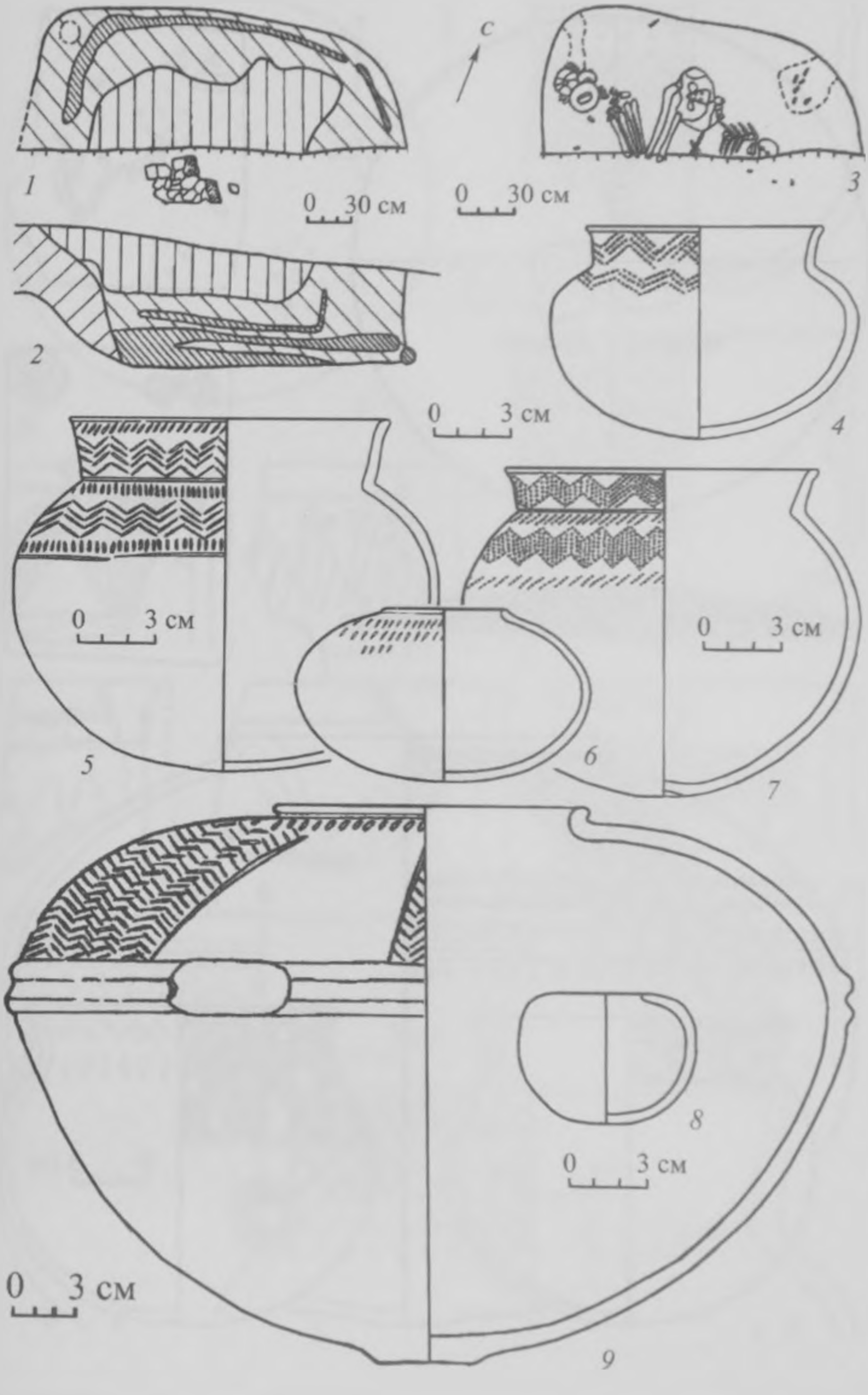

Рис. 8. Балановская культура. Период формирования. Новое Сюрбеево. Могила 2 с керамикой первой и третьей группы (по: Соловьев, Михайлов, 2003).

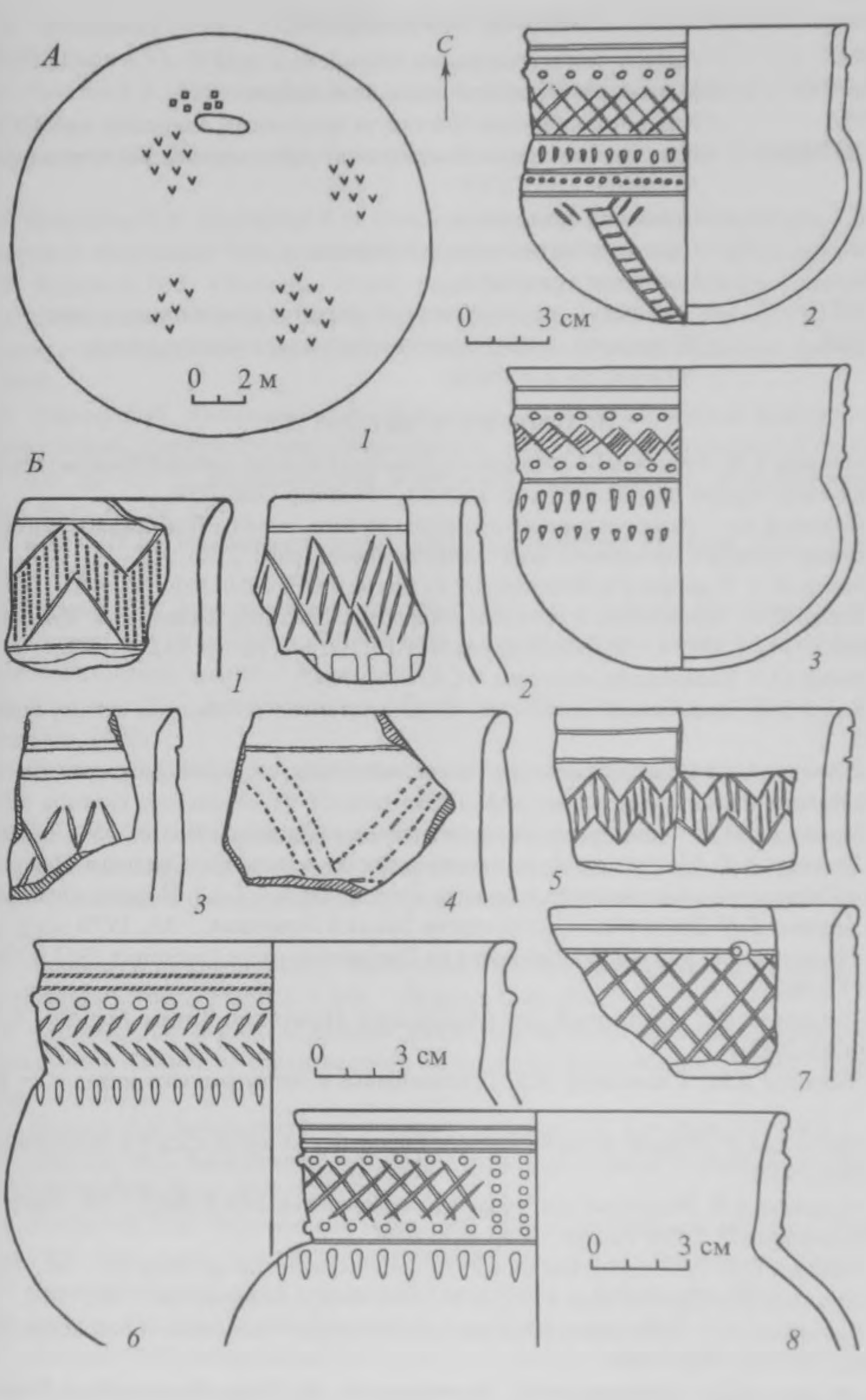

Рис. 10. Балановская культура. Комплексы ошпандинско-хуласюченского типа. *А* – Медякасы. *1* – курган, *2*, *3* – сосуды. *Б* – керамика поселений, *1–5* – Сомовка, 1, *6*, *8* – Писералы, *7* – Мариер (по: Халиков, 1960; Бадер, Халиков, 1976; Соловьев, 2000).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМК – Археология и этнография Марийского края
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиции
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола, 2006.

2. *Соловьев Б.С.* Этнокультурные процессы на юге лесного Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века // Финно-угроведение. 2013, №2.

3. *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950, №1.

4. *Бадер О.Н.* Могильник в урочище «Карабай» близ дер. Баланово в Чувашии (по раскопкам 1934 г.). 1940 г. – Научный архив ЧГИГН. Отд. 2, ед. хр. 552, №1560.

5. *Бадер О.Н.* Балановская культура // СА. 1961, №4.

6. *Бадер О.Н.* Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М., 1963.

7. *Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника / Бадер О.Н. Балановский могильник. – М., 1963.

8. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л., 1966.

9. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МарАЭ. Т. I. – Йошкар-Ола, 1960.

10. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М., 1970.

11. *Никитин А.Л.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. 1973, №2.

12. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды МарАЭ. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

13. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. – Пенза, 2006.

14. *Брюсов А.Я.* Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М., 1952.

15. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА. №95. – М., 1961.

16. *Степанов П.Д.* Ош Пандо. – Саранск, 1967.

17. *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. – М., 1965.

18. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. – М., 1972.

19. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. САИ. Вып. В1-21. – М., 1976.

20. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. САИ. В1-22. – М., 1987.

21. *Брюсов А.Я.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // СА. 1961, №3.

22. *Кривцова-Гракова О.А.* Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. XVI. 1947.

23. *Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. №110. – М.-Л., 1963.

24. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. САИ. В1–25. – М., 1976.

25. *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Вып. 60. – Чебоксары, 1975.

26. *Кузнецов П.Ф.* Основные этапы раннего и среднего бронзового веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурогенеза Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа, 2010.

27. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. – М., 2011.

28. *Кожин П.М.* О происхождении фатьяновской культуры. Автореф. дисс. ... кандидата ист. наук. – М., 1967.

29. *Кожин П.М.* Атликасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневе-ковье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004.

30. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды МарАЭ. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

31. *Соловьев Б.С.* К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола, 2007.

32. *Ставицкий В.В.* О некоторых дискуссионных проблемах изучения лесной полосы Среднего Поволжья в бронзовом веке // Археология восточной лесостепи. Т. I. Вып. II. – Пенза, 2008.

33. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Труды МарАЭ. Т. VII. – Йошкар-Ола, 2002.

34. *Соловьев Б.С.* Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007.

35. *Халиков А.Х.* Балановские памятники в Татарии // КСИА. Вып. 97. 1964.

36. *Акимова М.С.* Балановский могильник (предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.) // КСИИМК. Вып. XVI. 1947.

38. *Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXV. – Чебоксары, 1964.

39. Археологическая карта Чувашской Республики. – Чебоксары, 2013.

40. *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996.

41. *Вихляев В.И.* Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск, 1998.

42. *Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963, № 3.

43. *Каховский Б.В.* Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. – Чебоксары,1985.

44. *Шитов В.Н.* Из истории Среднего Посурья в эпоху бронзы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. – Саранск, 1992.

45. *Каховский В.Ф.* Обследование Балановского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Труды ЧНИИ. Вып. 80. – Чебоксары, 1978.

46. *Соловьев Б.С., Михайлов Е.П.* Ново-Сюрбеевский I могильник – новый памятник балановской культуры в Чувашии // Новые исследования по археологии Поволжья. – Чебоксары, 2003.

Boris Solovyov

FORMATION OF BALANOVO CULTURE

The work is the part of a large article on the problems of cultural genesis of the great migration era of Eurasian peoples of the Bronze Age in the south of the forest zone of the Middle Volga. The main feature of this complex period was the invasion of pastoral tribes who interrupted the continued development of indigenous great Finnish hunting and fishing garinsky-volosovo societies. The problem of formation of balanovo culture, according to the author, created by the interaction of two close community groups battle axes is detailed.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Анатолий Ракин
Сыктывкар

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ
(общесистемные обозначения)

Метеорологическая лексика предназначена для обозначения околоземного атмосферного пространства, происходящих в нем процессов и явлений, связана с наблюдениями за погодными условиями, передвижением воздушных масс, за выпадением осадков, оказывающих непосредственное влияние на состояние природы, жизнь и деятельность человека. В любом естественном языке она не однородна по своему составу, в ней различаются следующие компоненты: общесистемные обозначения (атмосфера, воздух, погода), обозначения состояния атмосферы (тепло, холодно, ветрено, пасмурно, ясно), названия атмосферных явлений (гром, молния, заря, радуга), названия осадков (дождь, снег, град, роса, иней), названия ветров (вихрь, буря, ураган). Каждая из перечисленных лексико-тематических групп представляет собой самостоятельную микросистему, имеющую свою структурную организацию и обладающую конкретным набором номинативных единиц.

Данная работа посвящена лингвистическому анализу первой группы метеорологической лексики, т.е. общесистемным обозначениям, в трех пермских языках – коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском. Особенностью рассматриваемой микросистемы является то, что она относится к метеорологической лексике в целом, а не к какой-то её отдельной части.

Корпус общесистемных метеонимов в исследуемых нами литературных языках состоит из 45 лексических единиц, 17 из них принадлежит коми-зырянскому языку, 16 – удмуртскому, 12 – коми-пермяцкому. Это самый малочисленный компонент метеорологической лексики, другие разряды в количественном отношении превосходят его, так, к группе названий состояния атмосферы относится 73 обозначения, к группе названий атмосферных явлений – 177, к группе названий атмосферных осадков – 217.

Основными источниками фактического материала для исследования послужили лексикографические издания современных пермских языков. Дополнительные сведения получены путем опроса некоторых носителей коми-пермяцкого и удмуртского языков.

Рассмотрим общесистемные метеорологические обозначения в каждом из пермских языков отдельно.

I. Как было отмечено выше, группа общесистемных обозначений **коми-зырянского языка** состоит из 17 лексических единиц. Данная совокупность названий относится к 10 объектам номинации. Статистические подсчеты показывают, что нет прямого соответствия между этими двумя показателями. Это обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что в речевой практике для одного и того же обозначаемого часто используется не одно, а два и более названий, например: *метеорология* – 1) метеорология, 2) поводдя тӧдмалӧм; *хорошая погода* – 1) бур поводдя, 2) мича поводдя; *плохая погода* – 1) шукӧб, 2) падьӧр, 3) лӧк поводдя, 4) мисьтӧм поводдя, 5) омӧль поводдя. С другой стороны, имеются случаи, когда полисемантическое слово указывает на несколько объектов номинации, например, *поводдя* – 1) погода, 2) климат.

Содержащиеся в словарях коми языка обозначения данной группы метеонимов являются общеупотребительными лексическими единицами: *атмосфера* «атмосфера» (1, с. 34), *падьӧр* «непогода» (2, с. 500), *сынӧд* «воздух» (1, с. 623) и т. д. Исключение составляет лишь слово *шукӧб* «ненастье», на диалектную принадлежность которого указывает помета *диал.* (см. 1, с. 746).

1. Исконные коми-зырянские обозначения. Исконный фонд общесистемных названий состоит из следующих слов:

1) *сынӧд* «воздух». В близкородственных языках соответствия с данной семантикой отсутствуют. Употребляющееся в коми-пермяцком языке *сынӧт* имеет значение «марево» (см. 3, с. 461), т. е. относится не к общесистемным обозначениям, а к группе названий атмосферных явлений. В Кратком этимологическом словаре коми языка коми-зырянское слово сопоставляется с финским (*sää* «погода»), саамским (*šäŋŋ* «ветер») и венгерским (*ég* «небо, воздух») примерами и реконструируются общепермская (**sünet*) и допермская (**säŋä-, säŋe-*) праформы (см. 4, с. 268). В Этимологическом словаре уральских языков в качестве генетических соответствий рассматриваются коми, финский и венгерский слова, прафинно-угорская реконструкция дается в форме **säŋs* «воздух» (5, с. 435).

В последнем издании Коми-русского словаря слово *сынӧд* приводится в обоих значениях («воздух», «марево») как общеупотребительная лексическая единица (1, с. 623), а в словаре 1961 года издания это же название в значении «воздух» квалифицировано как неологизм и дано в качестве синонима для повсеместно распространенного заимствованного слова *воздух* «воздух» (6, с. 117);

2) *шукӧб* диал. «ненастье» (1, с. 746). Сопоставляется с удм. *шукырес* «страшный, жуткий», *шукырес тӧл* «сильный ветер» (7, с. 507) < общеп. *šuk-* (4, с. 323). Коми-зырянское обозначение является производным словом от глагола *шуксьыны* «кишеть, роиться», ср. кп. *шуксьыны* «кишеть, роиться» (3, с. 570) и удм. *шукырскыны* «бушевать (например, о ветре)» (7, с. 507). Для глагольной основы дается общепермская праформа **šuk-* со значением «кишеть», «находиться в волнении» (4, с. 323).

2. Заимствования. Для части обозначений данной группы источником послужила лексика русского литературного языка.

1) *атмосфера* «атмосфера» (1, с. 34) < рус., ср. *атмосфера* «газообразная оболочка Земли и некоторых других планет» (8, с. 50);

2) *воздух* «воздух» (1, с. 110) < рус., ср. *воздух* «образующая атмосферу земли смесь газов, главным образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных, растений» (8, с. 199). Составляет синонимическую пару с исконным словом *сынӧд* «воздух» (см. выше);

3) *климат* «климат» (1, с. 277) < рус., ср. *климат* «многолетний режим природы, свойственный той или иной местности на Земле и являющийся одной из ее географических характеристик» (8, с. 58);

4) *метеорология* «метеорология» (1, с. 392) < рус., ср. *метеорология* «наука об атмосфере, ее строении, свойствах и происходящих в ней процессах; учение о погоде и методах ее предсказания» (8, с. 260);

5) *температура* «температура» (1, с. 639) < рус., ср. *температура* «степень нагретости чего-л. (какого-л. тела, вещества)» (8, с. 352).

Как видим, рассмотренные заимствования перешли в коми язык без каких-либо фонетических и семантических трансформаций. Они, кроме слов *воздух* и *метеорология*, являются единственными обозначениями соответствующих объектов номинации.

Следующие обозначения проникли в состав общесистемных метеонимов коми-зырянского языка из русских народных говоров:

6) *падьӧр* «непогода» (2, с. 500) < рус., ср. *падер* «метель, пурга» (9, с. 105) или *падера* нвг. пск. перм. «буря с вихрем, дождем, со снегом, зимнее ненастье, мокредь» (10, с.7);

7) *поводдя* «погода» (1, с. 507) < рус., ср. *погодье* «погода» (9, с. 45), *погодье* «общее состояние погоды, по местности или климат» (10, с. 256). Согласно Я. Калима (11, с. 110), непосредственным источником заимствования послужила форма множественного числа русского слова *погодья*. При заимствовании произошла замена фонемы *г* исходного названия фонемой *в* и удвоение согласного звука *д*.

3. Заимствования, употребляющиеся в коми-зырянском языке в сочетании с исконными компонентами:

1) *бур поводдя* «хорошая погода». Поводдя «погода» < рус. (см. выше). Определительный компонент *бур* «хороший» – древнее исконное слово, ср. кп. *бур* «хороший», удм. *бур* «тж» < общеп. **bur* «хороший» (4, с. 42) < ф.-п. **para* «хорошо» (5, с. 724);

2) *вежласян поводдя* «неустойчивая погода». *Поводдя* «погода» < рус. Определительный компонент *вежласян* «изменчивый, переменчивый, непостоянный» образован от глагола исконного происхождения вежласьны «меняться, изменяться», ср. удм. *вошъяськыны* «меняться, измениться, изменяться» < общеп. **veǯ-* (4, с. 50) < ф.-п. **wajз-šз* «промежуток, расстояние» (5, с. 810);

3) *лёк поводдя* «плохая погода». Основной компонент, как и в предыдущих примерах, является словом русского происхождения. Определительный компо-

нент *лёк* «плохой» – древнее исконное слово, ср. кп. *лёк* «плохой», удм. *лек* «злой, сердитый» < общеп. **l'ɜk* «злой, сердитый» (4, с. 159) < ф.-у. **lɜ̈ŋɜ* «очень» (5, с. 258);

4) *мисьтӧм поводдя* «плохая погода». Поводдя «погода» < рус. Компонент *мисьтӧм* «некрасивый» – исконное название, ср. кп. *мисьтӧм* «неумытый» (3, с. 250). Образованы от слова *мич* «красота» < общеп. **mič'* «чистый, ясный, красивый» (4, с. 172) < ф.-п. **mic'ä* «совместить, подсчитывать» (5, с. 274);

5) *мича поводдя* «хорошая погода». *Поводдя* «погода» < рус. *Мича* «красивый; погожий, солнечный, ясный» – исконное слово, ср. кп. *мича* «красивый, погожий, солнечный, ясный» (3, с. 250). В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует, там в значении «красивый» употребляется заимствование тюркского происхождения *чебер* (см. 12, с. 469);

6) *амӧль поводдя* «плохая погода». *Поводдя* «погода» < рус. Компонент *амӧль* «плохой, скверный, гадкий» – исконное слово, ср. кп. *умӧль* «плохой» (3, с. 513). В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует, там понятие «плохой» обозначается словом *урод*, например, *урод куазь* «плохая погода» (7, с. 454);

7) *поводдя тӧдмалӧм* «метеорология». *Поводдя* «погода» – заимствование. Основной компонент сочетания *тӧдмалӧм* «выяснение, выявление; изучение, исследование» – исконное слово, образованное от глагола *тӧдмавны* «узнать, разузнать; выяснить; изучить, исследовать» < *тӧдны* «знать», ср. кп. *тӧдны* «знать», удм. *тодыны* «тж» < общеп. **tod-* «знать» (4, с. 283) < ур. **tumte* «чувствовать, трогать, прикасаться, щупать» (5, с. 536);

8) *сынӧдлӧн температура* «температура воздуха». Слово *температура* заимствовано из русского языка (см. выше). Компонент *сынӧдлӧн* – форма родительного падежа от исконного слова прафинно-угорского происхождения *сынӧд* «воздух» (см. выше).

II. Общесистемные обозначения в составе метеорологической лексики коми-пермяцкого языка. Данная группа метеонимов состоит из 12 лексических единиц, относящихся к 9 объектам номинации. Меньшее количество обозначаемых объектов в сравнении с другими пермскими языками на одну единицу связано с тем, что название для понятия «неустойчивая погода» в словарях коми-пермяцкого языка отсутствует.

1. Исконные обозначения. Исконное происхождение в коми-пермяцком языке имеет лишь один общесистемный метеоним: *ру* «воздух» (3, с. 409). В коми-зырянском языке генетическое соответствие *ру* также является метеорологическим обозначением, но имеет семантику не «воздух», а «туман» (см. 1, с. 569), т. е. относится к микросистеме названий метеорологических явлений. Коми слова этимологически связаны с удм. *жӵу* «раскалённые (горящие) угли» (7, с. 147), который к сфере метеорологической лексики не относится. Общепермская праформа реконструируется в виде **ru* «горячий пар, угли» (4, с. 244). Для финно-угорского праязыка дается праформа **rate* (**rote*) «пар,

дым, туман» (5, с. 420). Все изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что слово *ру* приобрело значение «воздух» и стало употребляться в качестве общесистемного метеонима после отделения от коми-зырян и удмуртов, в эпоху самостоятельного существования коми-пермяцкого языка. Кп. *ру* является синонимом названия русского происхождения *воздух* «воздух» (3, с. 78).

2. Заимствования. Анализируемый материал свидетельствует о том, что для не исконных названий коми-пермяцкого языка, как и для аналогичной группы коми-зырянских обозначений, послужил один и тот же источник – русский язык. Состав заимствований в обоих коми языках почти полностью совпадает:

1) *атмосфера* «атмосфера» (3, с. 23) < рус., ср. *атмосфера* «газообразная оболочка Земли и некоторых других планет» (8, с. 50);

2) *воздух* «воздух» (3, с. 78) < рус., ср. *воздух* «образующая атмосферу Земли смесь газов, главным образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных, растений» (8, с. 199);

3) *климат* «климат» (3, с.176) < рус., ср. *климат* «многолетний режим природы, свойственный той или иной местности на земле и являющийся одной из ее географических характеристик» (8, с. 58);

4) *метеорология* «метеорология» (3, с. 248) < рус., ср. *метеорология* «наука об атмосфере, ее строении, свойствах и происходящих в ней процессах; учение о погоде и методах ее предсказания» (8, с. 260);

5) *температура* «температура» (3, с. 473) < рус., ср. *температура* «степень нагретости чего-л. (какого-л. тела, вещества)» (8, с. 352);

6) *воздухлӧн температура* «температура воздуха». *Температура* «температура» < рус. (см. выше), *воздухлӧн* – форма родительного падежа от слова воздух «воздух» (см. выше).

Второй тип обозначений русского происхождения, т. е. проникших из русских народных говоров, состоит из трех заимствований:

7) *падер* «непогода» (3, с. 313) < рус., ср. *падер* «метель, пурга»; *падера* «метель, пурга; снегопад; ветер с дождем или мокрым снегом» (9, с. 105);

8) *погоддя* «погода» (3, с. 350) < рус., ср. *погодье* «погода» (9, с. 45); *погодье* «общее состояние погоды, по местности или климат» (10, с. 256). Как и для коми-зырянского *поводдя* «погода» (см. выше), непосредственным источником заимствования послужила форма множественного числа русского слова *погодья*. Но в данном случае замены фонемы *г* исходного названия фонемой *в* не произошло, состоялось лишь удвоение согласного звука *д*;

9) *басӧк погоддя* «хорошая погода» (3, с. 350). Это обозначение представляет собой словосочетание, в составе которого заимствованиями являются оба компонента: *погоддя* «погода» < рус. (см. выше); *басӧк* «красивый; погожий, солнечный, ясный» (3, с. 26) < рус., ср. *басый, баский, баской* «красивый» (10, с. 52). Непосредственным источником заимствования для коми-пермяцкого названия послужила, видимо, не полная форма русского прилагательного,

а краткая *басок* «красив». Слово *басӧк* является синонимом коми-пермяцкого *мича* «красивый; погожий, безоблачный, солнечный, ясный» (3, с. 250). Для русского прилагательного *баской*, имеющего соответствия в славянских языках (например, в украинском и сербохорватском), а также в древнеиндийском и латинском, дается индоевропейская этимология (см. 13, с. 162–163).

3. Заимствования, употребляющиеся в коми-пермяцком языке в сочетании с исконными компонентами:

1) *бур погоддя* «хорошая погода»; *погоддя* «погода» < рус. (см. выше); *бур* «хороший», ср. кз. *бур* «тж», удм. *бур* «тж» < общеп. **bur* «хороший» (4, с. 42) < ф.-п. **para* «хорошо» (5, с. 724);

2) *умӧль погоддя* «плохая погода» (3, с. 513); *погоддя* «погода» < рус. (см. выше); *умӧль* «плохой» – исконное слово, ср. кз. *омӧль* «плохой, скверный, гадкий» (1, с. 457).

III. Общесистемные обозначения в составе метеорологической лексики удмуртского языка. Данная группа состоит из 16 лексических единиц, одна из них имеет территориально ограниченное употребление, на что указывает соответствующая помета: *воздух* диал. «воздух» (7, с. 87). Как и в коми-зырянском языке, данная совокупность обозначений относится к 10 объектам номинации.

1. Исконное происхождение в удмуртском языке имеют следующие общесистемные метеонимы:

1) *куазь* «климат; погода» (12, с. 362, 718). Употребляется только в удмуртском языке. В других пермских языках вместо него распространены русские заимствования, ср. кз. *поводдя*, кп. *погоддя* (см. выше). Отсутствие генетических соответствий в других родственных языках указывает на то, что данное удмуртское слово возникло после распада прапермской языковой общности;

2) *инкуазь* «погода; климат» (7, с. 168); *ин* «небо» (7, с. 167), сопоставимо с кз. *ен* «бог», кп. *ен* «тж». Из общеп. **jent-* «бог, небо» (4, с. 99), восходящего к ф.-у. **ilma* «небо; погода; бог» (5, с. 81). *Куазь* «погода» – собственно удмуртское слово (см. выше);

3) *омыр* «воздух» (7, с. 320). В коми языках в этом значении употребляются этимологически не связанные с удмуртским словом исконные обозначения или заимствования, ср. кз. *сынӧд* «воздух», *воздух* «тж»; кп. *ру* «воздух», воздух «тж». Финно-угроведы рассматривают удм. *омыр* «воздух; жар, выходящий из печи; тепло» как исконное слово вместе с мар. *умыр* «теплый, тихий (о погоде)», с кз. *ымравны* «веять теплом». Появление всех этих слов относят к прафинно-пермской эпохе, и реконструируются две праформы: общеп. **imir-* (4, с. 329) < ф.-п. **imre* «пламя, огонь» (5, с. 804). Тюркологи, наоборот, считают марийское и пермские названия заимствованиями, в качестве исходного слова они приводят чувашское *ӑмӑр* «время, склонное к дождю; пасмурный (к погоде); тихий (по погоде после дождя)» (17, с. 82). Для обозначения воздуха метеоним *омыр* употребляется только в удмуртском языке, поэтому его вполне можно

признать собственно удмуртским изобретением. В чувашском языке данное понятие выражается совсем другим словом: *сывлăш* «воздух» (18, с. 87).

Остальные исконные удмуртские общесистемные метеорологические обозначения представляют собой составные названия:

4) *вошъяськись куазь* «неустойчивая погода». Первый компонент сочетания *вошъяськись* «изменчивый, переменчивый» является производным словом от глагола *вошъяськыны* «меняться, изменяться», этимологически связанного с кз. *вежласьны* «меняться, изменяться». Возводят данные слова к общеп. **veź-* (4, с. 50), исходная прафинно-пермская форма **wajз-šз* «промежуток, расстояние» (5, с. 810). О происхождении компонента *куазь* «погода» (см. выше);

5) *гöп куазь* «плохая погода; ненастная погода» (7, с. 113). Первый компонент словосочетания имеет диалектное употребление: *гöп* диал. «буран, пурга» (7, с. 113). В других родственных языках генетические соответствия отсутствуют. Словосочетание возникло, видимо, в удмуртском языке в период его самостоятельного существования;

6) *жоб куазь* «ненастье; непогода» (7, с. 141). Компонент *жоб* «ненастный, непогожий; грязный» этимологически связан с кз. *жеб* «слабый; хилый; хрупкий» и с кп. *жеб* «слабосильный, хилый; старый, ветхий». Для общепермского праязыка реконструируется форма **žeb* «плохой, нехороший, безобразный» (4, с. 102). О происхождении компонента *куазь* «погода» см. выше. Как метеорологическое обозначение данное словосочетание возникло, видимо, после распада прапермской языковой общности;

7) *шулдыр куазь* «хорошая погода» (7, с. 508). Компонент *шулдыр* «веселый, радостный» (7, с. 324) сопоставляется с диалектным кз. *шундыр* «шаловливый, бойкий, озорной (о детях)» без реконструкции праформы (4, с. 324). Как метеорологическое обозначение *шулдыр куазь* следует отнести к исконным образованиям собственно удмуртского происхождения.

2. Заимствованный компонент ряда общесистемных метеонимов удмуртского языка. Как и в других пермских языках, данная группа состоит из названий русского происхождения, но отличается от них тем, что здесь отсутствуют заимствования из русских народных говоров.

1) *атмосфера* «атмосфера» (7, с. 35) < рус., ср. *атмосфера* «газообразная оболочка Земли и некоторых других планет» (8, с. 50);

2) *воздух* диал. «воздух» (7, с. 87) < рус., ср. *воздух* «образующая атмосферу земли смесь газов, главным образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных, растений» (8, с. 199);

3) *климат* «климат» (7, с. 203) < рус., ср. *климат* «многолетний режим природы, свойственный той или иной местности на Земле и являющийся одной из ее географических характеристик» (8, с. 58);

4) *метеорология* «метеорология» (7, с. 281) < рус., ср. *метеорология* «наука об атмосфере, ее строении, свойствах и происходящих в ней процессах; учение о погоде и методах ее предсказания» (8, с. 260);

5) *температура* «температура» (7, с. 414) < рус., ср. *температура* «степень нагретости чего-л. (какого-л. тела, вещества)» (8, с. 352).

3. Заимствования, употребляющиеся в удмуртском языке в сочетании с исконными компонентами. В составе данной группы различаются два типа метеонимов: а) обозначения с компонентами русского происхождения и б) названия с компонентами тюркского происхождения.

К первому типу относятся следующие названия:

1) *омырлэн температура* «температура воздуха». *Омырлэн* – форма родительного падежа удмуртского слова омыр «воздух», *температура* «температура» < рус. (см. выше);

2) *урод куазь* «плохая погода» (7, с. 454). Основной компонент *куазь* «погода» является исконным удмуртским словом (см. выше). Определительный компонент *урод* «плохой, скверный» заимствован из русского языка, ср. рус. *урод* «человек с физическим недостатком; человек с некрасивой, безобразной внешностью», уродливый «очень некрасивый, безобразный» (8, с. 512). Значение «плохой», отсутствующее у исходного русского слова, появилось, видимо, в удмуртском языке.

Второй тип метеонимов, т.е. сочетания со словами тюркского происхождения, также представлен двумя обозначениями:

1) *умой куазь* «хорошая погода». Источником компонента *умой* «хороший» (7, с. 450) считается тат. *уңай* «удобный, сподручный, подходящий» (14, с. 598; см. также 15, с. 234). *Куазь* «погода» – исконное удмуртское слово;

2) *чебер куазь* «хорошая погода» (7, с. 220). Компонент *чебер* «красивый» также относится к словам тюркского происхождения и сопоставляется с тат. *чибәр* «красивый» (14, с. 635; см. также 15, с. 142), чув. *чипер* «красивый» (16, с. 173; см. также 15, с. 142), башк. *чибар* «красивый» (15, с. 142).

В итоге следует сказать, что данная отрасль метеорологической лексики характеризуется незначительной долей общих исконных обозначений, восходящих к древним периодам развития пермских языков, и немалым числом заимствований, проникших в основном из русского литературного языка или через него. Это связано, видимо, с тем обстоятельством, что выделение соответствующих объектов номинации и их дефиниция происходит, как правило, не на обыденном, а на более высоком – научном уровне познания данной сферы окружающей действительности. Этот же фактор, вероятно, является главной причиной того, что рассмотренная система обозначений сформировалась намного позже других разрядов метеорологической лексики.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский язык
диал. – диалектное слово
кз. – коми-зырянский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
общеп. – общепермский язык-основа

рус. – русский язык
тат. – татарский язык,
удм. – удмуртский язык
ур. – уральский праязык
ф.-п. – финно-пермский праязык
ф.-у. – финно-угорский праязык
чув. – чувашский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Коми-роч кывчукӧр. – Сыктывкар, 2000.
2. Русско-коми словарь. – Сыктывкар, 2003.
3. Коми-пермяцко-русский словарь. – М.,1985.
4. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар,1999.
5. *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–2. – Budapest. Akademiai Kiado, 1988.
6. Коми-русский словарь. – М., 1961.
7. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. – М., 1983.
8. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981. – Т. 1; 1982. – Т. 2; 1984. – Т. 4.
9. Словарь русских народных говоров Среднего Урала. – Свердловск, 1981. – Т. 3; 1983. – Т. 4.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989. – Т. 1; 1990. – Т. 3.
11. *Kalima J.* Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. – Helsingfors, 1910.
12. Русско-удмуртский словарь. – М., 1956.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1974. – Вып. 1.
14. Татарско-русский словарь. – М., 1966.
15. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. – Ижевск, 1993.
16. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. – Чебоксары, 1999.
17. *Федотов Р.М.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996. – Т. 1.
18. Русско-чувашский словарь. – М., 1971.

Anatoliy Rakin

METEOROLOGICAL VOCABULARY IN THE PERMIAN LANGUAGES
(System-wide designations)

System-wide designations are independent microsystem composed meteorological vocabulary. They differ in that they are formed later than other categories of meteonyms, therefore, they have an insignificant share of common primordial designations dating back to ancient periods of the development of Permian languages, and a considerable number of borrowings.

Наталья Чикина
Петрозаводск

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ В. БРЕНДОЕВА «МОЖЖЕВЕЛЬНИК»

Национальное своеобразие литературы, которое на каждом из периодов своего развития соответствует конкретным историческим условиям, имеет свою специфику. Традиционное и новаторское приобретают новый характер, обогащаются и развиваются. На современном этапе вопрос о преемственности в развитии литературы значительно усложнился. Он связан с процессами взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур.

Общеизвестно, что проблема соотношения человеческой судьбы и исторического времени во многом определяет проблематику литературы XX века. Этому тезису соответствует поэма «Kadajikko» («Можжевельник»), основные события которой разворачиваются в Карелии в годы Великой Отечественной войны. Впервые она была опубликована в Петрозаводске в одноименном сборнике в 1986 году и так и осталась единственной в творчестве основоположника карелоязычной литературы Владимира Егоровича Брендоева (1931–1990).

Как известно, территория республики была оккупирована финскими войсками практически с первых дней войны и до осени 1944 года. Как отмечал В.Г. Макуров, «наиболее действенным в Карелии оказался путь создания подготовленных групп в советском тылу и переброски их затем через линию фронта на оккупированную противником территорию» (1, с. 98).

Так, летом 1942 года в Олонецком районе работала группа подпольщиков в составе М.М. Деляева, А.М. Звездиной и радистки О.Е. Филипповой. Секретарь райкома партии М.М. Деляев во время Великой Отечественной войны был комиссаром истребительного батальона. Затем получил назначение на подпольную работу в тылу врага. А.М. Звездина в начале войны заменила ушедшего на фронт секретаря райкома комсомола и была направлена на подпольную работу. О.Е. Филиппова с начала войны находилась в действующей армии и, освоив специальность радиста, также присоединилась к группе подпольщиков.

Группа работала до октября 1942 года. Им удалось собрать информацию о расположении финских частей и линии их обороны, сообщить о передвижении войск противника на участке Олонец-Лодейное Поле, устроить несколько

диверсий, распространить листовки и сводки Совинформбюро. Однако их деятельность была прервана. Всех участников расстреляли в феврале 1943 года. Герои посмертно награждены боевыми орденами СССР (2, с. 238–240).

Несмотря на то, что в основу поэмы положен простой сюжет, основанный на реальных событиях, – жизненный путь народной героини Анастасии Михайловны Звездиной (1920–1943), в ней отражена вся сила, мудрость и твердость народного характера. 25 июня 1944 года армейская газета «Во славу Родины» в статье «Дочь карельского народа» писала: «Олонец освобожден. Снова возрождается жизнь в крае, жизнь, за которую боролась и умерла Настя Звездина. Народ помнит и чтит память о своей верной дочери, отдавшей свою жизнь за Отчизну, за счастье своего народа. Вот почему в первый день вступления наших войск мы сразу же узнали о подвиге Звездиной. Вот почему на митинге жителей освобожденного Олонца в речах всех ораторов упоминалось имя карельской девушки Насти Звездиной».

Историческая основа произведения состоит не только в описании подвига землячки, но и в рассказе о жизни карельской деревни, обычаях народа. Через все произведение проходит восхищение природой родного края, нравственной жизнью народа, его целомудрием. Само название поэмы сразу же обращает на себя внимание.

О.И. Уляшев отмечал, что «у всех уральских народов можжевельник считается важнейшим апотропейным средством и широко задействован в очистительных обрядах» (3, с. 166). Можжевельник считается святым деревом и у карелов: он и дым его веток отпугивают нечистую силу. Как отмечал К.К. Логинов, народ верит, что можжевельник не поддается колдовской порче, вечно зеленеет и практически не гниет от сырости (4, с. 178). И.Ю. Винокурова писала, что у капшинских и южных вепсов была традиция сажать куст можжевельника на могиле девушки (5, с. 435-436). Можно предположить, что Брендоев, зная все это, вынес в название это растение.

О значительном влиянии на Брендоева карельского фольклора указывает использование в произведении приемов народно-песенного стиля, элементов «калевальской метрики» (наряду с аллитерацией встречается явление параллелизма). В зачине поэмы (глава 1 стихи 1–12) Брендоев, как народный певец, настраивает своих слушателей на рассказ, собираясь воспеть народную героиню, простую карельскую девушку-комсомолку:

Kadajikko.	Можжевельник.
Madal, kurju kadajikko,	Низкий, жалкий можжевельник,
savihavvat,	глиняные ямы,
ruozmevezi.	ржавая вода.
Minul ammui hengi hikkau	У меня давно души желание
löydiä sanat	найти слова
oivat,	правильные,
kezet...(6, с. 151)	спокойные…

(Здесь и далее подстрочный перевод с карельского и финского Н.В. Чикиной).

Первые четыре строки повторяются на протяжении всей поэмы трижды. Использование троекратного повтора говорит о влиянии фольклорной традиции на автора. Повторы в фольклоре помогают выделить основной образ, основную мысль. Также и у Брендоева они несут дополнительную смысловую нагрузку, показывая, в каких тяжелых природных условиях растет можжевельник, и в каких трудных условиях выросла героиня.

Глина чаще всего обозначается оттенками от желто-красного до красно-коричневого. Так и Брендоев пишет: «глина ржавая». В его творчестве желтый цвет ассоциируется с тоской, а темно-красные тона также имеют негативную окраску, например, у него это цвет вдов.

Содержание и художественный смысл поэмы «Можжевельник» контрастны политическими идеями времени, а в общем тексте карелоязычной литературы поэма уникальна, поскольку в ней сочетаются народный язык, фольклор и явление социалистического реализма. Советскому читателю хорошо знаком образ героинь войны, и Брендоев не отходит от него.

Поэма написана в сюжетно-повествовательном жанре, в котором ранее, правда, на финском языке творили карелы Николай Лайне и Яакко Ругоев. Поэма Брендоева тяготеет к эпическому жанру и в ней, также как и у Я. Ругоева, только в сжатом виде изображен период перехода карельского народа от полупатриархального уклада жизни к новому этапу развития. Прошлое запечатлено как исходная ситуация, контрастом которой является новый исторический виток.

В отличие от Ругоева, у которого в «Сказании о карелах» сильно фольклорное начало, Брендоев приблизился своей повествовательностью к литературной лиро-эпической поэме. Как отмечала И.Г. Неупокоева, появление такого жанра вызвано желанием показать важнейшие проблемы эпохи в их «отношении к судьбе человека и судьбе общества, в отношении к прошлому и будущему» (7, с. 19).

Одними из главных отличительных черт революционно-романтической поэмы начала XIX века и советской поэмы XX века исследователи А.М. Банкетов, В. Огнев, П.С. Выходцев и другие отмечали различие между героями и изменившееся соотношение эпического и лирического начала. «Лирический герой, авторское «я», выражает общие и близкие для всех мысли и чувства и не представляет себя в отрыве от общего дела, от общей радости и беды, как не представляет этого и читатель, его современник» (8, с. 10–11), – подчеркивала Э. Алто. По этим критериям произведение Брендоева соответствует жанру советской поэмы.

Поэму Брендоева можно рассматривать как своеобразный поэтический цикл, т.к. шесть глав-эпизодов являются до известной степени самостоятельными. Композиционное единство формируется образной и тематической соотнесенностью стихотворений-глав, ее составляющих. В поэме из шести глав на 43 страницах упоминается восемь персонажей, система которых построена по

«гелиоцентрическому» принципу: в центре – образ главной героини, остальные персонажи важны постольку, поскольку они выражают отношение к ней и к историческим процессам. Первая глава описывает сцену расстрела главной героини, вторая – ее детство, третья – школьные годы, четвертая – войну, пятая – письмо, шестая – народную память.

Главы-эпизоды поэмы оказываются попарно симметричными: первая глава имеет смысловое и образно-тематическое соответствие с шестой, вторая с пятой, третья с четвертой. Между первой и последней главами поэмы, формирующими ее кольцевую композицию, находятся четыре главы.

Разумеется, расстрел (1 глава) и последующие события (6 глава) оказываются кульминацией поэмы, в них пересекаются две ее сюжетные линии: общественно-политическая (деятельность подпольщиков) и частная (память народа).

Художественное пространство первой главы имеет реальные черты. Образы вьюги и ветра символизируют напряженную ситуацию перед расстрелом:

Ulvou tuuli.	Воет ветер.
Tuho lundu šlöttiy (6, с. 152).	Вьюга, снег метет.

Ближе к кульминации ветер пытается сбить героиню с ног, но сама природа на ее стороне, и после расстрела ветер отзывается плачем и стонами.

Во второй главе очень бегло и кратко показана предшествующая история народа, начиная с глубины веков, в которых проходило существование прежних поколений, до свержения царя. Изображая жизнь и быт карелов до вторжения в нее революционных событий, Брендоев отнюдь не идеализирует ее. Затем у России были тяжелые годы становления советской власти, которые страна выдержала.

От рассказа об истории своего народа автор переходит к моменту рождения героини, для которой со временем станет родным и близким все окружающее. В биографии А.М. Звездиной написано: «родилась в 1920 году в деревне Гамала Мегрегского сельсовета Олонецкого района. Ее отец Михаил Иванович Звездин умер в том же 1920 году. Вдова Пелагея Васильевна осталась с шестью малолетними детьми, из которых старшему сыну Михаилу было 15 лет, а младшей дочери Насте – всего восемь месяцев» (9, с. 5–10). Выросла в большой семье, мало радостного видела, но старалась не унывать. Как отмечает Брендоев, росла Настя вместе с молодой властью.

Кратко описывая биографию Насти, поэт выступает знатоком народной жизни, обращается к сравнительно недавнему прошлому – событиям XX века. Подчеркивает идею о том, что пока дети растут, они все одинаковые, но, став взрослыми, проявляют себя по-разному.

В. Брендоев не жалеет слов, описывая героиню:

Nuori,	Молодая,
Hondoine,	слабенькая,
Ku kazvai koivahaine (6, с. 157)	как растущая березка

В образе врага в поэме выступают финны. Как пишет В. Брендоев, «сыновья «Великой Финляндии». Упоминание о «Великой Финляндии» опирается на исторические сведения. Именно такую страну желал видеть К. Маннергейм, вступая в сговор с гитлеровской Германией: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий» (10, с. 70).

Финляндия – страна-соседка СССР (России) – пограничена с Карелией. Отношения между этими странами имеют древнюю историю с тех времен, когда Финляндия еще не имела независимости. Однако, как отмечала Е.С. Сенявская, «финны занимают весьма скромное место в русском историческом сознании. Это не немцы, французы, турки или даже англичане: все эти народы и страны были самостоятельными субъектами истории, в том числе много воевали против России, даже угрожали ее существованию и немало повлияли на ее политику, экономику, культуру» (11, с. 127).

Именно пограничный статус Карелии привел к хорошо сформированному, по сравнению с остальными россиянами, образу финна у жителей Карелии. Для «сыновей «Великой Финляндии» в XX веке такой человек был: рюсся, пленный, раб. Брендоев пишет:

Kučču matoi	Незваный,
Vuottamatoi vieras	Неожиданный чужак
Izändöimah	Хозяйничать
Tuli meijän kodih (6, с. 156)	пришел в наш дом…

Брендоев также использует в качестве синонимов образа финнов слова «руоччи», «соплеменники», «лахтари». Здесь прослеживается тенденция, когда приграничные конфликты приводят к формированию этнонимов, что произошло и в данном случае. «Карелы нередко называли финнов «руоччи» (швед), поскольку они являлись шведскими подданными, а карелы были для финнов «рюсся» (от швед. *ryssen* – русский)» (12, с. 47), – писал Э.Г. Карху. Однако в литературе Карелии, а также в повседневной жизни названия «руоччи» и «рюсся» чаще всего носят негативные, обидные оттенки.

Например, о борьбе со шведами остались упоминания не только в карельском фольклоре, но и в топонимических названиях. Александр Волков включил в свое стихотворение «Siämärvi» («На озере») упоминание об острове Шведский на озере Сямозеро в Карелии:

...Voitgo Ruočin suareh soudua?	...Но Вы найдите остров «Руочин»,
Mustan, saneli miän didi:	Я помню, сказывал мне дед,
«Täs, täs ruočči surman löydi,	Что там, на прибережной круче
Pergi ruoččii joga kivi...»	Был поколочен наглый швед...(13, с. 48–49)

Из отрывка видно, что шведы потерпели поражение в боевом сражении, а в народе остров так и стали называть Шведский. Карелы до сих пор хранят об этом устные предания (14, с. 155). Хотя, имея ввиду особенность восприятия

карелами слова «руоччи», кто именно потерпел поражение на о. Шведский, в настоящее время сказать сложно.

В XXI веке карелы четко соотносят финна с Финляндией, а шведа со Швецией и слово «руоччи» по отношению к финну можно встретить только в карелоязычной литературе, описывающей события древней истории, в то время как финны продолжают называть граждан России независимо от национальности – «рюсся» (15, с. 148–154). Как отмечал Й. Бекман, «рюсся» – это «оскорбительное слово в финской националистической и фашистской пропаганде, даваемое русскому населению» (16, с. 294).

Упоминание о шведах в современной литературе на карельском языке связано с тем, что «идея непримиримой борьбы двух миров глубоко проникла и в непосредственное народное творчество» (17, с. 46–47). Еще в XII–XVII вв. русское и карельское население Карелии активно боролось с внешними врагами. Одними из них являлись шведские захватчики. Предания об этом сохранились как в русском, так и в карельском фольклоре, но больше преобладают среди карельского населения. Данное обстоятельство объясняется особенностями исторических условий, сложившихся на территории нынешней Карелии, в силу которых тяжесть набегов со стороны шведов испытывали на себе, прежде всего, карелы (18, с. 84). Тех, кто оказывал сопротивление, всегда ждала смерть.

На формирование образа другой страны существенное влияние оказывают не только исторические события, но и официальные, пропагандистские материалы, пресса, произведения искусства и культуры. В современном российском обществе понятие «образ врага» не столь ярко выражено, в связи с изменившейся политической ситуацией в мире. В XXI веке уже не ведутся захватнические войны, закончилась «холодная» война, гражданские войны не дают такого четкого представления, поскольку государственная политика старается свести к минимуму все конфликты, возникающие на национальной почве, особенно на территории России. Как отмечают исследователи, «на формирование «образа врага» оказывают влияние стереотипы и установки, мифы и предрассудки, присущие массовому сознанию; необходимо учитывать, что восприятие «врага» опосредовано разнообразными источниками информации, например, СМИ, которые могут целенаправленно формировать определенный имидж «врага» (19, с. 13). Например, в газетах 1940-х годов финнов называли «шюцкоровцами», «белофиннами», «собаками Маннергейма», «лахтарями» (20, с. 109–111).

Наряду со средствами массовой информации, важную роль в формировании «образ врага» играет и литература. Именно благодаря произведениям писателей 1920–1930-х годов у советских людей сформировался «образ страны», что сыграло немаловажную роль в победе во Второй мировой войне. Как и было раньше в истории, жители Карелии стали непосредственными свидетелями и участниками советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

Брендоеву удалось найти героическое и трагическое, безобразное и прекрасное. В поэме показана не только драма человеческой жизни, но и торжество

справедливости, мироощущение автора. Все в ней возвышенно и прекрасно: природа, персонажи, народ. Этот эффект достигается не только благодаря использованию архаичной лексики, но и гиперболическими образами, одухотворением сил природы. Лирика незаметно сливается с эпичностью, образуя лироэпический жанр, украшенный богатством эмоций автора.

Единство произведения достигается введением двух композиционных полюсов: образов Насти и врага, которые воплощают диаметрально противоположные принципы отношения к миру. Интерес к реальности, внимание к бытовой детали, самой, казалось бы, незначительной, приводит к документализму повествования, к стремлению воспроизвести жизненное событие доподлинно так, как оно было на самом деле.

В поэме представлены образы большой и малой родины:

Sydämes meil	В сердце у нас
Jogahižel eli	У каждого жили
Oma kodi, škola, peldo,	Родной дом, школа, поле,
Jogi.	Река.
<…>	<…>
Oli meile	Была у нас
Pieni jogut Mägräi,	Маленькая Мегрега,
Syvem Svirii,	Глубже Свири,
Kahtu leviäm Volgua... (6, с. 161)	Вдвое шире Волги…

Соответствуют содержанию поэмы метафоричность и архаичность языка. Так, метафорической заменой представлен образ самой героини. Можжевельник, низкий и неказистый, – это Настя, которая выросла, как березонька, в тяжелых условиях, но оказалась сильной и стойкой в минуту испытаний. Можжевельник, береза – это деревья, которые используются в карельской поэзии в качестве поэтических образов.

Перед расстрелом к Насте приглашают священника, который должен отпустить ей грехи, чтобы она ушла с «миром». Однако героиня не верит в Бога и говорит о том, что Богу она чужая, живет она с народом:

Minun jumal –	Мой бог –
Talmukäzi ruadai.	Труженик с мозолистой рукой.
Pyhembiä	Святее
Ni taivahas ei ole.	Даже на небе нет.
Pyhä – meijän valdu	Святая – наша власть,
Kanzal suadu.	Народом полученная.
Pyhä – nuori liitto	Святой – молодой союз
Komsomolan. (6, с. 153)	Комсомола.

Настя была воспитана в атеизме, поэтому в Бога она не верила и воспринимала все блага как полученные именно благодаря установлению советской власти. Брендоев использует два варианта написания слова «Бог» – с большой и маленькой буквы. Это соответствует представлениям карелов о Боге, поскольку у этого народа язычество было более распространено, чем

христианство. С такой же тенденцией мы встречаемся и в творчестве других карелоязычных писателей (21, с. 72, 102–102). Когда Брендоев пишет о Боге, он имеет в виду христианство, а когда о боге, то перед читателями предстают совсем иные образы. По этой же причине «боги» выступают во множественном числе (народ, власть, комсомол).

В поэме нередко идет противопоставление на «своих» и «чужих», на богатых и бедных, на более и менее успешных. Доброе, положительное отношение автора к своим землякам показано «изнутри». Повествование в поэме ведется от первого лица, местами в нее включены диалоги между героями, а также личные воспоминания и эмоциональные размышления автора. Например, предполагая реакцию читателя, он пишет:

(Muhižet sa nägyy...	(Улыбаешься, вижу…
Usko, nagrai,	Верь, смеющийся,
Minä tirpan.	Стерплю.
Sinä nagra, olgah...) (6, с. 162)	Ты смейся…)

С любовью говорит он о Мегрегской средней школе:

Mägriän škola:	Мегрегская школа:
Hierun suuri huonus.	Большое деревенское помещение.
Suuri perehele,	Большое для семьи,
Školakse ga huba.	Для школы – тесное.
<…>	<…>
Minulle on tuttau	Мне знаком
Sinun kynnys,	твой порог,
Toppoliloin peitos	в зарослях тополей
Ikkunriädy,	оконный ряд,
Mustelen ma sinuu, armas,	вспоминаю я тебя, дорогая,
Ynny;	все еще,
Kulgiettuu jo mieros	прошагав по миру
Monen tiedy... (6, с. 162)	множество дорог…

Таким образом, в сюжете поэмы «Можжевельник» реализованы конкретные исторические впечатления народа. Это касается как мирной, так и военной жизни. Брендоев написал это правдоподобно, поскольку был свидетелем народной жизни и жил в оккупации.

Многие образы поэмы «Можжевельник» собирательны и несут заряд обобщения. Присущие фольклору особенности сюжетосложения, манера эпического повествования, принципы обрисовки характеров – все это помогает Брендоеву более широко осмыслить судьбу карельского народа, выразить авторскую веру в его духовные силы, т.к. «в фольклоре отражен язык народа, его мировоззрение» (22, с. 16), – отмечал В.Я. Пропп.

Как говорил М. Горький в 1929 году, обращаясь к крестьянским писателям, «народное творчество дает большой фактический материал по знанию так называемого «народного духа» (23, с. 143). Тема народа, исторических судеб

родины – главная в поэме «Можжевельник». Через судьбу главной героини показана судьба народа. Позднее этой же теме будет посвящена и поэма М. Пахомова «Земля людиков», главное отличие которой будет в том, что героические деяния в ней приписывались уже не одному герою, а множеству персонажей, всему племени людиков (24, с. 90–99).

О степени реальности изображаемых в поэме «Можжевельник» событий свидетельствует четкое упоминание географических мест. В мирное время Настя с товарищами участвовала в строительстве «коммунизма». Ходила на лыжах по Олонецкому району с агитационными рейдами. Побывали участники в пос. Ильинский, Обже, Мегреге, Самбатуксе. Основные же действия происходят в г. Олонце.

В единственной главе, имеющей название «Kirjaine» («Письмо»), повествование ведется от лица героини. Пятая глава – это внутренний монолог Насти. В ней представлено эмоциональное состояние героини. Она не боится умирать, т.к. знает, что погибает за свой народ, она бесстрашна в эту минуту.

Брендоев практически полностью передает предсмертное письмо, которое написала А. Звездина своей родственнице Т. Звездиной 25 ноября 1942 года, подчеркивая бесстрашие юной девушки и гордость за свою Родину: «...Двадцать два года жизни на белом свете не прошли бесследно. И все это неповторимо, все ушло в безвозвратную даль. Стою сейчас на краю бездонной пропасти, она уже готова заключить меня в свои объятия. Стою, стою не просто, а с высоко поднятой головой. Смерть, смерть, смерть – словно эхо вторит мысленно произносимое слово. Ну что ж, смерть так смерть. Смотрю я на смерть открытыми глазами <...> Я тверда сейчас, тверда, как камень, и ни малейшего беспокойства только потому, что знаю, за что отдаю самое дорогое – жизнь свою. Отдаю ее за свой народ, за его счастье...» (25).

Ei sudre mennyh	Не зря прошла
Minun lyhyt elos.	Моя короткая жизнь.
Kai nygöi jällel on,	Все теперь позади,
Kai loittoni –	все отдалилось –
Ei kiäny.	Не вернуть.
Ma surman pardahal	У смерти на краю
En pöllästyksis šeloi,	от страха не дрожу,
En voiveroita,	Не причитаю
Engo itke iäneh (6, с. 181)	и не плачу в голос.

Как и писал Брендоев, имя А. Звездиной надолго сохранится в памяти олончан. Перед расстрелом Настя верила, что за нее отомстят. Ее призыв не остался без ответа. В Национальном музее Республики Карелия хранится кольцо с гравировкой «17 февраля. Отзам». Такие кольца выковали себе

некоторые военнопленные олонецкого концлагеря после гибели А. Звездиной. Слово «отзам» означало: «Отомстите за меня!» (9, с. 30).

В 1960-е годы школьной пионерской дружине мегрегской школы было присвоено имя героини. В Олонце есть улица А. Звездиной, а также памятный камень, который установлен у завода «Вектор». На табличке написано: «Здесь в застенках бывшего лагеря советских военнопленных погибли патриоты Родины – Олонецкие подпольщики и разведчики: Гагарин Василий Андреевич. Григорьев Петр Иванович, <…> Звездина Анастасия Михайловна, <…> Вечная Слава Героям Родины!»

Почему именно в этом месте был установлен памятный знак, история умалчивает. Еще в 1944 году после освобождения Олонца советскими войсками, местные жители не могли указать точное место захоронения А. Звездиной, т.к. в лагере ежедневно гибли от расстрелов, пыток и голода десятки людей. Население предполагает, что это и было местом расстрела народной героини.

Завершается поэма «Можжевельник» (заключительная песнь, стихи 170–173) авторским утверждением о том, что память о героях войны в народе жива и тесно связана с историей и делами своей родины:

Kui enne	Как прежде
Mägräijogi juoksou	река Мегра бежит
Da yhtyy	и соединяется
Anusjoven kele.	с рекой Олонкой.
Hyö hyväh sobuh	Они дружно
Linnan tuakse	за город
Myös vietäh	также несут
Oma vezi eläy (6, с. 185)	свою живую воду.

Поэма «Можжевельник» была опубликована на латинице спустя 14 лет после первых поэтических опытов автора. Это его самое крупное произведение. Брендоев был первым, начавшим писать на ливвиковском наречии карельского языка во второй половине XX века. Поскольку в 1980-е годы еще не были разработаны письменные нормы карельского языка, то в поэме встречается очень много диалектных слов, которые непонятны современному читателю. Каких-то слов в карельском языке просто не было, поэтому В. Брендоев решает эту проблему иным способом. Зная финский язык, он образует карельские слова на основе родственного языка. Например, *vääpäli* (фин. *vääpeli*), *lottu* (фин. *lotta*), *orju* (фин. *orja*) и другие. Пишет слова по-карельски и дает их перевод на финский язык в сносках, например, *petušöile=perukka; vuotoroppu=tuulenpuuska; vazitakseh=varoa* и другие. А порой просто использует метод калькированного перевода с русского. Например, рус. *pravda* вместо карел. *praudu*, рус. *front* вместо карел. *frontu* и другие. Какие-то слова Брендоев пишет на свое усмотрение: например, *cuari* вместо *čuari*. Это все несоответствие современным письменным нормам. Однако указанное обстоятельство ни в коей мере не снижает художественной ценности произведения, а, наоборот, создает

атмосферу народной жизни и подчеркивает языковые особенности поэта.

Также в поэму включена прямая речь священника на финском языке. Для финноязычной литературы Карелии 1960–1980-х годов было свойственно включение диалогов и монологов на карельском языке, а здесь мы встречаемся с обратным, когда в произведении на карельском языке звучит финская речь.

Поэма «Можжевельник» стала свидетельством стилевых исканий Брендоева в области ритмики, рифмического разнообразия, широкого употребления карельской лексики. В передаче стремительности сюжетного действия немаловажная роль принадлежит стихотворному ритму, сменяющемуся от главы к главе, от ситуации к ситуации, от эпизода к эпизоду.

Кроме метрического разнообразия, поэт широко использует лексику. На фоне общеупотребительных и нейтральных выделяются своей стилистической окрашенностью просторечные и разговорные слова. Они позволяют автору не только показать движение сюжета, его ритм, но и тревожную атмосферу, царившую в то время. По этой причине непрямая авторская речь, функционально являясь информационной, по стилю нередко приобретает разговорный, просторечный характер. Стиль поэмы включает в себя как военно-политическую, так и народно-поэтическую лексику.

Поэма Брендоева была переведена на финский язык Аку-Киммо Рипатти и вышла в книге «Aunusrantaseni» («Край мой олонецкий», Оулу, 1986). На русский язык был переведен лишь отрывок из поэмы. Олег Мишин впервые опубликовал его в 1984 году (26), а в 2006 году он вошел в сборник «Kodoimual» («На родине»).

По мнению А. Мишина, «переводы Рипатти – это скорее подстрочники, передающие содержание оригиналов. Только отдельные строфы и строки художественно близки к фрагментам брендоевских стихов» (27, с. 106). Однако полностью с этим нельзя согласиться. Перед А.-К. Рипатти стояла сложная задача – не просто перевести поэму на финский язык, а сделать ее доступной финляндскому читателю. Поэтому в каких-то моментах переводчик дописывает за Брендоева то, чего нет, но что, по его мнению, должно быть.

В некоторых случаях Рипатти отказывается от слова «рюсся», заменяя его на «партизан», которое понятно и советскому, и финляндскому читателю. Использует в монологической речи русские слова (*harasoo*) для придания колорита и достоверности (финны наверняка знали русский язык). Более мягко пишет о солдатах Финляндии, переписывает речь священника.

Отдельные строфы Рипатти переводит совсем по-другому. Например:

Komsomol on
Haave huominen:
Olla Nikolai Ostrovskin
Arvoinen!
<...>
Komsomol on
Kommunismin koulu...(28, с. 80–81)

Komsomol on
tulevah näh huoviet:
pättävänny olla
D'ieloh suureh...(6, с. 168)
<...>
Komsomol on
kommunizmah askel...(6, с. 169)

Комсомол	Комсомол
Завтрашняя мечта:	пришел
Быть Николаю Островскому	пригодятся
Достойным!	В делах больших
<...>	<...>
Комсомол	Комсомол
Школа коммунизма	шаг к коммунизму

Брендоев настолько погружен в стихию родного языка, что, видимо, поэтому трудно переводим. Скорее всего, Рипатти не знал ни карельского, ни русского языка, и переводил по подстрочнику, а многое с карельского языка на другие языки перевести одним словом невозможно. Вот и приходилось дописывать или писать так, как понял переводчик.

В. Брендоев, видимо, тоже был не очень доволен переводом А.-К. Рипатти, и, говоря в целом о переводческой работе, отмечал, что «переводчику надо сохранить авторский размер стиха, ритм и мысль. Переводить надо так, чтобы ты сам увидел там Брендоева. Поэтому я не согласен с теми, кто говорит, что в стихах важен смысл. Размышлять умеют все, но не сочинять стихи» (29).

В отличие от А.-К. Рипатти, О. Мишин перевел на русский язык лишь отдельные части поэмы (24 строки главы 1, 16 последних строк главы 4, 35 строк главы 5 и 14 строк главы 6), объединив их одним сюжетом. Этот перевод выглядит самостоятельным произведением, созданным на основе поэмы Брендоева, и посвящен подвигу А. Звездиной. Оба перевода, несмотря на имеющиеся недостатки и несовершенство, ценны для литературы Карелии, поскольку позволяют не только расширить круг читателей, но и обогатить ее.

Достижения поэмы стали возможны потому, что В. Брендоев в своих поисках опирался не только на национальные традиции, в частности, на опыт развития поэмы 1940–1950 гг., но и на традиции фольклора и советской литературы. В поэме В. Брендоева крестьянская фольклорная культура прошлого соединилась с достижениями социалистического реализма, прославляющего подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Макуров В.Г.* Население Карелии в условиях финского оккупационного режима. 1941–1944 гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 4.

2. *Куприянов Г.Н.* За линией фронта. – Петрозаводск, 1982.

3. *Уляшев О.М.* Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. – Екатеринбург, 2011.

4. *Логинов К.К.* Магические свойства деревьев и кустарников в поверьях народов Карелии // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии: материалы междунар. науч.-практ. конф. 3-4 июня 2003 г. – Петрозаводск, 2003.

5. *Винокурова И.Ю.* Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – М., 2003.

6. *Brendojev V.* Runoja. – Petroskoi, 1991.

7. *Неупокоева И.Г.* Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. – М.: Наука, 1971.

8. *Алто Э.* Творчество Николая Лайне. – Петрозаводск, 1983.

9. *Симаненков И.К.* Отважная комсомолка. – Петрозаводск, 1969.

10. Приказ фельдмаршала Г. Маннергейма с призывом к финским солдатам освободить земли карелов // По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1995.

11. *Сенявская Е.С.* Влияние войн XX века на формирование образа Финляндии и финнов в России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы международ. науч. конф., посвящ. 75-летию Инт-та яз., лит. и истории Карел. науч. центра РАН. – Петрозаводск, 2005.

12. *Карху Э.Г.* Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 1. – СПб., 1994.

13. *Волков А.* Вечный огонь=Iguine tuli. – Петрозаводск, 2000.

14. *Лебедев М.* Деревня Сямозеро // Родные сердцу имена: сб. материалов респ. конкурса по карел. топонимии. – Петрозаводск, 2006.

15. *Протасова Е.Ю.* «Рюсся»: кто это? // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.

16. *Бекман Й.* Фальсификация истории Второй мировой войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Четырнадцатой ежегодной междунар. науч. конф. – СПб., 2013.

17. История советской многонациональной литературы: в 6-ти т. Т. 1. – М., 1970.

18. *Криничная Н.* О взаимодействии русской и карельской традиции в преданиях о борьбе с внешними врагами: (из опыта структурно-типологического изучения фольклорных связей) // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. – М., 1979.

19. *Богунова Е.С., Неудачина И.О.* «Образ врага» и механизмы его формирования в современном российском обществе // Программа международного симпозиума «Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов. – М., 2013.

20. *Марков М.Б.* Образ финнов как военных противников в военной печати Карельского фронта // Рябининские чтения – 2011: материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Рус. Севера. – Петрозаводск, 2011.

21. *Чикина Н.В.* Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. – Петрозаводск, 2012.

22. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: избр. ст. – М., 1976.

23. Пути развития крестьянской литературы. Стенограммы и материалы Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей. – М.-Л., 1930.

24. *Чикина Н.* Литература на карельском языке: история и современность. – Hamburg, 2011.

25. Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 849. Лл. 22–23. Подлинник.

26. *Брендоев В.* Можжевельник (отрывок из новой поэмы) // Лен. правда. – 1984. – 25 сент.

27. *Мишин А.* «Кукушка Олонца»: (к 80-летию Владимира Брендоева) // Север. – 2011. – № 9/10.

28. *Brendojev V.* Aunusrantaseni / käänt. ja toim. A.-K. Ripatti. – Oulu, 1986.

29. *Kaipiainen I.* Uusi vuosi antaa «ozua, elua, lembiä» // Neuvosto-Karjala. – 1989. – 1. tammik.

Nataliya Chikina

ARTISTIC ORIGINALITY OF V. BRENDOYEV'S POEM «JUNIPER»

This article analyzes Vladimir Brendoyev's poem «Juniper», in which the author in his searching is based on not only the national traditions, in particular experience of development of poem in 1940–1950s, but traditions of folklore and modern literature. In V.V. Brendoyev's poem peasant folklore culture of the past connected with achievements of socialist realism, glorifying feat of soviet people in Great Patriotic War.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

К ИСТОРИИ КАТЕГОРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности имен существительных представляет собой особую форму выражения отношений между предметом обладания и обладателем. В предлагаемой статье рассматривается история развития притяжательных форм в двух языковых семьях – финно-угорской и тюркской. Выбор этих языковых семей не случаен. Их сближают сходные способы образования и характер употребления притяжательных аффиксов. В указанных семьях языков выделяют две группы притяжательных суффиксов по характеру употребления:

1. Суффиксы, используемые для выражения собственно притяжательных отношений. Их называют также посессивными (от лат. *possessivus* 'принадлежность, притяжательность').

2. Суффиксы, используемые для выражения непритяжательных отношений.

1. История форм принадлежности в финно-угорских языках

Первая группа. Суффиксы, выражающие собственно притяжательные отношения, и способы выражения этих отношений.

П е р в ы й с п о с о б. Отношения принадлежности выражаются сочетанием из двух существительных, соединенных с помощью примыкания. Конструкции такого типа, которые образуются путем простого соположения двух существительных, можно определять как немаркированные (от франц. *marguer* 'отмечать'). В них слово, обозначающее обладателя, предшествует слову, указывающему на обладаемый предмет. Следы таких конструкций выявляются, например, в финно-угорских языках (1, с. 267): морд. *тейтерь пря* 'голова девушки' (букв. 'девушка голова'), мар. *пӱкен йол* 'ножка стула' (букв. 'стул ножка'), удм. *пукон кук* 'ножка стула' (букв. 'стул ножка'). Выражение принадлежности путем примыкания двух существительных является древнейшим способом.

В т о р о й с п о с о б. Принадлежность выражается одним существительным, корень которого указывает на предмет обладания, а присоединяемый к нему суффикс обозначает обладателя и может быть особым для каждого лица и числа. Генетически эти суффиксы восходят к личным местоимениям. Постпозитивные личные местоимения, утратив ударность гласных, превратились в суффиксы, именуемые лично-притяжательными (1, с. 273).

1. *Реконструкция притяжательных суффиксов в финно-угорских языках.* Исходные притяжательные формы состояли из трех членов. Процесс их образования можно иллюстрировать на следующем примере из венгерского языка: *te ház te* (букв. 'ты дом ты') → *te háza-d (-d <-te)* 'твой дом твой'. Оформленное лично-притяжательным суффиксом слово, обозначающее предмет обладания, позднее перестало нуждаться в лично-местоименном определении. Вот почему в современных финно-угорских языках оно обычно опускается; ср., например, венгерское *háza-d* 'дом твой' (1, с. 267).

В лично-притяжательных суффиксах, присоединяемых к словам, обозначающим обладаемый предмет, в финно-угорских языках имеются значительные расхождения. Поэтому некоторые исследователи высказывают предположение, что такой способ агглютинации личных местоимений для выражения притяжательных отношений в праязыке окончательно еще не оформился (1, с. 267–268). Тем не менее П. Хайду восстанавливает систему притяжательных суффиксов для финно-угорского (уральского) праязыка в следующем виде (2, с. 130); см. табл. 1.

Таблица 1

Число	Лицо	Одно обладаемое	Несколько обладаемых
Ед.	1-е	**-mi*	**-nni < *-nmi*
	2-е	**-ti*	**-nti*
	3-е	**-sen*	**-nsen*
Мн.	1-е	**-mek*	**-nnek < *-nmek*
	2-е	**-tek*	**-ndek*
	3-е	**-sek*	**-nsek*

2. *Типы отношений, выражаемых притяжательными суффиксами.* В финно-угорском (если исходить из гипотезы П. Хайду, уже в уральском) праязыке посессивные суффиксы выражали четыре типа отношений между обладателями и обладаемыми предметами: 1) между одним обладателем и одним обладаемым; 2) между многими обладателями и одним обладаемым; 3) между одним обладателем и многими обладаемыми; 4) между многими обладателями и многими обладаемыми. Эти отношения сохранились и в современных языках, но фонетически изменились выражающие их суффиксы принадлежности.

3. *Фонетические изменения притяжательных суффиксов в финно-угорских языках.* Рассмотрим эти изменения лишь в первых двух типах посессивных отношений.

Первый тип. Отношения между одним обладателем и одним обладаемым:

1-е лицо: фин. *-ni: talo-ni* 'мой дом', эрз. *-м: кудо-м* 'мой дом', мар. *-м: кыша-м* 'мой след', удм. *-е: уж-е* 'моя работа', коми-зыр. *-ӧй: чер-ӧй* 'мой топор', венг. *-m: ház-am* 'мой дом', хант. *-m: kat-am* 'мой дом';

2-е лицо: фин. *-si* (<**-ti*): *talo-si* 'твой дом', эрз. *-т: кудо-т* 'твой дом',

мар. *-т: кыша-т* 'твой след', удм. *-ед: уж-ед* 'твоя работа', коми-зыр. *-ыд/-ыт: чер-ыд* 'твой топор', венг. *-d: ház-ad* 'твой дом', хант. *-n: kat-an* 'твой дом';

3-е лицо: фин. *-nsa/-nsä: talo-nsa* 'его (её) дом', эрз. *-зо/-зе: кудо-зо* 'его (её) дом', мар. *-же/-жо/-жӧ: кыша-же* 'его (её) след', удм. *-ез/-ыз: уж-ез* 'его (её) работа', коми-зыр. *-ыс: чер-ыс* 'его (её) топор', венг. *-a/-e: ház-a* 'его (её) дом', хант. *-l/-t: xat-l, xot-at* 'его (её) дом'.

В т о р о й т и п. Отношения между многими обладателями и одним обладаемым:

1-е лицо: фин. *-mme: talo-mme* 'наш дом', эрз. *-нок: кудо-нок* 'наш дом', мар. *-на: кыша-на* 'наш след', удм. *-мы: уж-мы* 'наша работа', коми-зыр. *-ным: чер-ным* 'наш топор', венг. *-unk/-ünk: ház-unk* 'наш дом', манс. *-ув: хап-ув* 'наша лодка';

2-е лицо: фин. *-nne: talo-nne* 'ваш дом', эрз. *-нк: кудо-нк* 'ваш дом', мокш. *-нте: кудо-нте* 'ваш дом', мар. *-да: кыша-да* 'ваш след', удм. *-ды/-ты: уж-ды* 'ваша работа', коми-зыр. *-ныд/-ныт: чер-ныд* 'ваш топор', венг. *-tok/-tek/-tök: háza-tok* 'ваш дом', манс. *-ын: хап-ын* 'ваша лодка';

3-е лицо: фин. *-nsa/-nsä: talo-nsa* 'их дом', морд. *-ст/-ск: кудо-ст* 'их дом', мар. *-шт: кыша-шт* 'их след', удм. *-сы/-зы: уж-зы* 'их работа', коми-зыр. *-ныс: чер-ныс* 'их топор', венг. *-uk/-ük: ház-uk* 'их дом' (1, с. 267–278), манс. *-ныл: хап-а-ныл* 'их лодка' (3, с. 58).

4. *Пояснения к лично-притяжательным суффиксам финно-угорских (уральских) языков:*

1. В некоторых диалектах современного финского языка суффикс *-m*, выражающий отношение между одним обладателем и одним обладаемым, бытовал до недавнего времени: *tupam* 'моя комната', *äitim* 'моя мать' (2, с. 131).

2. В современном финском языке притяжательный суффикс 1-го лица может выражать как единственное, так и множественное число обладаемых предметов: *kala-ni* 'моя рыба' и 'мои рыбы' (4, с. 63).

3. Во 2-м лице множественного числа П. Хайду реконструирует праформу в виде **-ndek* (2, с. 130). Такую же праформу для доприбалтийской эпохи, ссылаясь на Ю. Марка (см. 5, 243), дает и А. Лаанест (4, с. 63). Между тем следовало бы реконструировать **-ntek* по аналогии с другими притяжательными праформами, в которых после сонанта -n восстанавливается глухой согласный, типичный для сильной ступени.

4. В финском языке суффикс 3-го лица совпадает в обоих типах притяжательных отношений.

5. В мордовских языках при многих обладателях число обладаемых не различается: 1-е лицо: эрз. *-нок: кудо-нок* 'наш дом' и 'наши дома'; 2-е лицо: эрз. *-нк: кудо-нк* 'ваш дом' и 'ваши дома'; 3-е лицо: эрз. *кудо-ст*, диал. *кудо-ск* 'их дом' и 'их дома' (1, с. 274–275).

6. В состав мордовского *-ст* и марийского *-шт*, указывающих на 3-лицо многих обладателей, входит формант множественного числа *-т*. Данный тип

лично-притяжательных суффиксов возводят к волжской языковой общности. Формант *-к*, имеющийся в суффиксе *-ск* отдельных мордовских диалектов, является более древним. Он появился в финно-волжскую эпоху. В марийском языке нет следов *-к*-ового показателя множественности обладателей, но это значение в 1-м лице выражается при помощи суффикса *-н*, характерного для пермских языков: мар. *кыша-на* 'наш след', коми-зыр. *чер-ным* 'наш топор' (1, с. 274, 275).

7. В пермских языках притяжательные суффиксы 1-го лица при одном обладателе и одном обладаемом представляют собой следы конечных гласных старой основы, оставшихся после утраты форманта *-м*, который сохранился в отдельных диалектах (1, с. 275), например, в летском.

8. В языках обско-угорской ветви во 2-ом лице обоих типов притяжательных отношений выступает *-н*-овый показатель, который восходит к местоимениям 2-го лица как единственного, так и множественного числа (ср. манс. *нанг* 'ты', *нан* 'вы'). Поэтому одна и та же притяжательная форма 2-го лица может выражать как единственное, так и множественное число обладателей; ср. *хап* 'лодка' – *хап-ын* 'твоя лодка' и 'ваша лодка' (3, с. 58, 96).

9. В хантыйском, мансийском и саамском языках обладатель выступает в трех числах – единственном, множественном и двойственном; ср., например: манс. *хап* 'лодка', *хап-ум* 'моя лодка', *хап-мен* 'наша (нас двоих) лодка', *хап-ув* 'наша лодка' (3, с. 58). В остальных финно-угорских языках нет двойственного числа, поэтому в притяжательном склонении существительных различаются только два числа – единственное и множественное.

5. *Дистрибуция притяжательных суффиксов в составе слова.* В падежной системе финно-угорских языков порядок расположения посессивных суффиксов неодинаковый:

1. В саамском, прибалтийско-финских и мордовских языках падежные окончания предшествуют лично-притяжательным суффиксам: фин. *talo-ni* 'мой дом', *talo-ssa-ni* 'в моем доме'; морд. *кудо-т* 'твой дом', *кудо-со-т* 'в твоем доме'.

2. В марийском языке окончания одних падежей предшествуют лично-притяжательным суффиксам, а окончания других, наоборот, следуют за лично-притяжательными. В субъектно-объектных падежах посессивные суффиксы употребляются перед падежными окончаниями: *корн-ем* 'моя дорога', *корн-ем-лан* 'моей дороге' (дат. падеж). В пространственных падежах марийского языка падежные показатели стоят перед лично-притяжательными суффиксами: *кори-ышт-ем* 'на моей дороге' (мест. падеж).

3. В угорских языках лично-притяжательные суффиксы предшествуют падежным окончаниям: венг. *ház-am* 'мой дом', *ház-am-ben* 'в моем доме'.

Несмотря на расхождения в местоположении посессивных суффиксов в словах современных языков, большинство исследователей считает, что в финно-угорском праязыке падежные формы предшествовали лично-притяжательным

суффиксам. Этот вывод подтверждается данными многих финно-угорских и самодийских языков. В угорских языках падежные показатели предшествуют лично-притяжательным суффиксам в старых послелогах: венг. *mell-ett* 'около' (букв. 'на груди'), *mell-ett-em* 'около меня' (букв. 'на моей груди') (1, с. 271).

Существует и другая точка зрения. Высказывается мнение, что в праязыке еще не было развитой системы лично-притяжательных суффиксов. Вместо них для выражения притяжательных отношений использовались словосочетания, в которых имя существительное обычно употреблялось перед личным местоимением. Превращение местоимения в лично-притяжательный формант произошло только после распада финно-угорского праязыка на отдельные ветви. Эта гипотеза обосновывается следующими аргументами:

1) разный порядок расположения лично-притяжательных суффиксов и падежных окончаний в родственных языках;

2) в обско-угорских языках лично-притяжательным суффиксом 2-го лица является не *-т*, а *-н*;

3) в марийском языке лично-притяжательные суффиксы могут быть расположены перед суффиксами множественного числа и после него (1, с. 272, 277–278). Относительно марийских суффиксов *-шамыч, -влак (-влӓ)*, выражающих множество обладаемых, необходимо сделать следующее замечание, касающееся современной теории их происхождения. Появление этих суффиксов в марийском языке многие исследователи, начиная с Г. Рамстедта (6, с. 61), связывают с влиянием чувашского языка (7, с. 64, 65; 8, с. 89; 9, с. 438). Между тем упомянутые показатели множественного числа в марийском языке восходят к разным источникам (см. 10, с. 23–32; 11, с. 97–108), но сходны по своей дистрибуции в составе слова. Они могут следовать за лично-притяжательными суффиксами (*йолташ-ем-влак*) или предшествовать им (*йолташ-влак-ем*). Причем оба варианта имеют одно и то же значение 'мои товарищи'.

Третий способ. Отношение принадлежности выражается комбинацией из двух существительных. Первое (вместо существительного довольно часто употребляется личное местоимение), обозначающее обладателя, стоит в родительном падеже, а второе существительное, указывающее на обладаемый предмет, оформляется при помощи лично-притяжательного форманта (1, с. 268): фин. *poika otti hänen kirjansa* 'мальчик взял его (её) книгу', эрз. *моньавам* 'моя мать', мар. *мыйын авам* 'моя мать', венг. *nekem van lányom* 'у меня есть дочь'.

Четвертый способ. Принадлежность выражается сочетанием из двух существительных. Первое из них (вместо существительного, как и в третьем способе, может употребляться личное местоимение), обозначающее обладателя, стоит в родительном падеже, а второе, указывающее на обладаемый предмет, – в именительном падеже без лично-притяжательного форманта. Этот способ является одним из новейших в финно-угорских языках: фин. *talo-n ovi*

'дверь дома', эрз. *кудо-нь кенкш* 'дверь дома' (12, с. 92); мар. *юмы-н комбо* 'дикий гусь' (букв. 'божий гусь'), *юмы-н сар* 'Северное сияние' (букв. 'война богов'), *юмы-н пундаш* 'небо' (букв. 'дно бога'). Показательно то, что финское слово *jumala* 'бог', производное от основы *juma-*, первоначально, как марийское *юмо*, обозначало 'небо' (15, с. 21).

Подобные конструкции, выражающие посессивные отношения, встречаются и в индоевропейских языках: нем. *der Gott Weines* 'бог вина', *die Tat des Helden* 'подвиг героя' (13, с. 182).

Вторая группа. Суффиксы, используемые для выражения непритяжательных отношений. Отметим следующие случаи:

1. Притяжательный суффикс 3-го лица в некоторых финно-угорских языках выступает в роли определенного артикля индоевропейских языков: морд. *чизе лиснесь, росазо коськенесь* 'солнце-то вставало, роса-то высыхала', коми-зыр. *луныс гажа* 'день-то веселый' (1, с. 270), мар. *вӱдшӧ йога, серже кодеш* 'вода-то течет, берег-то остается' (из народной песни). В функции определенного артикля могут употребляться также лично-притяжательные суффиксы 2-го лица в волжских, пермских и обско-угорских языках (1, с. 270–271): мар. *Ох, илышет эртен кайыш – от пӧртылтӧ!* 'Ох, жизнь-то прошла – не вернешь', коми-зыр. *тувсов войыд дженьыд* 'весенняя ночь-то коротка'.

2. В марийском языке притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа употребляется в качестве вокатива. У марийцев бытует особый обычай: жена при обращении к мужу не называет его по имени, а говорит: *ачаже!* (букв. 'его (её) отец'); с другой стороны, муж, обращаясь к жене, также не называет ее по имени, а скажет: *аваже!* (букв. 'его (её) мать') (14, с. 49; 12, с. 93). В такой же функции выступает притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа: *шольым!* (букв. 'браток мой!'), *эргым!* (букв. 'сынок мой!').

2. История форм принадлежности в тюркских языках

По характеру употребления притяжательные суффиксы в тюркских языках, как и в финно-угорских, можно делить на две группы. К первой группе относятся суффиксы, которые выражают притяжательные отношения, а во вторую группу входят суффиксы, используемые для выражения непритяжательных отношений.

Первая группа. Суффиксы, выражающие собственно притяжательные отношения, и способы выражения этих отношений.

П е р в ы й с п о с о б. Отношение принадлежности выражается путем простого соположения двух существительных. Этот способ отражает особенности мышления древнего человека (16, с. 78): тат. *кәчтерүл капкач* 'крышка кастрюли', *түбә такта* 'доски потолка', *каз. ай жарық* 'свет луны', кум. *партизан отрядда* 'в отряде партизан' (17, с. 110).

В т о р о й с п о с о б. Принадлежность выражается одним существительным, корень которого обозначает предмет обладания, а суффикс, присоединяемый к

нему, указывает на его обладателя и является особым в числе и лице. Этот способ выражения принадлежности характерен для всех тюркских языков с древних времен.

1. *Реконструкция притяжательных суффиксов в тюркских языках.* Древнюю форму для тюркских языков, состоявшую из трех членов, А.М. Щербак воспроизводил следующим образом: *мән киши мән* (букв. 'я человек я'). Из этой конструкции в результате позднейшего развития родительного падежа возникло выражение *мәнің киши-м* 'мой человек мой' (18, с. 81). С данным объяснением А.М. Щербака не согласился Б.А. Серебренников. Как он считает, в тюркских языках система притяжательных суффиксов возникла значительно раньше родительного падежа. Это древнее состояние сохранил якутский язык, в котором нет родительного падежа. Поэтому в нем личное местоимение в именительном падеже может иметь значение притяжательного местоимения в сочетаниях типа *мин атым* 'моя лошадь' (16, с. 98–99). Это объяснение наводит на мысль, что первичная система притяжательных суффиксов в тюркских языках складывалась типологически по такой же модели, как и в финно-угорских: *мән киши мән* (букв. 'я человек я') → *мән киши-м* 'мой человек мой'. Впоследствии снабженное лично-притяжательным суффиксом слово, обозначающее обладаемый предмет, перестало сопровождаться лично-притяжательным определением. Так в тюркских языках возникла посессивная форма типа *киши-м* 'человек мой'.

Теперь обратим внимание на две реконструкции притяжательных суффиксов. Одна принадлежит А.М. Щербаку (18, с. 79), а другая – Б.А. Серебренникову (16, с. 94); см. табл. 2.

Таблица 2

Число	Лицо	А. Реконструкция А.М. Щербака	Б. Реконструкция Б.А. Серебренникова
Ед.	1-е	*-м <*-мән*	*-м, -ым, -им*
	2-е	*-ң <*-сән*	*-ң, -ың, -иң; -ҥ, -ыҥ, -иҥ*
	3-е	*-ы(н), -и(н) <*-ын~*-ин*	*-ы, -и, -сы, -си*
Мн.	1-е	*-быз, -мыз <*-биз<*-пи:с*	*-быз, -биз, -ыбыз, -ибиз*
	2-е	*-ңыз <*-сиз<*-си:с*	*-ңыз, -ңиз, -ыңыз, -иңиз; -ҥыз, -ҥиз, -ыҥыз, - иҥиз*
	3-е	3 лицо ед. числа	*-ы, -и, -сы, -си*

Из двух реконструкций первая (А.), принадлежащая А.М. Щербаку, может быть рассмотрена как праязыковая, а вторая (Б.), связанная с именем Б.А. Серебренникова, отражает систему притяжательных суффиксов в современных тюркских языках, сложившихся после распада их общности.

2. *Типы отношений, выражаемых притяжательными суффиксами.* Как показывают материалы чувашского языка, в тюркских языках, подобно финно-угорским, между обладателями и обладаемыми предметами существуют четыре

типа отношений (19, с. 126). Но исследователи при изучении этого вопроса обычно говорят о двух типах отношений. В процессе исторического развития тюркских языков в каждом из указанных типов суффиксы принадлежности претерпели своеобразные фонетические изменения.

3. *Фонетические изменения притяжательных суффиксов в тюркских языках.* Рассмотрим эти изменения отдельно в двух типах.

Первый тип. Отношения между одним обладателем и одним обладаемым:

1-е лицо. Во всех старых и новых тюркских языках сохраняется суффикс *-м, -ым, -им.*

2-е лицо. Почти во всех современных тюркских языках встречается суффикс *-ң, -ың, -иң.* Он имеет вариант *-ғ, -ығ, -иғ*, который сохранился в памятниках древнетюркской письменности. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках суффикс *-ң, -ың, -иң* превратился в *-н, -ын.*

3-е лицо. В абсолютном большинстве тюркских языков сохранился аффикс *-ы, -и, -сы, -си.* В тувинском, хакасском и шорском языках компонент *с* в аффиксах *-сы, -си*, оказавшись в интервокальном положении, превратился в *з*: тув. *тевези* 'его (её) верблюд', хак. *кимези* 'его (её) лодка'. В якутском языке аффикс *-сы, -си* превратился в *-тa, -тэ*: *ағата* 'его (её) отец'. В башкирском языке суффикс *-сы, -си* выступает в форме *-һы, -һэ*: *аһаһы* 'его (её) отец'. В чувашском языке аффикс *-ы, -и* совпал в одном гласном *ĕ*: *çĕрĕ* 'его (её) земля' (16, с. 94–95).

Второй тип. Отношения между многими обладателями и одним обладаемым:

1-е лицо. Вариант *-быз, -биз* встречается в киргизском, кумыкском, алтайском, башкирском и татарском языках: кум. *атыбыз* 'наша лошадь', кирг. *атабыз* 'наш отец'. Вариант *-быт, -бит* представлен только в якутском: *ағабыт* 'наш отец'. Конечный согласный *т* возник из *с*, который является результатом оглушения более старого *з*. Вариант *-мыз, -миз* появился из *-быз, -биз*. В чувашском языке согласный *з* превратился в *р* (этот переход произошел в булгарском языке не ранее IX в.) (20, с. 27): *-мăр, -мĕр: тусăмăр* 'наш друг', *хĕрĕмĕр* 'наша дочь'. Вариант *-быз, -биз* в уйгурском и в диалектах узбекского языка дал *-выз, -виз*. В тувинском языке конечный *з* подвергся оглушению: *-выс, -вис*. Вариант *-мыз, -миз* имеется в большинстве тюркских языков.

2-е лицо. Первоначально существовал только аффикс *-ңыз, -ңиз*. Он сохранился в большинстве тюркских языков – в казахском, ногайском, узбекском, туркменском и некоторых других. В азербайджанском, гагаузском, турецком языках он имеет формы *-ныз, -низ, -ыныз, -иниз*. В татарском, башкирском, кумыкском языках принят вариант *-ғыз, -ғиз*: кум. *атығыз* 'ваш конь'. В алтайском языке притяжательный суффикс 2-го лица множественного числа имеет форму *-ығар, -игер*: *д'олығар* 'ваш путь', *сөзигер* 'ваше слово' (16, с. 95–97).

4. *Пояснения к лично-притяжательным суффиксам тюркских языков.* В отдельном рассмотрении нуждается история суффиксов 3-го лица:

1. Форма аффикса 3-го лица единственного числа совпадает с формой аффикса 3-го лица множественного числа (см. 16, с. 94, 97, 98).

2. Притяжательный суффикс *-ы, -и* восходит к личному местоимению 3-го лица единственного числа типа маньчжурского и дагурского *i* 'он' (16, с. 69). Впоследствии местоимение 3-го лица превратилось в грамматический показатель определенности имени: кор. *-i: kan-i* 'тот, который ушел', *kar-i* 'тот, которому следует идти', тунг. *-i: er-i* 'этот (один)', *tar-i* 'тот (один)' (14, с. 49).

3. По вопросу о происхождении притяжательного суффикса 3-го лица *-сы,-си* имеется богатая литература. Однако этот вопрос до сих пор остается нерешенным. В чувашском языке вместо аффикса *-сы, -си* в названиях родственных отношений употребляется *-шĕ*; ср. чув. *аттăшĕ* ~ тат. *апасы* 'его (её) старшая сестра' (12, с. 47). В чувашском *-шĕ (-жэ)* Б.А. Серебренников вначале усматривал марийский притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа (21, с. 260). Но позднее он признался, что чувашский аффикс *-шĕ (-жэ)* в названиях родственных отношений трудно объясним (16, с. 95).

4. В малокарачкинском говоре чувашского языка аффикс 3-го лица единственного числа совпадает с аффиксом 2-го лица: *ар-ăм-ă* 'его жена' и 'твоя жена', *кин-ĕ* 'его сноха' и 'твоя сноха' (12, с. 46–47).

5. *Дистрибуция притяжательных суффиксов в составе слова.* Можно отметить такие случаи:

1. В притяжательном склонении суффиксы принадлежности обычно предшествуют падежным окончаниям: ср. им. падеж: чув. *кĕнеке-м*, тат. *китаб-ым* 'моя книга'; род. падеж: чув. *кĕнеке-м-ĕн*, тат. *китаб-ым-ның* 'моей книги' и т. д. (12, с. 45).

2. Притяжательный суффикс, обозначающий отношения между многими обладателями и одним обладаемым, во всех тюркских языках представляет единый тип. Он предшествует показателю множественного числа; ср. чув. *утă-ăм-ăр* (об изменении общетюркского *з* в *р* в чувашском языке см. выше), тур. *at-im-iz*, тат. *ат-ыб-ыз* 'наш конь' (12, с. 45–46).

3. Притяжательный суффикс, обозначающий отношения между многими обладателями и обладаемыми предметами (четвертый тип), в чувашском языке предшествует формантам множественного числа, а в остальных тюркских языках он располагается между двумя показателями множественного числа, один из которых относится к обладаемым предметам, а другой – к их обладателям; ср. чув. *ут-ăм-ăр-сем*, но тур. *at-lar-im-iz* 'наши кони' (12, с. 45–46).

Третий способ. Сущность этого способа состоит в том, что принадлежность выражается именным сочетанием, в котором одно существительное (вместо него может употребляться личное местоимение), обозначающее обладателя, ставится в родительном падеже, а второе оформляется с помощью притяжательного аффикса: чув. *пӳрт-ĕн алăк-ĕ*, тат. *йорт-ның ишек-е* 'дверь дома' (12, с. 48), чув. *ун-ăн ач-и* 'его (её) ребенок' (22, с. 93). Родительный падеж в тюркских языках появился сравнительно поздно. На ранних стадиях

существования тюркского праязыка он полностью отсутствовал. Его заменяла изафетная конструкция (см. первый способ). Поэтому сфера употребления родительного падежа в тюркских языках намного уже сферы его употребления в индоевропейских языках (16, с. 78).

Четвертый способ. В некоторых тюркских языках, отчасти в чувашском и татарском, суффиксы 1-го и 2-го лица как единственного, так и множественного числа могут не употребляться. Имя в предложении выступает без них. Примеры из чувашского языка: *ман алă* 'моя рука', *сан алă* 'твоя рука', *пер(ĕ)н алă* 'наша рука', *сер(ĕ)н алă* 'ваша рука', *пер(ĕ)н алăсам* 'наши руки', *сер(ĕ)н алăсам* 'ваши руки' (19, с. 127).

Вторая группа. Суффиксы принадлежности, используемые для выражения непритяжательных отношений. Показательны такие случаи:

1. Притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа во всех тюркских языках выступает в функции определенного артикля германских языков: чув. *карчăкĕ калать* 'старуха-то говорит', тат. *атасы әйтте* 'отец-то ответил' (12, с. 49), чув. *кимĕ* 'лодка', *кимми* 'лодка (уже упоминавшаяся)', тат. *тёш атыннан* 'слезь с лошади' (на которой ты сидишь) (16, с. 101).

2. Притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа в чувашском и татарском языках употребляется в качестве вокатива. Обычно такое употребление наблюдается при обращении мужа к жене, жены к мужу: чув. *ашшĕ!* ~ тат. *әтисе!* (букв. 'его (её) отец'), чув. *амăшĕ!* ~ тат. *әнисе!* (букв. 'его (её) мать') (14, с. 93; 12, с. 49). В чувашском языке в функции вокатива употребляются также притяжательные суффиксы 1-го лица как единственного, так и множественного числа: *хĕр-ĕм* 'доченька (моя)', *ывл-ăм* 'сынок (мой)', *ача-м-сем* 'детки (мои)', *хĕр-ĕм-сем* 'доченьки (мои)' (12, с. 29).

3. Общие черты в категории принадлежности в финно-угорских и тюркских языках

Финно-угорские и тюркские языки в притяжательной категории объединяют три типа совпадений: 1) генетическое, 2) типологическое и 3) функциональное.

1. Генетическое сходство. В качестве такого сходства исследователи обычно называют совпадение притяжательных суффиксов 1-го лица единственного числа, общим элементом которых является *-м*. На этой основе делается вывод о генетической общности двух языковых семей.

2. Типологическое сходство. Оно проявляется достаточно разнообразно:

1. Для финно-угорских и тюркских языков характерны притяжательные формы, состоящие из трех членов.

2. В финском и тюркских языках притяжательные суффиксы 3-го лица совпадают в первых двух типах посессивных отношений; ср. фин. *talo-nsa* 'его (её) дом' и 'их дом' (1, с. 274); тюрк. *ат-ы* 'его (её) лошадь' и 'их лошадь', *аты-сы* 'его (её) отец' и 'их отец' (16, с. 94).

3. В финно-угорских и тюркских языках притяжательные суффиксы 1-го лица обоих чисел совпадают с соответствующими личными окончаниями глаголов. Эта общность возникла в результате присоединения к глагольным и именным основам личных местоимений: фин. *sano-n* 'я говорю' – *kirja-ni* 'наша книга', *sano-mme* 'мы говорим' – *kirja-mme* 'наша книга', мар. *нала-м* 'я беру' – *ача-м* 'мой отец', *налы-на* 'мы берем' – *ача-на* 'наш отец'; кум. *ала-быз* 'мы берем' – кирг. *ата-быз* 'наш отец', тат. *аала-м* 'я беру' – *баала-м* 'мое дитя' (16, с. 94, 157). Совпадение притяжательных суффиксов существительных и личных окончаний глаголов в 1-ом лице, кроме финно-угорских и тюркских языков, наблюдается в алеутском: *su-ku-ŋ* 'я беру его' (букв. 'мое взятие') – *ada-ŋ* 'мой отец'. В алеутском примере *sukuŋ* И.И. Мещанинов выделяет глагольную основу *su-* 'брать; взятие', которая осложнена показателем настояще-будущего времени *-ku-*, а элемент *-ŋ* обозначает принадлежность действия взятия определенному субъекту (23, с. 64–65). В финно-угорских языках притяжательные суффиксы существительных и личные окончания глаголов совпадают также во 2-ом лице: фин. *sano-t* 'ты говоришь' – *kirja-si* (*-si*<**-ti*) 'твоя книга', эрз. *ловна-т* 'ты читаешь' – *кудо-т* 'твой дом', мар. *луда-т* 'ты читаешь' – *книга-т* 'твоя книга', *луды-да* 'вы читаете' – *книга-да* 'ваша книга', манс. *мыг-ын* 'ты даешь' и 'вы даете' – *хап-ын* 'твоя лодка' и 'ваша лодка'.

4. При наличии личных местоимений или существительных в родительном падеже притяжательные суффиксы в достаточной степени являются плеоназмом (от греч. *pleonasmós* 'избыток, чрезмерность'). Поэтому в некоторых финно-угорских и тюркских языках они употребляются нерегулярно (см. четвертый способ): тат. *безнең авыл*, чув. *пирĕн ял* (16, с. 101), мар. *мемнан ял* 'наша деревня'. Типологически сходные конструкции характерны для индоевропейских языков. В марийском и соседних тюркских языках усеченные формы, безусловно, возникли под влиянием русского языка. И это обусловлено принципом языковой экономии.

5. В отдельных тюркских языках притяжательные суффиксы используются в роли подлежащего по отношению к основе, выступающей как именная часть в составном сказуемом: каз. *оқушымын* 'я учитель', *оқушысың* 'ты учитель' (16, с. 99). Типологически сходные образования имеются в некоторых уральских языках. П. Равила из мордовских языков приводил такие примеры: *erźan* 'ich bin erzä' (= 'я эрзя'), *erżat* 'du bist erzä' (= 'ты эрзя'), *erźa* 'er ist erzä' (= 'он эрзя'). Подобные образования он находит также в самодийских языках (24, с. 6). От казахских и мордовских притяжательных форм нельзя отделить тамильское *makav-ēv* 'ich bin der Sohn' (= 'я сын'), в один ряд с которым К. Боуда ставит морд. *mon Soldata-n* 'ich bin ein Soldat' (= 'я солдат', букв. 'я солдат я') и нен. *man' hasava-m* 'ich bin ein Mann' (= 'я человек', букв. 'я человек я') (25, с. 168). Последние два высказывания по синтаксической структуре весьма похожи на тюркские именные предложения, в которых

предикация выражается присоединением к слову личных местоимений (вместо притяжательных суффиксов в мордовских и ненецком языках) в функции связки, устанавливающей тождество между двумя именными членами: вост.-тюрк. *män yaš män* 'я молод' (букв. 'я молодой я'), *sän yaš sän* 'ты молод' (букв. 'ты молодой ты'), алт. *ol bay ol* 'он богат' (букв. 'он богатый он'). Двучленные именные предложения, в которых личные или указательные местоимения постпозитивно по отношению к именному члену используются в качестве связки, встречаются, помимо тюркских, в арабском, семитских и некоторых иранских языках (26, с. 206–208). Во многих других языках функцию связки в двучленных именных предложениях выполняет пауза, которая как элемент высказывания при отсутствии связки в форме настоящего времени графически выражается длинной горизонтальной черточкой (или тире), служащей знаком предикации, например: *Все богачи – скряги* (М. Горький).

6. В финно-угорских и тюркских языках основы, к которым присоединяются притяжательные суффиксы, делятся на две группы: 1) основы, оканчивающиеся на гласные; 2) основы, оканчивающиеся на согласные. Во втором случае между основами и притяжательными суффиксами выступают гласные звуки, именуемые буферными (3, с. 58–59; 27, с. 33; 16, с. 94–95; 12, с. 47).

7. Сходство в дистрибуции притяжательных суффиксов. Определим их место в категориях падежа и числа:

1) в тюркских языках аффикс принадлежности предшествует падежному окончанию. В субъектно-объектных падежах марийского языка соблюдается этот же порядок (12, с. 45); см. табл. 3.

Таблица 3

Языки / Падежи	Чувашский	Татарский	Марийский	Русский
Именительный	*кĕнеке-м*	*китаб-ым*	*книга-м*	моя книга
Родительный	*кĕнеке-м-ĕн*	*китаб-ым-ның*	*книга-м-ын*	моей книги
Дательный	*кĕнеке-м-е*	*китаб-ым-ға*	*книга-м-лан*	моей книге
Винительный	*кĕнеке-м-е*	*китаб-ым-ны*	*книга-м-ым*	мою книгу

В пространственных падежах марийского языка притяжательный суффикс следует за падежным окончанием, как и в других финно-угорских языках: ср. мар. *книга-шт-ем* 'в моей книге', фин. *talo-ssa-ni* 'в моем доме', эрз. *кудо-со-м* 'в моем доме'. Порядок, при котором в финно-угорских языках падежное окончание употребляется перед притяжательным суффиксом, считается древним (1, с. 271);

2) притяжательные суффиксы при выражении множества обладаемых (это третий тип притяжательных отношений) в марийском языке предшествуют показателям множественного числа, как в чувашском (ср. чув. *хĕр-ĕм-сем*, мар. *ӱдыр-ем-влак* 'дочери мои'), или следуют за ними, как это происходит

в других тюркских языках; ср. тат. *китаб-лар-ым*, мар. *книга-влак-ем* 'мои книги' (1, с. 272; 14, с. 89). По тюркской модели в пермских языках строится также конструкция «один обладатель и много обладаемых»: тат. *кыз-лар-ым*, коми-зыр. *нывь-яс-ӧй* 'дочери мои'; тат. *эш-лар-ем*, удм. *ужь-ёс-ы* 'работы (дела) мои' (12, с. 44).

3. Функциональное сходство. Оно проявляется в следующем:

1. В якутском и мансийском языках личное местоимение в именительном падеже может употребляться в посессивном значении: якут. *мин атым* 'моя лошадь' (*мин* 'я') (16, с. 99), манс. *ам асюм* 'мой отец' (*ам* 'я') (3, с. 56, 96).

2. В некоторых финно-угорских и тюркских языках суффиксы принадлежности используются для выражения двух типов непритяжательных отношений: 1) притяжательные суффиксы 1-го лица как единственного, так и множественного числа, а также 3-го лица единственного числа употребляются в качестве вокатива; 2) притяжательные суффиксы 3-го лица единственного числа выступают в роли определенных артиклей индоевропейских языков. По своим функциям лично-притяжательные суффиксы финно-угорских и тюркских языков соответствуют притяжательным местоимениям индоевропейских языков (1, с. 268; 12, с. 49; 14, с. 88, 93).

4. Историческое развитие категории принадлежности в языках разных систем

1. Возникновение категории принадлежности обычно связывают с развитием понятия собственности в обществе. «Язык – не калька действительности», – писал А. Мартине (28, с. 407). В языке действуют свои законы. Вот почему отношение принадлежности в разных языках отражается по-разному. Это различие прежде всего связано с использованием двух функционально одинаковых вспомогательных глаголов – *быть* и *иметь*, возникших поздно, но относительно друг друга в разное время.

2. Оба глагола функционировали в латинском языке. В латинском выражении *mihi est liber* 'у меня есть книга' предмет обладания является субъектом, тогда как в синонимичном выражении *habeō librum* 'я имею книгу' он становится объектом глагола. Несмотря на это различие, оба выражения передают одно и то же отношение (26, с. 210, 212).

3. Из латинского языка глагол *habeō* 'я имею' проник в германские языки (ср. нем. *haben*, англ. *to have* 'иметь'). Но В.Г. Гак считает: «... лат. *habere* и нем. *haben*, внешне столь похожие, представляют случайное совпадение» (29, с. 297). Он, очевидно, не учитывает тесных связей, которые в доисторическом прошлом имели место между италийскими (одним из них как раз является латинский) и германскими языками. Из западных индоевропейских языков они были особо близкими. Их объединяет самое большое количество общих лексических соответствий (30, с. 21, 317). В других языках, в том числе в алтайских, к которым относятся рассматриваемые финно-угорские и тюркские

языки, преобладает тип *mihi est* ‘у меня есть’. Ограничимся немногими примерами из алтайских языков, в которых отсутствует глагол *иметь*: тур. *bir ev-im var* (букв. ‘один дом-мой есть’) ‘у меня есть дом’, монг. *nadur morin buy* (букв. ‘у меня лошадь есть’) ‘у меня есть лошадь’ (26, с. 211).

4. В языках мира развитие шло от типа *mihi est* ‘у меня есть’ к типу *habeō* ‘я имею’. Тип *habeō* даже там, где он существует, мог возникнуть из предшествующего типа *mihi est* (26, с. 212).

5. В тех языках, в которых используются оба вспомогательных глагола, функциональная нагрузка между ними может распределяться крайне неравномерно. Так, во французском языке *être* ‘быть’ употребляется только с десятками глаголов, в то время *avior* ‘иметь’ – со всеми остальными глаголами. Эти глаголы во французском языке находятся в отношении дополнительной дистрибуции (26, с. 210, 216).

6. Языки не нуждаются в существовании двух вспомогательных глаголов. Они могут удовлетворять свои потребности одним вспомогательным глаголом. Например, русский и персидский языки обходятся одним вспомогательным глаголом *быть*, а курдский – глаголом *dāštan* ‘иметь’ (26, с. 209–211).

7. В категории принадлежности часто наблюдается влияние особенностей родного языка в процессе общения на чужом языке. Это явление, известное как интерференция (от лат. *inter* ‘между, взаимно’ + *ferentis* ‘переносящий’), можно иллюстрировать на таком простом примере. Иностранец (допустим, немец или англичанин), недостаточно владеющий русским языком, вместо, например, выражения *у меня есть книга* в соответствии с нормами родного языка (ср. нем. *Ich habe das Buch* или англ. *I have the book*) может сказать: «Я имею эту книгу». А в речи носителей русского языка, когда они говорят по-немецки или по-английски, при отсутствии практики устного общения неизбежна интерференция иного характера, связанная с употреблением в их родном языке глагола *быть* для выражения посессивных отношений.

8. В категории принадлежности, наряду с общими закономерностями, отражается национальная специфика языка.

* * *

1. Понятия принадлежности и собственности возникли в разное время.

2. Первоначально существовало лишь понятие принадлежности (обладания), которое распространялось на объекты, естественно относящиеся к человеку (части тела, члены семьи). Для выражения этого понятия древние языки использовали глагол *быть* с указанием обладателя, который по-разному обозначался на разных этапах их развития. В самом начале его обозначал один из компонентов в именных словосочетаниях, образованных путем соположения. На следующем этапе на обладателя указывали лично-притяжательные суффиксы. На третьем этапе, который был заключительным в ряде языков, обладатель обозначался, помимо лично-притяжательных суффиксов, именем

существительным или личным местоимением в родительном падеже. Глагол *быть* постепенно стал употребляться и в значении глагола *иметь*. Таким представляется путь формирования категории принадлежности в финно-угорских (уральских), тюркских, монгольских и многих других языках (29, с. 297).

3. В некоторых финно-угорских и тюркских языках лично-притяжательным суффиксам свойственна вторичная функция. Они служат базой для образования обращений или выступают в качестве определенных артиклей германских языков.

4. Понятие о собственности, т.е. об имуществе, принадлежащем какому-то лицу, возникло позднее. Оно вызвало к жизни глагол *иметь*. Большинство языков не знает его. Даже в индоевропейской семье глагол *иметь* получил распространение лишь в части языков – греческом, латинском, германских, некоторых славянских, включая русский язык, хотя в последнем он употребляется крайне редко (26, с. 211; 29, с. 297). Территориальная ограниченность глагола *иметь* означает, что понятие собственности в индоевропейских языках могло возникнуть только после ослабления связей между ними. До возникновения нового понятия индоевропейцы, как и многие другие народы, пользовались понятием принадлежности (обладания). В тех языках, в которых закрепился глагол *иметь*, он впоследствии вытеснил *быть* из тех сфер, которые не имели прямого отношения к идее собственности. Так глагол *быть* уступил свое место глаголу *иметь*, но сохранился там, где идея принадлежности (обладания) касалась неотчуждаемых объектов. В результате конкурентной борьбы оба глагола стали обозначать и обладание (принадлежность), и собственность. Победа одного из соперников, их разграничение и использование не были связаны с географией идеи собственности, а были обусловлены внутренними законами развития того или иного языка. По этой причине в русском языке возобладали конструкции с глаголом *быть* (*у меня есть*), а во французском преобладают обороты с глаголом *avoir* 'иметь', возникшим для обозначения понятия собственности. Немецкий язык, по мнению специалистов, занимает промежуточное положение между названными языками (29, с. 297–298).

5. Глагол *иметь* – это не что иное, как инвертированный (от лат. *invertere* 'переворачивать, переставлять') глагол *быть у*. Так, латинское выражение *mihi est pecunia* 'у меня есть деньги' означает то же самое, что и *habeō pecuniam* 'я имею деньги'. Несмотря на позднее происхождение, *mihi est* 'у меня есть' является первичным, тогда как *habeō* 'я имею' представляет собой его вторичный вариант (26, с. 212–213).

6. Языки, в которых посессивная конструкция строится с переходным глаголом типа *иметь*, называются Habeo-языками (от лат. *habeo* 'имею'), а языки, в которых эта конструкция включает глагол-связку *быть*, называются Esse-языками (от лат. *esse* 'быть') (31, с. 389).

СОКРАЩЕНИЯ

алт. – алтайский язык
англ. – английский язык
букв. – буквально
венг. – венгерский язык
вост.-тюрк. – восточно-тюркские языки
греч. – греческий язык
диал. – диалект
каз. – казахский язык
кирг. – киргизский язык
коми-зыр. – коми-зырянский язык
кор. – корейский язык
кум. – кумыкский язык
лат. – латинский язык
манс. – мансийский язык
мар. – марийский язык
мокш. – мокшанский язык
монг. – монгольский язык
морд. – мордовские языки
нем. – немецкий язык
нен. – ненецкий язык
тат. – татарский язык
тув. – тувинский язык
тунг. – тунгусский язык
тур. – турецкий язык
тюрк. – тюркские языки
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
франц. – французский язык
хак. – хакасский язык
хант. – хантыйский язык
чув. – чувашский язык
эрз. – эрзянский язык
якут. – якутский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Майтинская К.Е.* Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М., 1974.

2. *Hajdú P.* Bevezetés az uzáli nyelvtudományba. – Budapest, 1966.

3. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийский язык. – Л., 1957.

4. *Лаанест А.* Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – М., 1975.

5. *Mark J.* Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne (MSFOu). 1925, LIV. – I. Hälfte.

6. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.

7. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. – Йошкар-Ола, 1964. – Ч. I.

8. *Пенгитов Н.Т.* Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке // Труды МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1957. – Вып. X.

9. *Таули В.* О внешних контактах уральских языков // Новое в лингвистике. – М., 1972.

10. *Казанцев Д.Е.* К истории суффикса множественного числа *-шамыч* в марийском языке // Проблемы марийской и финно-угорской филологии. – Йошкар-Ола, 2007.

11. *Казанцев Д.Е.* К вопросу о происхождении суффиксов *-влак* и *-влӓ* в марийском языке // Финно-угроведение. 2008, №1.

12. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары, 1983. – Ч. II.

13. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960.

14. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.

15. *Wichmann Y.* Über eine Reformbewegung der heidnischen Tscheremissen // Journal de la Société Finno-Ougrienne (JSFOu). 1932, XLV,7.

16. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.

17. *Гаджиева Н.З.* Основные пути развития структуры тюркских языков. – М., 1973.
18. *Щербак А.М.* Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. – М., 1977.
19. *Цаплина Р.И.* Морфологические особенности ишлейского говора // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1960.
20. *Benzing J.* Die angeblichen bulgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Geselschaft (ZDMG). 1944, № 98.
21. *Серебренников Б.А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. – М., 1960.
22. *Резюков Н.А.* Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. – Чебоксары, 1959.
23. *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке. Стадиальная типология. – Л., 1936.
24. *Ravila P.* Die Wortklassen, mit besonderer Berücksichtigung der uralischen Sprachen // Journal de la Société Finno-Ougrienne (JSFOu). 1957, № 59,3.
25. *Bouda K.* Dravidisch und Uralaltaisch // Ural-Altaische Jahrbücher (UAJb.). 1953, Bd. 25.
26. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974.
27. *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Труды ЧувНИИ. – Чебоксары, 1976. – Вып. 66.
28. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II.
29. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М., 1966.
30. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. – М., 1964.
31. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Dmitriy Kazantsev

ON THE HISTORY OF POSSESSIVE CATEGORY

Category of possessive nouns is a special form of expression of relations between the owner and the object of possession. This article discusses the history of the development of possessive forms in the Finno-Ugric and Turkic languages. They bring together similar methods of education and the nature of the use of possessive affixes genetically dating back to the personal pronouns. By the nature of the use of possessive suffixes are divided into two groups: 1) suffixes are used to express possessive relations; 2) suffixes are used to express possessive relationship.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРИЙСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена грамматическим особенностям марийских имен прилагательных, сложившимся под тем или иным воздействием русского языка. Она написана на основе опубликованных работ прежде всего по марийскому языкознанию, а также по общему финно-угроведению и уралистике в части, касающейся данной проблемы.

В научных трудах, учебных пособиях по современному марийскому языку, как правило, отмечаются следующие основные общие грамматические свойства прилагательных: функционирование в предложении в качестве определения и именной части составного сказуемого; препозиция и примыкание по отношению к определяемому существительному, также способность употребляться после определяемого слова и связь согласования в данном случае; способность выступать вместо существительных с приобретением при этом соответствующих грамматических черт (1, с. 98–99; 2, с. 107–108, 123–128); при изменении по числам, падежам и лицам в случаях согласования и субстантивации присоединение тех же показателей, что и у существительных (1, с. 108–109; 2, с. 123–128; 3, с. 51). Помимо этого, указываются такие характерные для качественных прилагательных особенности, как наличие форм степеней сравнения – сравнительной и превосходной; некоторые языковеды (например, 3, с. 50) выделяют также положительную степень, свойство иметь при себе наречия меры и степени типа *теш* 'очень' (2, с. 109); для части качественных прилагательных, прежде всего обозначающих цвет, – наличие полной и краткой форм, форм оценки (1, с. 101–106; 2, с. 109–117; 3, с. 50). По мнению Г. Берецки, образование «особых форм для атрибутивного и для неатрибутивного употребления» типа *шем/шеме* 'черный' «началось под влиянием чувашского языка», где «данное явление носит общий характер» (4, с. 238).

Исследователи отмечают также грамматическую слабооформленность марийских прилагательных: «нередко трудно установить, к какой грамматической категории следует отнести слово – к прилагательному или наречию, прилагательному или существительному» (3, с. 42). То, что многие марийские

прилагательные могут употребляться «в неизменной форме и в качестве наречия», что «они часто определяют не только существительные, но и глаголы, т.е. выполняют функцию не только атрибута, но и обстоятельства», Г. Берецки называет чертой тюркских языков (4, с. 238; 5, с. 25). Правда, здесь не бесспорно утверждение об использовании прилагательных в качестве наречий. На наш взгляд, тут, скорее всего, необходимо вести речь не о прилагательных, а об особой группе (обычно морфологически неоформленных) слов, способных вступать в связь как с именными, так и с глагольными словами и вследствие этого выполнять разные функции – характерные как для прилагательного, так и для наречия и существительного. Известно, такие слова квалифицируются как неопределенно-качественные или категориально недифференцированные – например, «раш категорийдыме мут-влак» (6, с. 134–135), «недифференцированные слова», «их нельзя причислить ни к одной части речи» (7, с. 26–29). Очевидно, они представляют собой реликтовое явление былой (доуральской и уральской) неразделенности имен и выражения обстоятельств неоформленными именами. Считается, что в уральском праязыке «в класс имен ... мог входить и подкласс прилагательных, которые вначале никак не отличались от субстантивных слов: любое субстантивное слово при атрибутивном употреблении в препозиции другому имени могло на время превращаться в прилагательное» (8, с. 227). В работах по финно-угроведению отмечается также сохранение в современных финно-угорских и самодийских языках следов «периода, когда отдельные обстоятельства выражались бессуффиксными формами имен» (9, с. 215, 384).

То, что «если прилагательное получает притяжательный суффикс, происходит субстантивация его» (см. также 3, с. 42) и «оно становится существительным», Г. Берецки рассматривает как «опять же тюркская черта» и утверждает, что тюркские языки «послужили образцом для финно-угорских» (4, с. 238; 5, с. 25–26). По-видимому, здесь следует говорить об обратном явлении: изменение по лицам возможно только при условии субстантивации прилагательного, именно субстантивация (а не наоборот) предполагает морфологическое изменение прилагательных по числам, падежам и лицам (1, с. 108–109; 2, с. 123–128; 3, с. 51). Данные марийские категории и абсолютно бóльшая часть их форм, как известно, являются исконными, в т.ч. собственными (см. 10, с. 38–83). К тому же, употребление прилагательных в качестве существительных и склонение существительных и прилагательных по одному типу характерно ряду современных финно-угорских языков (9, с. 214–215).

Как видно, в формировании отдельных свойств марийских прилагательных определенную роль сыграли тюркские языки. А часть из вышеназванных явлений возникла и развилась под влиянием русского языка, к таким относятся: оформление превосходной степени в диалектах при помощи средств и по моделям аналогичных форм русского языка; пополнение фонда адъективно-субстантивных словосочетаний в результате заимствования отдельных прилагательных и «готовых» словосочетаний, производства собственных

прилагательных на основе существительных-русизмов; расширение границ синтаксического функционирования прилагательных – все более активное употребление в качестве обособленных согласованных определений, постпозитивных, дистантных (в т.ч. приместоименных), которое неизбежно сопровождается повышением частотности проявления и развитием грамматической связи согласования.

Так, под влиянием русского языка сложились отдельные аналитические формы превосходной степени в марийских диалектах (см. подробно 11, с. 53–55). Из русского языка заимствованы оформители превосходной степени – слова г., с.-з., м.-с. *сек* (< рус. *всех*) (10, с. 98; 19, с. 43; 12, с. 157–158; 13, с. 34; 14, с. 131; 4, с. 62), г. *самой* (орф.), *самый*, с.-з. *самой*, волж. *самый* (< рус. *самый*) (10, с. 98; 19, с. 43; 15, с. 114; 12, с. 161; 14, с. 131; 4, с. 62), с.-з. *запсек* (< рус. диал. *за всех*) (11, с. 53–54): г. *сек яжо*, с.з. *сек сäй* ‘самый хороший, лучший, лучше всех’, букв. ‘всех хороший’; г. *самой кого*, с.-з. *самой кугу*, волж. *самый кугу* ‘самый большой’; с.-з. *запсек вийäн* ‘самый сильный’, букв. ‘за всех сильный’. Особенности употребления их источников в русском языке, несамостоятельность использования в марийском, а также функциональная идентичность параллелей *сек, самой/самый* в родственных языках (см. о последней 12, с. 156, 158, 160–161) свидетельствуют о том, что вышеназванные единицы (не только *самой/самый*) проникли в марийский язык в качестве показателя степени в рамках моделей соответствующих русских конструкций (см. также 14, с. 173).

В марийских диалектах и говорах для выражения высокой степени качества безотносительно к признаку других предметов встречаются в ряду наречий меры и степени с общим значением ‘очень’ (л. *пеш, моткоч, путырак*; г. *лач, когон, пиш(ок), проц(ок), чоте(ок), чотым(аш), литымäш*; с.-з. *пешäтäт*) заимствования из русского языка: волж. *зра, дотово* (16, с. 14), м.-с. *бэда, ызыра*, с.-з. *дотово* (13, с. 94).

Обращают на себя внимание и конструкции с наречием меры и степени *эше* (реже *эшеат*) ‘еще, более, еще более, в большей степени’. Наряду с другими словами подобной лексико-семантической группы (*утларак, утыр* ‘все, еще, (еще) более, все (еще) более, в большей степени’, *пырт(ак), изиш(ак)* ‘немного, немножко, несколько; чуть, чуть-чуть’), заимствование *эше(ат)* < рус. *ещё* (15, с. 97) выступает при прилагательных (и наречиях) сравнительной степени и реже исходной формы в качестве средства выражения большей степени признака: *эше сылнырак вер* ‘более красивое место’, *эше кугу орлык* ‘еще большее горе’, *эшеат шокшо юж* ‘еще более теплый воздух’. Как известно, в языке-источнике слово ещё также используется при прилагательных и наречиях сравнительной степени для передачи проявления качества в большей мере: *Речка стала еще мельче*.

В составе прилагательных заметное место по происхождению занимают русские заимствования (судя только по современным орфографическим словарям, более 300). Многочисленные прилагательные (судя по тем же источникам, более 3,5 тысяч) образовались на базе русских заимствованных

существительных с помощью различных суффиксов по исконным образцам (см. подробно 17, с. 262–264). Естественно, благодаря таким прилагательным (заимствованиям и собственным образованиям) в марийском языке значительно расширился круг атрибутивных словосочетаний модели «имя прилагательное + имя существительное» типа: л. *кудыр ӱп* 'кудрявые волосы', *ласка илыш* 'спокойная жизнь', *национальный йодыш* 'национальный вопрос', *юридический полыш* 'юридические услуги', *курсовой паша* 'курсовая работа', *августысо конференций* 'августовская конференция', *абажуран лампе* 'лампа с абажуром', *суффиксдыме шомак* 'бессуффиксальное слово'.

Многие прилагательные проникли и проникают в язык не изолированно, а в составе субстантивных словосочетаний (заимствований или полукалек), например: *агрономический службо, агропромышленный комплекс, хронический чер* 'хроническая болезнь', *байковый одеял, батистовый шовыч* 'батистовый платок', *генеральный директор, генеральный корно* 'генеральная линия', *генеральный прокурор, мобильный телефон, физический лица, юридический лица, частный клиент* и др. Так, Ю.В. Андугановым к поздним синтаксическим единицам отнесены словосочетания с заимствованными прилагательными на *-ный* и *-ский* (*экономический прогресс, партийный аппарат*); они, по его мнению, «без какой-либо необходимости особенно безудержно стали проникать из русского источника после событий 30-х годов текущего (прошлого – *Сиб.*) столетия, когда торжествовало нигилистическое отношение к проблемам развития языка и национальной культуры» (14, с. 135, 173). В настоящее время в литературном языке наблюдается тенденция к ограничению употребления таких заимствованных прилагательных и конструкций (как и заимствования новых). Так, в лугово-восточной литературной норме все чаще используются не сами прилагательные, а номинативные и генитивные формы соответствующих заимствованных существительных (*президент школ* вм. *президентский школ*, *республик канаш* и *республикын канашыже* вм. *республиканский канаш* 'республиканский совет') и также прилагательные, образованные от заимствованных существительных при помощи собственных суффиксов (*республикысе эмлымвер* вм. *республиканский больнице*, *кварталаш план* вм. *квартальный план*, *кандидатлык диссертаций* вм. *кандидатский диссертаций*).

Общеизвестно, в марийском языке прилагательные, как и слова других частей речи, выступающие в качестве определения, в целом предшествуют определяемым словам и никак не изменяются (1, с. 98; 3, с. 91; 2, с. 107; 18, с. 39, 70, 72). Препозитивный порядок следования определительных слов в предложении и связь примыкания наиболее устойчивыми были в прамарийском языке (19, с. 106, 108). Данная особенность языка, несомненно, является наследием уральского и финно-угорского периодов (см. 19, с. 106), когда действовал следующий общий закон расположения второстепенных членов, в т.ч. определений: подчиненный (управляемый) член находится

в препозиции по отношению к подчиняющему (управляющему) члену, причем препозитивные определения, выражающие качество, свойство, количество предмета, с определяемым не согласовались (9, с. 384, 386; 8, с. 254).

Однако традиционная препозиция определения в современном марийском языке все более нарушается. Так, согласно работам по современной грамматике (подразделам об обособленных определениях) и правилам пунктуации по обособлению и их фактическим материалам. определения, в т.ч. выраженные прилагательными и адъективными конструкциями, способны находиться и в постпозиции, и в различном дистантном положении по отношению к определяемому члену, также способны определять, помимо существительных, местоимения, личные и реже определительные (20. с. 30–31; 21, с. 85–86; 22, с. 14–15; 18, с. 88–89; 23, с. 38–39). В этих случаях определения согласуются с определяемым словом в падеже и числе (1, с. 108–109; 2, с. 126; 21, с. 18; 18, с. 39–40). Подобные взаимообусловленные изменения в расположении определений и в их грамматической связи с определяемым словом исследователи истории языков объясняют иноязычным (для марийского языка русским) влиянием (8, с. 254; 19, с. 106, 108–109). Согласно обобщениям П. Хайду, «полное согласование выработалось в финском языке, частичное – в эстонском и саамском, изредка согласование наблюдается в мордовском и ненецком языках» (8. с. 254). Думается, что некоторые предпосылки для развития постпозиции прииименных определений и согласования при этом имелись и в самих финно-угорских языках, ибо уже в прафинно-угорский период «только определения уточняющего характера употреблялись в качестве приложений постпозитивно, но связь приложений и определяемого слова была обеспечена согласованием» (9, с. 385). Очевидно, согласование в какой-то мере продиктовано и самой грамматической природой уральских языков, а именно изначальной неоформленностью любых (и прииименных, и приглагольных) определений и соответственно возможностью разграничения конкретных синтаксических функций только «местом слова в конструкции предложения» (8, с. 221). Отсюда неизбежно то, что в случае постпозиции определения разграничение членов предложения может обеспечиваться только с помощью конкретного дополнительного средства. Показатель согласования при этом служит маркером не только отнесенности определяющего слова к определяемому, но и одновременно его несоотнесенности к последующему слову, что наглядно демонстрируется примерами типа: *Сай пашам ыштем* ‘Хорошую (букв. хорошая) работу делаю’ – *Пашам сай ыштем* ‘Работу хорошо делаю’ – *Пашам, сайым, ыштем* ‘Работу, хорошую, делаю’.

Таким образом, среди грамматических особенностей марийских прилагательных, наряду с исконными, наблюдаются черты, на формирование которых оказали воздействие иные (тюркские и русский) языки. Под влиянием лексического состава и грамматических свойств русских прилагательных сложились

описательные формы превосходной степени в марийских диалектах (со словами русского происхождения *сек* 'всех', *самый/самой, запсек* 'самый' по моделям языка-источника); значительно пополнился фонд адъективно-субстантивных словосочетаний (в результате использования в зависимой части многочисленных прилагательных-русизмов и прилагательных, производных на базе заимствованных существительных, а также в результате непосредственного заимствования определительных словосочетаний); появилось и получило развитие постпозитивное и различное дистантное употребление прилагательных и адъективных конструкций по отношению к определяемому слову (в т.ч. к местоимению) с одновременным расширением границ связи согласования.

СОКРАЩЕНИЯ

волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка
г. – горное наречие марийского языка
диал. – диалектный
л. – луговое наречие марийского языка
м.-с. – моркинско-сернурский говор лугового наречия марийского языка
рус. – русский язык
с.-з. – северо-западное наречие марийского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961.

2. *Учаев З.В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. – Йошкар-Ола, 1982.

3. *Коведяева Е.И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М., 1976.

4. *Bereczki G.* A cseremisz nyelv történeti alaktana. – Debrecen, 2002.

5. *Берецки Г.* Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов: I ч. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005.

6. *Учаев З.В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. – Йошкар-Ола, 1985.

7. *Учаев З.В.* Узловые проблемы морфологии марийского языка. – Йошкар-Ола, 2002.

8. *Хайду П.* Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е.А. Хелимского. – М., 1985.

9. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974.

10. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. – Йошкар-Ола, 1964.

11. *Сибатрова С.С.* О формах степеней сравнения имен прилагательных в марийском языке и влиянии русского языка на их систему // Финно-угроведение. 2005, № 1.

12. *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М., 1979.

13. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий: Университетыце студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1981.

14. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. 1. Введение. Субстантивные словосочетания. – Йошкар-Ола, 1991.

15. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1969.

16. *Лаврентьев Г.И.* Волжский говор марийского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1967.

17. *Сибатрова С.С.* О некоторых изменениях в составе марийских имен прилагательных под воздействием русского языка // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): Материалы VIII Междунар. симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (18–20 августа 2011 г.) / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011.

18. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: Туныктышылан полыш. – Йошкар-Ола, 1989.

19. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: Тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1986.

20. Марий орфографий мутер. – Йошкар-Ола, 1972.

21. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: Туныктышылан полыш. – Йошкар-Ола, 1987.

22. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Пунктуаций. – Йошкар-Ола, 1992.

23. Марий орфографий мутер / МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2011.

Seraphima Sibatrova

ON THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE GRAMMATICAL FEATURES OF MARI ADJECTIVES

Among the grammatical features of Mari adjectives, along with the traditional, there are features that are formed under the influence of lexical and grammatical properties of Russian adjectives: 1) it is developed descriptive superlatives in Mari dialects with words of Russian origin (sek 'of all', samyi / samoi, zapsek 'most'), and by model of source language; 2) the fund-substantive adjective phrases are significantly enriched (through the use in a dependent part of Russian adjectives and own adjectives, derivatives from borrowed nouns, and also due to the misuse of borrowing phrases); 3) post-positional and distant use of adjectives and adjectival constructions in relation to the head word has developed, thus significantly expanded the boundaries of communication agreement.

СООБЩЕНИЯ

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

ГОВОР ДЕРЕВНИ САРСЫ (САРСАДЕ) В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА ЭДЕНА БЕКЕ (ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

По современной классификации марийских диалектов, говор деревни Сарсы относится к красноуфимскому говору восточного наречия марийского языка (1, с. 52; 2, с. 16). Красноуфимский говор объединяет говоры жителей Красноуфимского, Артинского, Ачитского и Нижнесергинского районов в юго-западной части Свердловской области. Согласно классификации марийских диалектов Г. Берецки, язык данной деревни входит в состав уфимского подговора вятско-уфимского говора восточного наречия (3, с. 27).

Обзорное описание красноуфимского говора дано в учебном пособии «Марий диалектологий» профессора И.Г. Иванова (1, с. 67–71), где получили освещение его основные фонетические, морфологические и лексические особенности. В области фонетики отмечается то, что в говоре имеется 10 гласных фонем, как и в горном наречии, в нем представлены переднерядные фонемы *ӓ* и *ӹ*. Благодаря их наличию наблюдаются палатально-велярная (*ӱштӓш* ‘мести’, *нӓстӓ* ‘предмет’, *мӹӓнде* ‘земля’) и лабиальная (*ӱдӱржӧ* ‘его/ее дочка, девушка’, *тувурум* ‘рубашку’) гармонии. Часто используется фонема *и* вместо *ы* в середине слова и вместо *ӱ* в начале слова лугово-восточной литературной нормы, см.: *пиз'л'э* ‘рябина’, *кин'эр* ‘локоть’ (лит. *пызле, кынер*), *ишанаш* ‘верить’, *имаште* ‘в прошлом году’ (лит. *ӱшанаш, ӱмаште*) и т.д. Особенностью говора является наличие палатальных щелевых согласных *с'* и *з'*: *окс'а* ‘деньги’, *айз'а* ‘ребенок’. Характерно отсутствие фонемы *й*, вместо нее используется палатальный согласный *д'*: *д'ен, д'ӱм* (лит. *ен* ‘человек’, *йӱд* ‘ночь’).

Исследованию красноуфимского говора посвящен ряд работ А.Н. Куклина. В одной из его статей детально освещена история изучения говора (4, с. 148–166), в других рассмотрены фонетические (5, с. 100–123; 6, с. 123–132; 7, с. 66–84) и лексические особенности говора (8, с. 51–58). Однако следует подчеркнуть, что говор еще мало изучен, хотя собран довольно богатый материал, нуждающийся в обработке.

Лексика. Эден Беке записал от информанта-военнопленного, жителя д. Сарсы (Сарсаде) Красноуфимского уезда (ныне: Красноуфимского района Свердловской области; к сожалению, его имя не сохранилось), 11 песен, 17 пословиц и поговорок, 8 загадок, 15 суеверий, 6 описаний о верованиях марийцев (1, с. 3). В диалектном словаре марийского языка Э. Беке представлено около 2850 слов, характерных для д. Сарсы. Их количество могло быть значительно больше, т. к. некоторые слова, содержащиеся в предложениях-примерах, в леммах не приводятся, например, в говоре зафиксировано много сложноподчиненных предложений с союзом *гын (кын)* 'если', но под леммой *гын* (10, с. 739) вариант из Р (сокращение говора д. Сарсы) не указывается. Помету Р не имеет и частица *гына* 'лишь, только' (10, с. 740), которая в примерах встречается: *кинер-гутуш кына улат, ойлаш тӧчет* 'ростом только с локоть, а пытаешься говорить' (10, с. 741). Не зарегистрированы в Р слова *пире* 'волк' (10, с. 1872), *реве* 'репа' (10, с. 2101), *пижаш* 'цепляться, завязнуть, приклеиться, пристать' (10, с. 1883) и некоторые другие. В иллюстрациях же данные лексемы выступают, например: *падра реве, ушмен* 'сочная репа, свекла' (10, с. 1747); *пудий пижеш* 'клещ впивается (досл. вцепляется)' (10, с. 1883).

В словаре Э. Беке марийские диалекты представлены с сокращениями P (Perm), B (Birsk), M (Malmyž), U (Uržum), C (Carevokokšajsk), Č (Čeboksary), J (Jaransk), V (Vetluga), K (Koz'modem'jansk), говор д. Сарсы (Сарсаде) выступает, как отмечено выше, с пометой Р. Как видим, при этом Э. Беке взял за основу названия административных центров, в данном случае уездных центров губерний. Рядом с сокращением уездного центра дает обозначение населенного пункта, от жителя которого он собирал материал:

P = P
B = B BJ BJp
M = M MK MM
U = UJ UP US USj
C = CČ CK CÜ (см. прил.).
Č = Č ČN
J = JO JT JK JP JŠ
V = V
K = KA KJ KK KM KN KŠ

Данным условным сокращениям диалектов соответствуют следующие названия диалектов и говоров по классификации Г. Берецки:

Сокращения говоров в словаре Э. Беке	Названия диалектов и говоров по Г. Берецки
	Западный диалект
KA KJ KK KM KN KŠ	1) горно-лесной говор
полевой материал Г. Берецки	2) липшинский говор
JO V	3) северо-западный говор
CČ JT JK JŠ	4) йошкар-олинский говор
	Восточный диалект
	5) луговой говор
CÜ UJ	а) центральный подговор
CK Č ČN	б) волжский подговор
	6) вятско-уфимский говор
M MK MM UP US USj	а) вятский подговор
P B BJ BJp	б) уфимский подговор

При анализе лексики между говорами под общим сокращением J проведена условная граница: они разделены на JT и JO, т. к. говор д. Туршемучаш (JT) относится к йошкар-олинскому говору лугового наречия, а говор д. Отюгово (JO) представляет яранский говор северо-западного наречия. Слова, встречающиеся в комбинациях более чем из 6 условных сокращений (названий диалектов), отнесены к общей лексике марийского языка. Анализу подвергнуты комбинации из 6 и менее чем из 6 названий диалектов.

Из 2850 слов 48 единиц (1,7 %) составляют лексемы, имеющиеся только в говоре данной местности. В зависимости от ареала остальных слов, зафиксированных в Р, но имеющихся и в других говорах марийского языка, наблюдаются весьма разные комбинации говоров. Количество таких комбинаций вместе с Р составляет 74. По числу характерных общих слов комбинации распределяются следующим образом:

Комбинации говоров	Количество слов	Комбинации говоров	Количество слов
P B	98	P B M Č JT	2
P B M	68	P B Č JT	2
P B M U	56	P M U JT	2
P	**48**	P U Č	2
P B M U C	23	P U V	2
P B U	21	P C JT	2
P B M U C Č	16	P C K	2
P B U JT	15	P C	2
P B M U JT	11	P B M U Č JT	1
P B JT	11	P B M U JT K	1
P B C Č	10	P B M U JO K	1
P B M C Č	7	P B M U V	1
P B M U C JT	6	P B M Č	1
P B Č	6	P B M JT K	1
P M U	6	P B M JO	1
P B U C	5	P B U C JO	1
P U	5	P B U Č JT	1
P U JT	5	P B U JT V	1
P B M K	4	P B U Č	1
P B M C	4	P B U JO	1
P B U C Č	4	P B C Č V	1
P B C	4	P B C JO	1
P M K	4	P B C K	1
P B M U JO	3	P B Č JO K	1
P B M C JT	3	P M U C Č	1

P B M JT	3	P M U C	1
P B U C JT	3	P M	1
P B C Č JT	3	P M C	1
P B C JT	3	P M V	1
P B K	3	P U C Č	1
P U C	3	P U JT V	1
P U C JT	3	P C Č	1
P C Č JT K	3	P C JT K	1
P K	3	P JT V	1
P B M U Č	2	P JO	1
P B M U K	2	P JO V K	1
P B M C Č K	2	P V	1

Данные таблицы свидетельствуют о том, что относительно лексического состава говор д. Сарсы имеет больше всего общих корней с говорами деревень Бирского уезда Уфимской губернии (B BJ BJp), т. е. с мишкинским говором восточного наречия (2, с. 59) (P B = 98 слов). Отдельные примеры: *вон'чак* 'переход в реке, где купают и поят лошадей; яма с лужей': *вон'чакышке имне д'ӱкташ мийышым (йоген кия, куаш)* 'я ходил к переходу напоить лошадей (течет, мелко)' (10, с. 188); *эзылем* 'гнить, разваливаться, расползаться': *мочыла эзылен шӱӱӱн д'ерыште (лыҥ кия)* 'лыко сгнило в озере (долго лежит)' (10, с. 291); *нӱжем* 'тереть, скрести, скоблить': *имньым нӱжем* 'скоблю лошадь', *кӱвӓрӹм нӱжем* 'скоблю пол' (10, с. 1617); *шӱдӱлен* 'по 100 (штук)': *шӱдӱлен войз'ышым нымыштым* 'я сдирал лыко по 100 (штук)' (10, с. 2587); *учо* '1. помощник моллы B; 2. пугало для птиц P': *пакчаш штат учум чыве лӱдаш; тувурум чиктен шогалтат, упшум упшалтат* 'пугало делают в огороде, чтобы куры боялись; надевают рубашку и шапку' (10, с. 3287) и т. д. В десятитомном «Словаре марийского языка» (дальше: СМЯ) эти слова приведены с пометой *диал.*, см., например, *учо* (11, с. 134). По твердому убеждению Г. Берецки, говоры, обозначенные в словаре Э. Беке буквами P, B, BJ, BJp, составляют уфимский подговор вятско-уфимского говора восточного наречия (4, с. 27). Большое количество общих корней поэтому является закономерным. Говоры P и B, т. е. красноуфимский и мишкинский, имеют много общего не только в лексическом, но и в морфологическом аспекте (см. ниже). Исходя из этого, имеются все основания принять классификацию марийских диалектов Г. Берецки, которая, на наш взгляд, является более достоверной и отражает объективную картину современных марийских наречий и говоров.

Достаточно большое количество общих слов имеется для комбинаций:

P B M (68 единиц): *шӱвӧ* арх. 'небольшой кусок жертвенной пищи (хлеба, блина, мяса, молока и т. д.), который бросают в огонь': *йумулан тумо годым шӱвӱм налыт* 'во время жертвоприношения берут *шӱвӧ*' (10, с. 2581); *тетра*

'колесо, диск, обруч': *д'ыра шӱшмӧ тетра* 'диск пахтальной мутовки' (10, с. 2730); *чие* 'вишня' (10, с. 3116); *чокынем* 'принять крещение': *д'ен чокына* 'человек крестится, принимает крещение'; *чокындарем* 'крестить': *поп чокындара* 'поп крестит' (10, с. 3137); *ӱлӱш* 'часть': *ик ӱлӱшыжӧ эргымлан, ик ӱлӱшыжӧ ӱдӱремлӓн* 'одна часть для моего сына, одна часть для моей дочери' (10, с. 3310) и т. д.;

P B M U (56 единиц): *агем* 'красть; грабить': *вор клат-кӧргым вӱге аген каен* 'вор полностью ограбил клеть' (10, с. 28); *д'отын* 'до': *минь каем кожла д'отын* 'я иду до леса' (10, с. 510); *окмак* 'дурак, идиот': *окмак раш ойлен о керт* 'дурак не может говорить разборчиво' (10, с. 1652); *пижымдылам* 'застревать, цепляться, приклеиваться': *орва пушенгеш пижымдылеш (шӱдӱржӧ пижеш, корно шыгыр)* 'телега цепляется за деревья (ось застревает, дорога тесная)' (10, с. 1887); *саратем* 'чистить, шелушить, обдирать, сдирать': *иньым, ушкалым, шорыкым, мерӓгым, урым саратем (коваштым никтам)* UP 'обдираю лошадь, корову, овцу, зайца, белку (сдираю шкуру)' (10, с. 2175) и т. д. Большинство из этих слов содержится в СМЯ;

P B U (21 слово): *вашалем* 'мазать, намазать': *йӱ дене мелнам вашалем (с'ӱрем из'ш)* UP 'мажу блины маслом (немного намазываю)' (10, с. 107); *поктем* 'водоворот, пучина': *энгерыште лиеш келге вер, маныт «поктем»* 'в реке бывает глубокое место, называют *«поктем»*' (10, с. 1934); *пӧжгем* 'есть с жадностью (о корове, овце)': *ушкал пӧжген кочкеш (шӓп кочкеш)* 'корова ест с жадностью (ест быстро)' (10, с. 1971); *кайык-овыда* 'вид совы' (10, с. 1637); *уна-пу* 'жертвенное дерево': *уна-пун тӱнгешыже чокла* 'приносит жертву у (основания ствола) жертвенного дерева' (10, с. 1673); *онгас'ыр* 'плохо, неудобно': *кинде онгас'ыр лин, мотор кӱн огыл* 'урожай уродился плохим, плохо созрел (досл. красиво не созрел)' (10, с. 1693); *тырке* 'молодая сосна; молодое, невысокое дерево': *тырке изи пӱн'чӧ, шога шкетын пошо покшелне, вияш 'тырке* маленькая сосна, стоит одиноко посреди поля, прямая' (10, с. 2755).

Все эти слова характерны для восточного наречия в целом. В дальнейшем ареал общих слов включает лексику говоров деревень Царевококшайского уезда (современных йошкар-олинского, моркинско-сернурского говоров) и, частично, Чебоксарского уезда (современного волжского говора): P B M U C – 23 единицы, например, *ага-вайрам* 'жертвенный праздник перед весенним севом' (10, с. 27); *ӓрӓм ~ арам* 'напрасно' (10, с. 60); *вычыматем* 'щебетать (о ласточках)' (10, с. 139); *вӱчкем* 'похлопывать по плечу' (10, с. 254); *д'озак* 'налог' (10, с. 519); *карме* 'муха' (10, с. 654); *кон-гече* 'среда перед пасхой' (10, с. 865); *ӧрдӧждӧмӧ: ӧрдӧждӧмӧ улам* 'у меня болят бока' (10, с. 1737); *чакем* 'отступать, пятиться назад' (10, с. 3013); P B M U C Č – 16 единиц, например: *акра* 'глупый, слабоумный' (10, с. 52); *атлем* 'резать тушу, рубить мясо' (10, с. 79); *кагаз* 'бумага' (10, с. 610); *лоптра* 'развесистый, раскидистый (о дереве); широкий (о плечах)' (10, с. 1299); *манга* 'сопли' (10, с. 1409); *нултем* 'грызть, жевать' (10, с. 1604); *пайрам ~ пӓйрӓм* 'праздник' (10, с. 1753); *пакма*

'медлительный, неповоротливый, ленивый' (10, с. 1754); *сокыр* 'слепой' (10, с. 2215); *шумат-кече* 'суббота' (10, с. 2546) и т. д.

Общее количество слов в проанализированных комбинациях 521, что составляет 18 % от всех слов, зафиксированных от носителя говора д. Сарсы. Остальные слова (2229 единиц, или 82 %) распространены по всему ареалу марийского языка.

Анализ лексики в комбинациях из 6 и менее 6 говоров

Комбинации из 6 говоров	Комбинации из 5 говоров	Комбинации из 4 говоров	Комбинации из 3 говоров	Комбинации из 2 говоров	Говор д. Сарсы
PBMUCČ 16	PBMUC 23	PBMU 56	PBM 68	PB 98	P 48
PBMUC JT 6	PBMU JT 11	PBU JT 15	PBU 21	PU 5	
PBMCČK 2	PBMCČ 7	PBCČ 10	PB JT 11	PK 3	
PBMUČ JT 1	PBUCČ 4	PBUC 5	PBČ 6	PC 2	
PBMU JO K 1	PBMU JO 3	PBMK 4	PMU 6	PM 1	
PBMU JT K 1	PBMC JT 3	PBMC 4	PU JT 5	P JO 1	
	PBUC JT 3	PBM JT 3	PBC 4	PV 1	
	PBCČ JT 3	PBC JT 3	PMK 4		
	PCČ JT K 3	PUC JT 3	PBK 3		
	PBMUČ 2	PBČ JT 2	PUC 3		
	PBMUK 2	PMU JT 2	PUČ 2		
	PBMČ JT 2	PBMČ 1	PUV 2		
	PBMUV 1	PBM JO 1	PCK 2		
	PBM JT K 1	PBUČ 1	PC JT 2		
	PBUC JO 1	PBU JO 1	PMV 1		
	PBUČ JT 1	PBC JO 1	PMC 1		
	PBU JT V 1	PBCK 1	PCČ 1		
	PBCČV 1	PMUC 1	P JT V 1		
	PBČ JO K 1	PU JT V 1			
	PMUCČ 1	PUCČ 1			
		PC JT K 1			
		P JO VK 1			

Относительно количества говоров в составе комбинаций большинство приходится на комбинации с 4 говорами (22) и с 5 говорами (20), далее следуют комбинации с 3 (18), 2 (7) и 6 говорами (6).

Количество слов в комбинациях разное. Говор д. Сарсы имеет наибольшее количество общих корней с комбинациями из 3 разных говоров марийского языка (143 слова). Далее по количеству слов следуют комбинации с 4 (118

слов), 2 (111 слов), 5 (74 слова) и с 6 (27 слов) говорами. Изучение состава слов в комбинациях говорит о том, что для говора д. Сарсы общие корни характерны в первую очередь с говорами восточного наречия (P B – 98, P U – 5, P B M – 68, P B U – 21, P B M U – 56), меньше такой общности с йошкар-олинским и моркинско-сернурским (P B M U C – 23, P B M U C Č – 16, P B U JT – 15, P B M U JT – 11, P B JT – 11, P B C Č – 10, P B M U C JT – 6 и т. д.) говорами лугового наречия. Обнаруживается только несколько общих корней с волжским (P B Č – 6, P B M U Č – 2, P U Č – 2 и т. д.) говором лугового наречия и говорами горного и северо-западного (P M K – 4, P K – 3, P B M U JO – 3, P U V – 2, P B M U K – 2 и т. д.) наречий.

Анализ лексики в комбинациях из 4 и менее 4 говоров

Интересными являются комбинации с 4 и менее говорами. Общее их количество 48, т. е. больше половины из рассмотренных 74 комбинаций. Проанализировано 420 слов, что составляет 81 % от общего числа слов в таких комбинациях.

1. Слова, встречающиеся только в восточных говорах (P, B, M, U), т. е. количество общих корней, характерных для говора д. Сарсы и остальных говоров восточного наречия:

P B	98
P B M	68
P B M U	56
P	48
P B U	21
P M U	6
P U	5
P M	1

Общее количество слов в данных комбинациях – 303 единицы (72 % внутри комбинаций с 4 и менее диалектами, или 58 % от общего количества слов, проанализированных во всех 74 комбинациях, или 11 % от общего количества слов, зафиксированных в говоре д. Сарсы).

2. Слова говора д. Сарсы с изоглоссами в остальных говорах восточного наречия, имеющие общие корни со словами лугового, горного и северо-западного наречий:

P + C Č JT (Л)	**P + K** (Г)	**P + JO V** (СЗ)
P C 2	P K 3	P JO 1
P C Č 1		P V 1
P C JT 2		

Несколько больше общих корней с говорами лугового наречия (5), чем с говорами горного (3) и северо-западного (2) наречий:

2) **P B + C Č JT** (Л)		**P B + K** (Г)		**P B + JO V** (СЗ)	
P B JT	11	P B K	3	P B JO	Ø
P B C Č	10				
P B Č	6				
P B C	4				
P B C JT	3				
P B Č JT	2				

Комбинация *Пермь – Бирск* (P B): 36 общих слов со словами лугового наречия (моркинско-сернурского, йошкар-олинского и волжского говоров), всего 3 общих корня со словами горного наречия и нет ни одного общего слова с северо-западным наречием;

3) **P M + C Č JT** (Л)		**P M + K** (Г)		**P M + JO V** (СЗ)	
P M C	1	P M K	4	P M V	1

Комбинация *Пермь – Малмыж* (P M): одинаковое количество однокоренных слов с луговым и северо-западным наречиями (1) и 4 общих слова с говорами горного наречия. По сравнению с комбинацией *Пермь – Бирск* (P B) общих корней с лексикой лугового наречия мало.

4) **P U + C Č JT** (Л)		**P U + K** (Г)		**P U + JO V** (СЗ)	
P U JT	5	P U K	Ø	P U V	2
P U C	3				
P U Č	2				
P U C JT	3				
P U C Č	1				

Комбинация *Пермь – Уржум* (P U): 14 общих слов с говорами лугового наречия, 2 – с говорами северо-западного наречия, нет ни одного общего корня с говорами горного наречия. По сравнению с комбинацией *Пермь – Малмыж* (P M) достаточно большое число общих корней с луговыми говорами данной комбинации свидетельствует о более тесных контактах носителей лугового и восточного наречий;

5) **P B M + C Č JT** (Л)		**P B M + K** (Г)		**P B M + JO V** (СЗ)	
P B M C	4	P B M K	4	P B M JO	1
P B M Č	1				
P B M JT	3				

Комбинация *Пермь – Бирск – Малмыж* (P B M): больше всего общих слов с луговым наречием (8), 4 – с горным и 1 слово с северо-западным наречиями;

6) **P B U + C Č JT** (Л)		**P B U + K** (Г)		**P B U + JO V** (СЗ)	
P B U JT	15	P B U K	Ø	P B U JO	1
P B U C	5				
P B U Č	1				

Комбинация *Пермь – Бирск – Уржум* (P B U): 21 общее слово объединяет говор д. Сарсы с говорами лугового наречия, 1 слово – с северо-западным наречием. Нет ни одного общего корня с горным наречием;

7) **P M U + C Č JT** (Л)		**P M U + K** (Г)		**P M U + JO V** (СЗ)	
P M U JT	2	P M U K	Ø	P M U JO	Ø
P M U C	1			P M U V	Ø

Комбинация *Пермь – Малмыж – Уржум* (P M U): 3 общих слова объединяют говор с луговым наречием. Нет общих корней с говорами горного и северо-западного наречий.

Таблица

Количество общих слов говора д. Сарсы и остальных говоров восточного наречия с говорами лугового, горного и северо-западного наречий

Говоры \ Наречия	Луговое наречие (C Č JT)	Горное наречие (K)	Северо-западное наречие (JO V)
P	5	3	2
PB	36	3	0
PM	1	4	1
PU	14	0	2
PBM	8	4	1
PBU	21	0	1
PMU	3	0	0
Итого:	**88**	**14**	**7**

Данные таблицы свидетельствуют о том, что:

– на основе комбинаций с четырьмя и менее говорами больше всего общих корней имеется с говорами лугового наречия (88 единиц), 14 слов объединяют говор с горным наречием и 7 – с северо-западным наречием;

– данные комбинаций *Пермь – Бирск* (P B), *Пермь – Бирск – Уржум* (P B U), Пермь – Уржум (P U) говорят о том, что в лексическом плане в этих направлениях контакты говора д. Сарсы являются наиболее интенсивными с говорами лугового наречия (36 + 19 + 14), чем с говорами горного (3) и северо-западного (3) наречий. Напрашивается вывод о передвижении луговых и, частично, горных и северо-западных марийцев на восток в направлении *Уржум – Бирск – Пермь*;

– данные комбинаций *Пермь – Малмыж* (P M), *Пермь – Малмыж – Уржум* (P M U) и *Пермь – Бирск – Малмыж* (P B M) показывают, что контакты говора д. Сарсы с говорами лугового наречия в этих направлениях менее интенсивны (1 + 3 + 8), но наблюдается увеличение количества общих слов с говорами горного наречия (4 + 4). Незначительным остается количество общих корней

с говорами северо-западного наречия (1 + 1). Можно предположить, что представители горных мари передвигались на восток в направлении *Малмыж – Бирск – Пермь*;

– основываясь на данных прямых лексических контактов говора д. Сарсы с говорами горного и северо-западного наречий (3 + 2), можно утверждать, что носители этих двух наречий передвигались в свое время на восток и достигли территории д. Сарсы Красноуфимского района Свердловской области.

Относительно лексических контактов говора д. Сарсы с говорами горного и северо-западного наречий через йошкар-олинский и волжский говоры лугового наречия, можно утверждать, что прямых контактов почти не было.

3. Слова, характерные только для говора д. Сарсы (общее количество – 48). Наблюдения и анализ свидетельствуют о том, что:

– из 48 слов отсутствуют в СМЯ 32 слова (66 %):

омо-вашакан ‘сонливый, сонный’: *омо-вашакан улам* ‘я сонный’ (10, с. 44);

вожын-тоя (= *вожыннанды* Г) ‘ярмо, рогатка, надеваемя на шею животного (свиньи)’ (10, с. 202);

д'ӱткӱдӧ ‘темный; облачный’: *д'ӱткӱдӧ пӧрт* ‘темный дом’; *тачед'ӱткӱдӧ (пылан)* ‘сегодня облачно’ (10, с. 600);

казна-окс'а ‘богатство’: *лыӊ окс'ам «казна-окс'а» маныт* ‘много денег называют «богатством»’ (10, с. 681). В остальных говорах в словаре Э. Беке приводится слово *окса-казна* ‘богатство, наличие денег; ящик, ларец для денег’ (10, с. 681–682);

кӓри ‘мяч из дерева’ (10, с. 684);

кертем ‘привязать, связать, подвязать’: *орвам керташ кӱлеш* ‘надо подвязать телегу, т. е. груз, находящийся на телеге’ (10, с. 710);

кыжгытатем ‘вызывать кашель; першить’: *логар кыжгытата (кокырыкта)* ‘в горле першит (кашляется)’ (10, с. 779);

конгыргем ‘затвердеть’: *вургем нӧрӓ, вара кошкымӧнгӧ конгырген (пешкыдем) кая* ‘одежда мокнет, после, как высохнет, затвердеет’ (10, с. 871);

элте-кӧргӧ ‘охапка’ (10, с. 960);

лапкем (= лыпкем) ‘тихонько похлопывая, убаюкивать грудного ребенка’: *айз'ам лапкен малтем (кид дене лапка, вара мален колта)* ‘убаюкиваю ребенка, тихонько похлопывая (похлопывает рукой, потом засыпает)’ (10, с. 1179);

лыптри ‘простофиля, разиня’: *лыптри улат, манеш, миетат, лапак шин'чет, шадыр-шудур от т'от сомылым* ‘ты разиня, говорит, придешь и сидишь, сразу не спрашиваешь о деле (с каким тебя посылали)’ (10, с. 1393);

мыньыра (маньра, ньымыра) ‘1. жидкая грязь: *мыньыра лавра, ошкылаш о лий, д'ол мун'чалта* ‘жидкая грязь, шагать невозможно, ноги скользят’; 2. слизистый, скользкий (о мясе худых животных, картофеле, лыке): *мыньыра паренге (шӱеш, мыньырга)* ‘слизистый картофель (гниет, портится)’; 3. недопеченный, сырой (хлеб): *мыньыра кинде (кӱчӱмӧ)* ‘сырой хлеб (недопеченный)’ (10, с. 1435);

мыньыреем 'портиться, гнить (о картофеле, сене в дождливую погоду)': *шудо д'ӱреш мыньырга (нӧрӓ, ночко лиеш, шӱеш)* 'сено под дождем портится (мокнет, сыреет, гниет)' (10, с. 1436);

орва-пӧртмӧ 'колесо' (10, с. 1708);

осава 'башкир' (10, с. 1720);

п"лашка 'кусок металла для высекания огня' (10, с. 1800);

пыс'т да пос'т ономат. 'звук подходящего теста, бродящего пива': *руаш, пура шуаш тӱнгалеш, «пы'ст да пос'т» манеш* 'тесто, пиво начинают созревать, издают звук «п. да п.»' (10, с. 1842);

поем 'садиться (о солнце)': *кече поя (шин'чеш)* 'солнце садится' (10, с. 1894);

полдышлем 'застегнуть на пуговицы' (10, с. 1901);

пӧртӧлмӧ: кечы-вӧртылмӧ 'подсолнечник' (10, с. 1966);

пуш: чон-буш 'налог, сбор': *чон-бушум тӱлӓш кӱлеш* 'надо заплатить налог' (10, с. 2033);

пӱн'чӱшкем 'покрыться плесенью' (10, с. 2070), ср. в СМЯ: *пӱнышкаш* 'тж' (12, с. 414);

сайратем 'гоготать /?/; кричать': *шошым комбо сайрата, тошкынеже (вас'арта)* 'весной гусь гогочет, хочет спариться (кричит /?/)' (10, с. 2163);

сынамал 'проба': *сынамаллан имнетлан шуко оптен он'чо, шупшеш, огеш, чыгын имне* 'нагрузи для пробы свою лошадь, потянет, нет, артачливая лошадь' (10, с. 2195);

шиштагге 'желтый' (10, с. 2398);

телдырем 'ругаться, ссориться': *д'ӱшӧ телдыра (с'ӧйгӓ, кычкырла)* 'пьяный ругается (шумит, кричит)' (10, с. 2707);

тыртам 'вертеться, крутиться, катиться': *тыртишка тыртеш, тыртын кая* 'волчок вертится, движется, крутясь' (10, с. 2757);

тыртишка 'волчок; юла' (10, с. 2759);

тувулго-воштыр 'веточка таволги' (10, с. 2771); слово *товылго* 'таволга' зафиксировано также в говорах д. Сабуял Уржумского уезда (USj) и д. Юшуттур Царевококшайского уезда (CÜ): *товылго шартне воштыр гане, йошкарге* 'таволга похожа на ветку вербы, красная';

чывышке 'искривленный, закрученный (о дереве)': *чывышке пушенге (шелаш о лий, кадыр-гудыр, вияш о лий)* 'искривленное дерево (нельзя расколоть, извилистое, не прямое' (10, с. 3060);

чодрок ономат. 'звук звонкого, резкого удара': *чодрок шоктыш* 'раздался звук пощечины' (10, с. 3128);

чӧн 'совершенно (черный, темный)': *чӧн шиме имне* 'совершенно черная лошадь'; *чӧн шим "штраш, ошыж уке н'ымат* 'совершенно черные онучи, белого ничего нет' (10, с. 3173);

– двум словам имеются эквиваленты в СМЯ с пометой *диал.*:

алмаштарем 'менять' (10, с. 44) (13, с. 71);

д'ылем (д'елем?) 'бежать рысью': *имне д'елен кая, огеш кудал, огеш тӧргӧ.*

шыман кая, шӓп ‘лощадь бежит рысью, не бежит, не скачет, идет ровно, быстро’ (10, с. 421), ср. в СМЯ: *елаш* ‘бежать рысью’ (13, с. 434);

– эквиваленты в СМЯ имеются, но их семантика не всегда совпадает с семантикой слов в словаре Э. Беке:

лукун-лукун ‘углообразно, складками’: *вин'ерым лукун-лукун оптем* ‘складываю холст складками, углообразно’ (10, с. 1341), ср. *лыкын-лыкын* Г ‘извилисто, с изгибами’, *лукын-лукын* Л ‘изгибами, извилинами, заворотами, излучинами’;

мангай ‘обвисшая, дряблая кожа на носу индюка-самца; «сопли»’: *кӱркӓ ойз'ын мангайже* ‘обвисшая кожа индюка’ (10, с. 1410); в СМЯ приводится слово *манга* со значением ‘сопли’ (14, с. 20);

пу-мучаш ‘верхушка дерева’ (10, с. 1508); аналогичного словосочетания в СМЯ нет, но значение слова складывается из компонентов *пу* ‘дерево’ + *мучаш* ‘верхушка, конец’;

сий-кочыш ‘пир, пиршество’ (10, с. 2204); подобного словосочетания в СМЯ нет, но значение слова складывается из компонентов, см. *сий* ‘угощение, пища, празднество’ (15, с. 195–196);

тага-пӓрӓн ‘баран’ (10, с. 2645), ср. в СМЯ: *паран тага* ‘баран на втором году’ (12, с. 36);

тер-тогым ‘обода для удержания досок на дне сани’ (10, с. 2775), ср. в СМЯ: *тогым* ‘обод колеса’ (16, с. 122);

– следующие слова имеют параллели в СМЯ:

д'оҥгыдемам ‘проясниться’: *д'ӱр эртен каймӧнгӧ д'оҥгыдемаш тӱҥале* ‘после того как прошел дождь, начало проясняться’ (10, с. 493), ср. в СМЯ: *йоҥгыдемаш* ‘проясняться’ (17, с. 121);

сонарлем ‘охотиться’: *сонарлен коштеш (мераҥ кычал каем)* ‘охотится (иду искать зайца)’ (10, с. 2223), ср. в СМЯ: *сонарлаш* ‘охотиться’ (15, с. 247);

тыркер ‘молодой сосняк’ (10, с. 2755), ср. в СМЯ: *тыркер* ‘мелкий сосняк’ (16, с. 413);

тур-моклака ‘чурбан’ (10, с. 2906); в СМЯ имеется под леммой *тур* ‘чурбан, чурбак; короткий толстый обрубок дерева, бревна’ (16, с. 272);

тура-кечы-вал ‘12 часов’ (10, с. 2911); в СМЯ словосочетание *тура кечывал* ‘полдень’ приведено под леммой *тура* ‘крутой, прямой; находящийся в самом разгаре, зените’ (16, с. 273);

чылдартем ‘1. вышивать, пришивать кружева; 2. делать образец в твердых предметах’: *тӧрзӓн тӱж-вӓл могыржым чылдартат (про дене)* ‘на наружной стороне окна делают узоры (сверлом)’ (10, с. 3082), ср. в СМЯ: *чылдарташ* ‘украшать ажурной отделкой, узорами, орнаментом, резьбой, чеканкой, тиснением’ (11, с. 482–483).

Две единицы занесены в список слов, характерных только для говора д. Сарсы, из-за их фонетического облика:

шшанле ‘верный, надежный’: *имне шшанле, огеш лӱд, огеш нойо, шшанаш*

лиеш 'лошадь надежная, не боится, не устает, можно верить' (10, с. 209), ср. СМЯ: *ӱшанле* 'тж' (11, с. 203);

ӱлӱч(ӱн) 'снизу' (10, с. 3309), ср. в СМЯ: *ӱлыч* 'тж' (11, с. 173).

Лексическому анализу подверглись приблизительно 2850 слов, записанных от информанта-военнопленного, жителя деревни Сарсы Красноуфимского района Пермской губернии (ныне: Красноуфимского района Свердловской области). Из этого количества слов 48 единиц (1,7 %) приведены с условным сокращением Р, т. е., по Э. Беке, характерны только для данного говора, остальная лексика имеет свои изоглоссы почти во всех диалектах марийского языка, поэтому более подробно проанализированы слова, встречающиеся только в 6 и менее говорах (521 слово, или 18 %). Из 521 слова 303 единицы распространены только в говорах восточного наречия, т.е. в Р, В, М, U. Остальные слова имеют общие корни как с лексикой лугового, так и горного и северо-западного наречий. Подробный анализ лексики, встречающейся в комбинациях из 4 и менее диалектов (48 комбинаций, 420 слов), показывает, что наибольшее количество общих слов имеется с говорами восточного наречия – 303 единицы. 88 слов объединяют с говорами лугового наречия, 14 слов с горным наречием и 7 слов с говорами северо-западного наречия. На анализе словарного состава говора деревни Сарсы можно предположить, что на восток в первую очередь продвигались носители лугового наречия в направлении Уржум – Бирск – Пермь. Анализ общих слов исследуемого говора и горного наречия позволяет высказать предположение о продвижении горных марийцев в направлении Малмыж – Бирск – Пермь.

Морфология. Подробного описания морфологии красноуфимского говора не имеется. Небольшой материал можно найти в учебном пособии «Марий диалектологий» И.Г. Иванова (2, с. 70), где отмечается, что здесь нет больших отличий от других говоров восточного наречия. Для большинства говоров восточного наречия характерно использование суффиксов множественного числа *-лак* и *-влак*, широкое функционирование неоформленного винительного падежа, частое употребление абессива на *-ме(гече)* и аблатива на *-леч*, выполнение функций дательного падежа локативом и функций иллатива дательным падежом, использование отрицательного глагола *о* вместо *ок* в 3 лице единственного числа настояще-будущего времени и суффикса *-мӧнгӧ* у деепричастий вместо *-меке*, активное употребление отрицательного деепричастия на *-ме(гече)* (см. елабужский, мишкинский, малмыжский говоры) (2, с. 55–67). Перечисленные явления характерны в целом и для говора д. Сарсы.

Из суффиксов множественного числа для красноуфимского говора И.Г. Иванов приводит суффикс *-лак* (2, с. 70), например: *мэ-лак* 'мы', *нуну-лак* 'они'. Однако, по материалам Э. Беке, в говоре д. Сарсы выступает в основном показатель множественности *-влак*. Г. Берецки также называет только показатель *-влак* (4, с. 27). Из морфологических особенностей он отмечает частое употребление терминатива на *-шкен* (там же).

Морфологический анализ языкового материала говора д. Сарсы свидетельствует о следующем:

Имя существительное:

1) показатели множественного числа имен существительных. Из суффиксов множественного числа зафиксированы:

-влак: *ырвез'-в^{ы}лак ... вара куржаш каят, кур(ж)шулан, ныл д'енлан, шовычым пуат, он'чычын толшы-в^{ы}лаклан* 'ребята ... после идут бегать, бегущим, четырем ребятам, дают по полотенцу, тем, кто пришел первым' (10, с. 27); *водо-шин'чышым шин'чышна (кас тене шин'чат ваты-в^{ы}лак, ӱдӱр-в^{ы}лӓк пел д'ӱт марте, кӱн'чӱлӓм шӱдӱрӓт)* 'мы были на посиделках (вечером сидят женщины, девушки до полуночи, прядут)' (10, с. 162); *тушто кӧ-в^{ы}лӓк куралым?* 'кто там пашет? (мн. число)' (10, с. 953); *игы-шуву-в^{ы}лакым сагынена* 'скучаем по детям' (10, с. 2161);

-ла (в словах с временным значением, всего в двух примерах): *ты ийлаште шурно шочын (почела кок ий, кум ий шурно шочеш)* 'в эти годы урожай уродился (два, три года подряд урожай вырастает)' (10, с. 306); *ты кечылаште каем* 'в эти дни ухожу' (10, с. 715);

-мыт: приводится в словаре Э. Беке в качестве показателя множественности в говорах P B U C Č JT JO JP K (10, с. 1438), но нет ни одного примера из говора P;

2) падежные форманты. В языковом материале говора д. Сарсы широко представлены все падежи современного марийского литературного языка (номинатив, генитив, датив, аккузатив, инессив, иллатив, латив, комитатив, компаратив), кроме совместного на *-ге* (1 пример) и сравнительного на *-ла* (нет примера):

номинатив (примеров много): *куэ-ву вийын д'ӱла (шӓп, лышкыж-ат мияш о лий)* 'березовые дрова горят хорошо [досл. с силой; сильно] (нельзя подойти даже близко)' (10, с. 141); *пушенге тормакеш оптен пыжашым корак* 'ворона свила гнездо в развилине дерева' (10, с. 2820);

генитив (примеров много): *паша-д'ен**ы**н пун'чалже шуун (тулуклан тарлем, ик ийым ила гын, пун'чалже шуун)* 'у работника срок вышел (нанимаю его на год, если проживет один год, срок вышел' (10, с. 2002); *ушкалын кояжым пелтат, кӧршекышке д'октарат, вара манын «шел»* 'сало коровы растапливают, сливают в горшок, после называют «шел»' (10, с. 2313);

датив (примеров много): *ас'ра пӓрнен имньылан* 'лошадь получила колики (досл. колики достались лошади)' (10, с. 74); *шкендыным д'енлан ит пу* 'не давай свое чужому' (10, с. 300); *руашым лугат киндылан* 'месят тесто для хлеба' (10, с. 926); *шин'ча-пылышлан таза* 'что касается глаз и ушей, (досл. глазам и ушам) здоров' (10, с. 2387); *тамгам ыштат имньылан эрденыже, ушкаллан пылышыжым пӱчкӱт* 'клеймо делают лошади на бедре, корове отрезают уши' (10, с. 2659); *игы-шувулан ушаненам* 'я соскучился по детям' (10, с. 3274). Управление глагола *ушанаш* (P B M JT V) 'тосковать, грустить, скучать' дательным падежом встречается только в P и M, см. M: *авам ден ачамлан ушанышым, ужмем шуэш* 'я соскучился по матери и отцу, хочу видеть'; в B глагол управляет винительным падежом: *минь икшувем-*

в"лакым ушанышым, с'укерс'ек ужун омыл 'я соскучился по своим детям, давно не видел'; в йошкар-олинском (JT) и тоншаевском (V) говорах в данном случае выступает послеложная конструкция с *верц* 'для, ради, за, из-за': *мынь hшаненам ырвезе верц, ватем* ***верц****, ужнем* JT 'я соскучился по сыну, по своей жене, хочу видеть'; *эрвы hшана ӓвӓжӹ* ***верц*** V 'сын скучает по матери'; в йошкар-олинском говоре иногда наблюдается элатив с показателем *-гыц*: *мынь hшаненам ватыгыц, "рве-шамыцгыц, ужмо шуэш* JT 'я соскучился по жене, по своим детям, хочется видеть';

аккузатив (больше всего примеров): *пашам "шташ аяр (шӓп ышта)* 'он азартный, сильный в работе (быстро работает)' (10, с. 33); *с'ерышым нальым, д'ӱктен ом моштo* 'я получил письмо, читать не умею' (10, с. 590); *лем (комбым шолтат, шӱрӓшӹм огыт пыште)* 'бульон (варят гуся, крупу не кладут)' (10, с. 1213); *уто-с'итым ит ойло (кӱлтӱмӓш мутым)* 'не говори вздор (ненужные слова)' (10, с. 2209); *кит-шӱм дене палла окс'ам* 'на ощупь (осязанием рук) узнает деньги' (10, с. 2616);

инессив (примеров много): *арка нурушто, лапкарак вер, кӱкшӧ курук огыл; аркамбалне куралеш* 'холмик – в поле, несколько пониженное место, не (есть) высокая гора; на холме пашет' (10, с. 66); *энгыжа кум йолан, нурушто кураммы годым тушагын сакен шолтат* 'крюк (для котла) имеет три ножки, в поле во время вспашки подвешивают на нее (досл. там) и варят' (10, с. 275); *кӱвӓрыште айз'а мӱшкӱржӧ ден иеш* 'на полу ребенок ползет на животе' (10, с. 314); *вургемашым налеш пазарыште* 'покупает материал для одежды на рынке' (10, с. 1228); *пӧртӧштӧ шуй(у)тко шкетын малаш* 'в доме страшно одному спать' (10, с. 2532); *мошто кия товар?* 'где лежит топор?' (10, с. 1450). Следует заметить, что в словаре Э. Беке вопроса местного падежа *кушто?* 'где?' нет. В восточном наречии его эквивалентом является *мошто?* 'где?', т. е. вопросительное местоимение *мо?* 'что?' в местном падеже;

иллатив (примеров много): *д'ыгыжака ӱпш, поро огыл; нерышке пура, логарышке пура* 'противный запах, не хороший; лезет в нос, лезет в горло' (10, с. 411); *сомылышко (сомыллан) колта эргыжым, огеш кае, карша* 'по делу (досл. на дело) отправляет сына, не идет, упрямится' (10, с. 655); *лопок лавырашке, вӱдӱшкӧ волен шин'чым* 'я плюхнулся в грязь, в воду' (10, с. 1295); *пыкше пыштышым терышке пырням, леле* 'я с трудом положил бревно в сани, тяжелое' (10, с. 1825); *мош? мош пыштышыч?* 'куда?' 'куда ты положил?' *мош чыкышыч?* 'куда ты засунул?' *мош каен?* 'куда он ушел?' *мошко?* 'куда?' (10, с. 1450). Вместо лит. *кушко?* 'куда?' в говорах восточного наречия используется вопросительное местоимение *мо?* 'что?' с иллативным окончанием;

латив (примеров много): *шелыкеш (ӓул гоклаште, печалтын) кумалыт, меллам намият, пурам* 'на месте моления (посредине села, отгорожено) молятся, приносят блины, пиво' (10, с. 27); *мун'ча ӱпшеш ангырга* 'угорает в бане (досл. в запахе бани)' (10, с. 54); *шӧр энеш пот пундашеш* 'молоко пригорает ко дну (досл. на дне) котла' (10, с. 264); *шолеш шолтен оптат*

шылым, коштат, кенежым кочкыт ‘в кишки кладут сваренное мясо, сушат, летом едят’ (10, с. 679); *левашеш терым, орвам шындылыт* ‘в сарае ставят сани, телегу’ (10, с. 1205); *меллам ӱеш тушкен кочкам, шӧн'чӓлеш киндым тушкен кочкам* ‘ем блины, макая в масло, ем хлеб, макая в соль’ (10, с. 2924);

комитатив (1 пример): *ватыжге кайыш* ‘он ушел с женой’ (10, с. 112);

неоформленный винительный (примеров много): *водо(-) шин'чаш каена* ‘идем на посиделки (досл. сидеть вечер)’ (10, с. 162); *меран (-) кычал каем* ‘охочусь на зайца (досл. ищу зайца)’ (10, с. 2223); *ревы(-) шуаш кайна! (лышташыжым шулун налыт пӱчкӱн)* ‘пойдемте резать репу! (срезают листья)’ (10, с. 2513).

Из падежей, не включенных в падежную систему современного марийского языка, но широко распространенных в диалектах, представлены:

аблатив на ***-леч*** (много примеров): *ага-вайрам: май тылызыште кок кече пайрамым штат ик ияш вӱдӱмӱлеч ожно* ‘в мае месяце два дня празднуют перед посевом яровых’ (10, с. 27); *д'ыгыжга ӱпшлеч* ‘испытывает отвращение к запаху (досл. брезгует от запаха)’ (10, с. 413); *когыньналечат нале* ‘он взял от нас обоих’ (10, с. 835); *пашам уэтлен ышта (д'олташыжлеч шӓп ышташ тӧчӓ)* ‘работает, соперничая (старается работать быстрее товарища)’ (10, с. 3232);

элатив на ***-гыч*** (много примеров): *имне ике аранжыгыч (касакшыгыч) ойырлен гаен* ‘лошадь оторвалась от своего табуна’ (10, с. 6); *(вайз'ам) вара пидыт чоткыдын кок мучашкычше мочыла дене, вара кыдалч пидыт* ‘(инструмент для ловли рыбы из прутьев, помещаемый в пруд) крепко связывают потом с двух концов лыком, после связывают в середине’ (10, с.91); *садыгыч нальым* ‘я купил там (с того места); я взял у того’ (10, с. 2149); *солопкыч вӱт чӱчӓ* ‘с желоба (крыши) капает вода’ (10, с. 3216).

В некоторых примерах падежное окончание ***-гыч*** присоединяется к основе глагола, но только в словосочетаниях, вторым компонентом которых является глагол *шокташ* ‘слышаться’ в 3 лице единственного числа: *д'ен кычкырлыгыч шокта, манеш (кожлаште шокта д'ӱкшӧ)* ‘говорит, что слышен крик человека (в лесу слышится его голос)’ (10, с. 772); *кожлаште ругуч шокта* ‘слышно, что в лесу рубят лес’ или ‘слышна рубка леса’ (10, с. 2125); *шӱлӱгӱч шокта* ‘слышно, что дышит’ или ‘слышно дыхание’ (10, с. 2606). По всей вероятности, данная грамматическая конструкция является одним из подтверждений существования в финно-угорских языках т. н. амбивалентных корней, или имен-глаголов, которые могли присоединять как падежные суффиксы, так и личные окончания глаголов. В мордовских языках, например, имя существительное может присоединять личные окончания глаголов, а марийские примеры свидетельствуют о возможности склонения глагольных корней;

абессив (каритив) на ***-те(гече)*** (много примеров): *иминыте(гече) кодым* ‘я остался без лошади’ (10, с. 334); *д'олте(гече) кия* ‘у него болит нога (досл. лежит без ноги)’ (10, с. 469); *д'ондалде(гече) коштеш* ‘ходит без лаптей’ (10, с. 478); *кит'те(гече) кия* ‘у него болит рука (досл. лежит без руки)’ (10, с. 805);

мыландыде ила 'живет без земли' (10, с. 1431); *окс'адак кайыш* 'он ушел без денег' (10, с. 1652); *онте(гече) кия* 'у него болит грудь (досл. лежит без груди)' (10, с. 1688); *тиждак кайыш* 'он ушел без варежек' (10, 1883); *шӧн'чӓлтӓк шӱрӱм шолтем* 'варю суп без соли' (10, с. 2480); *утите коштеш* 'ходит без шапки' (10, с. 3258); *утите(гече) кодым* 'я остался без шапки' (10, с. 3259); *уште кия* 'лежит без сознания (досл. лежит без ума)' (10, с. 3273); *ӱштӱде(гече)* 'без пояса' (10, с. 3324).

В трех примерах (*окс'адак* 'без денег', *тиждак* 'без варежек', *шӧн'чӓлтӓк* 'без соли') наблюдается стяжение гласных: *окс'ате* + *ак* → *окс'атеак* → *окс'адак*, *тижде* + *ак* → *тиждеак* → *тиждак*, *шӧн'чӓлде* + *ак* → *шӧн'чӓлдеак* → *шӧн'чӓлтӓк*, хотя примеры на стяжение *еа* → *а* марийскими языковедами не приводятся (3, с. 103; 18, с. 131).

Редко встречающиеся падежные окончания:

дистрибутив на ***-лен*** (примеров достаточно): *аракам ведрален нальым пайрамлан* 'я купил вино для праздника ведрами (досл. по ведру)' (10, с. 114); *кум ведрален кондышым аракам* 'я принес вина три ведра (досл. по 3 ведра)' (10, с. 114); *кечылен ыштышым* 'я работал по дню (поденно)' (10, с. 715); *картопкам путлен ужалышым* 'я продал картофель пудами (досл. по пуду)' (10, с. 2044); *шым артанален руэныт пуум* 'они рубили деревья по семь «артана»' (артана 'дрова, расколотые длиной в 3 пяди или в 1 аршин') (10, с. 2346); *шӱдӱлен войз'ышым нымыштым* 'я сдирал лыко по сто (штук)' (10, с. 2587);

аблатив на ***-ч*** (2 одинаковых примера): *(вайз'ам) вара пидыт чоткыдын кок мучашкычше мочыла дене, вара кыдалч пидыт* '(инструмент для ловли рыбы из прутьев, помещаемый в пруд) крепко связывают потом с двух концов лыком, после связывают в середине' (10, с. 91); *пушенге кыдалч кӱрлӱн* 'дерево сломалось в середине (досл. с середины)' (10, с. 724);

терминатив на ***-шкен*** (всего 1 пример): *ныл ийышкен илышым* 'я прожил 4 года' (10, с. 308).

Реликтовые падежные окончания:

эссив на ***-н'ек*** (примеров мало, употребляется в основном с именами числительными): *ик чивиге ше, иктын'ек корак налын* 'был один цыпленок, и того (досл. вместе с единственным) забрала ворона' (10, с. 321); *луын'ек* 'все десять' (10, с. 1331); *шымын'ек* 'все семь' (10, с. 2346); *нӹлӹн'ек* 'все четыре' (10, с. 1574); *тыгыдын'ек* 'в юном возрасте; недозревшим' (10, с. 2738);

темпоралис на ***-с'ек*** (примеров мало): *ты-марс'ек конден шыч ну* 'до сих пор ты не принес' (10, с. 1413); *ошс'ек ужун (ужын) омыл* 'давно я не видел' (10, с. 1730); *шангыс'ек вучем* 'с недавнего времени жду' (10, с. 2295); *тенгечс'ек кочкын омыл* 'со вчерашнего дня я не ел' (10, с. 2720); *тунамс'ек толын отыл* 'с тех пор ты не приходил' (10, с. 2858); *ӱмас'с'ек ужун омыл* 'с прошлого года я не видел' (10, с. 3311). В настоящее время слова с данными формантами рассматриваются в разряде наречий.

Имена существительные в падежных формах могут присоединять к себе суффикс сравнительной степени имен прилагательных и наречий *-рак*: *ӓрӓмӓшкы**рӓк** пурена!* 'зайдем дальше в кустарник!' (10, с. 61); *кожлашкы**рак** пурена, ен ыныже уж* 'зайдем глубже в лес, чтобы люди не видели' (10, с. 943); ср. венг. *valaminek legalja* 'нижняя часть чего-либо', где *alj* 'нижняя часть, низ, дно', а *leg-* префикс для образования превосходной степени прилагательных и наречий или фин. *syksy**mpänä*** 'глубокой осенью' ~ мар. *шыжы**мрак***;

Г л а г о л. В глагольной системе говора д. Сарсы отклонений от лугово-восточной литературной нормы марийского языка почти нет. Заслуживающими внимания являются следующие моменты:

1) употребление условно-сослагательного наклонения с суффиксом *-геч-*, как в горномарийском варианте литературного языка (всего 1 пример): *ту д'ен**г**ым ик-кана ужге**чем**, ӓлӓ вурс'ынеж, ӓлӓ мо* 'если бы я увидел однажды того человека, (то он) или поругал бы, или что' (10, с. 3290);

2) использование краткой формы отрицательного глагола 3 лица единственного числа настояще-будущего времени *о* (много примеров): *ӱдӱржӧ **о** гае: шин'ча, варажым монда* 'его/ее дочь не идет: сидит, потом забывает (об этом)' (10, с. 1172);

3) употребление деепричастия на *-мӧнгӧ* вместо деепричастия на *-меке* лугово-восточной литературной нормы: *куго лопшанге кече **поймӧнгӧ** тӱнгалеш чонгештылаш* 'майский жук начинает летать после захода солнца' (10, с. 1296); *пыз'ырен мала китшым, кинел**мӧнгӧ** коршта* 'во сне отлеживает руку (досл. спит, прижав руку), после того как встает, болит' (10, с. 1693);

4) использование деепричастной формы на *-мыла* вместо деепричастия на *-шыла* литературной нормы: *кит пун'чалтеш шӓп ышты**мыла**, сорла годым, шӓп тӱредӓт кын* 'руки немеют во время быстрой работы, во время жатвы, если быстро жнешь' (10, с. 2004);

5) наличие отрицательного причастия на *-дымаш/-дӹмӓш* наряду с отрицательными причастиями на *-дымо/-дымӧ/-дыме*: *пурт**умаш** вер'ыке пурышым* 'я зашел в место, куда еще не заходили (досл. в незахаживаемое место)' (10, с. 2019); *ужалт**ымаш** имньымак ужалышым, окс'а кӱлеш* 'я продал лошадь, которую не надо было продавать (досл. непродаваемую лошадь), нужны деньги' (10, с. 3289); ср.: *казак ӱдӱр нал**дыме*** '«казак» неженатый (парень)' (10, с. 680); *куралаш лий**тыме** годым вес пашам ышнем* 'когда нельзя пахать, делаю другую работу' (10, с. 1262);

С точки зрения морфологии интересными являются образования на ***-тымашын*** (их достаточно много): *вара ӱнӱн ангжым петрат, лум пурт**умашын*** 'после закрывают вход в овин, чтобы снег не попадал' (10, с. 91); *кай**тымашын** толын огыл* 'он пришел не для того, чтобы (вообще) не уходить' (10, с. 615); *кол**тымашын** шочын мо?* 'что, он родился, чтобы (совсем) не умирать?' (10, с. 846); *кот'**тымашын*** ~ *кот'**тымашлан** шолтен омыл* 'я сварил не для того, чтобы не есть' (10, с. 937); *нерлыкым кандра дене тодым,*

*иньылан чиктат нерешыже кӱлтӓм кот'**тымашын*** 'намордник делают из веревки, надевают лошадям (досл. лошади на голову), чтобы не ела снопы' (10, с. 1557); *нӧртӧмӓшӹн леваш н'ымаке шындем орвам* 'ставлю телегу под навес, чтобы она не мокла' (10, с. 1593); *шынгалыкым тӱткӓм нурушто шынга кот'**тымашын*** 'натягиваю полог в поле, чтобы мошкара не ела' (10, с. 2997). В предложениях из говоров P, B, UP, USj и JT в данных случаях используется в основном окончание дательного падежа, например: *кот'**тымашлан** лиштеп амыл (кочкаш кулеш)* UP 'не для того я приготовила, чтобы не есть (надо есть)' (10, с. 937). Г. Берецки выделяет в перечисленных примерах причинно-целевое падежное окончание *-шын*. По его мнению, данное окончание выступает только в причастных конструкциях, по своей форме и функции полностью совпадает с чувашским причинно-целевым падежным окончанием *-шын*, употребляемым также в причастных конструкциях. Такие причастные конструкции выполняют функции придаточных предложений. Суффикс *-тымаш* образует отрицательную форму страдательного причастия на *-маш*, характерного для восточных говоров. На стыке морфем в марийском языке из двух одинаковых согласных один, как правило, выпадает: *-тымаш + -шын → -тымашын* (19, с. 51). На наш взгляд, в данных конструкциях выступает падежное окончание инструктива на *-н*, которое может присоединяться к суффиксам причастий и создавать деепричастные формы, например: *изи (ы)рвезе пурышынак кычкырале* 'мальчик, заходя, (т. е. уже при входе) крикнул'; *ватыже капкам почшынак пелештыш* 'его жена, уже открывая ворота, сказала'. В данном случае суффикс *-шын (< -ше/шо + -н)* образует деепричастия, выражающие одновременность второстепенного действия с главным (20, с. 140). Суффикс *-тымашын* можно было бы рассматривать как суффикс, образующий деепричастия причины и цели от соответствующей формы причастия.

Морфологический анализ имен существительных свидетельствует о том, что говор д. Сарсы имеет богатую падежную систему. Кроме 9 падежей, включенных в теоретическую грамматику марийского языка, широко распространены аблатив на *-леч*, элатив на *-гыч*, абессив (каритив) на *-те(гече)*, дистрибутив на *-лен*. Встречаются в иллюстрациях также аблатив на *-ч* и терминатив на *-шкен*. Представлены и реликтовые падежные форманты – эссив на *-нек*, темпоралис на *-сек*. Из суффиксов множественного числа имен существительных самым употребительным является суффикс *-влак/-влӓк*, редко встречается суффикс *-ла*. Имена существительные в местно-пространственных падежах могут иметь при себе суффикс сравнительной степени *-рак/-рӓк*. Можно утверждать, что суффикс *-гец-/-геч-* условно-сослагательного наклонения, бытующий в горном и северо-западном наречиях, употреблялся и в говорах восточного наречия. Для говора д. Сарсы характерны специфические причастия и деепричастия, которые нельзя встретить в говорах, расположенных на западе ареала марийского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

арх. – архаизм
Г – горное наречие марийского языка
диал. – диалектный
Л – луговое наречие марийского языка
лит. – литературный
ономат. – ономатопоэтический
СЗ – северо-западное наречие марийского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий: Университетысе студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1981.

2. *Исанбаев Н.И.* Марий исторический фонетика: Тунемме книга. – Йошкар-Ола. 2007.

3. *Gábor Bereczki.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I // Studia Uralo-Altaica 35. – Szeged, 1994.

4. *Куклин А.Н.* Из истории изучения красноуфимского говора марийского языка // Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. – Йошкар-Ола, 1979.

5. *Куклин А.Н.* Глухие щелевые согласные красноуфимского говора // Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981.

6. *Куклин А.Н.* Звонкие щелевые согласные красноуфимского говора // Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981.

7. *Куклин А.Н.* Сонанты красноуфимского говора // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. – Йошкар-Ола, 1986.

8. *Куклин А.Н.* Русские лексические заимствования в красноуфимском говоре марийского языка // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1978.

9. *Ödön Beke.* Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde. Gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke // Oslo Etnografiske Muzeum. Bulletin 4. – Oslo, 1931.

10. *Beke Ödön.* Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus 1–9. Unter Mitarbeit von Zsófia M.Velenyák und József Erdödi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von János Pusztay. – Bibliotheca Ceremissica IV. – Savariae, 1997–2001.

11. Словарь марийского языка. Т. VIII: У, Ӱ, Ф, Х, Ц, Ч. – Йошкар-Ола, 2003.

12. Словарь марийского языка. Т. V: Ӧ (Ӧрчыктарыме –), П. – Йошкар-Ола, 2000.

13. Словарь марийского языка. Т. I: А–З. – Йошкар-Ола, 1990.

14. Словарь марийского языка. Т. IV: М – Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). – Йошкар-Ола, 1998.

15. Словарь марийского языка. Т. VI: Р – С. – Йошкар-Ола, 2001.

16. Словарь марийского языка. Т. VII: Т. – Йошкар-Ола, 2002.

17. Словарь марийского языка. Т. II: И – К (кабак – коса). – Йошкар-Ола, 1992.

18. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение. Фонетика. – Йошкар-Ола, 1969.

19. *Bereczki Gábor:* A cseremisz nyelv történeti alaktana. – Debrecen, 2002.

20. *Alho Alhoniemi.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. Aus dem Finnischen übersetzt von Hans-Hermann Bartens. – Hamburg, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Названия населенных пунктов сбора языкового материала в диалектном словаре Э. Беке (во втором столбике названия деревень даны по Э. Беке, в пятом столбике приводятся современные русские и марийские соответствия. Марийские названия деревень, кроме названий деревень Горномарийского района, взяты из: Gábor Bereczki, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. // Studia Uralo-Altaica 35. – Szeged, 1994. – S. 150–152).

Сокращение	Деревня (по Э. Беке)	Губерния	Уезд	Современные названия деревень
P	Сарси (Сарсаде)	Пермская	Красноуфимский	Сарсы Сарсаде
B	Старый-Орьебаш (Вашинга)	Уфимская	Бирский	Старый Оръебаш Тошто Оръямучаш
BJ	Стараяш (Йäш)	Уфимская	Бирский	Старояшево Йäш
BJp	Красный Ключ (Йошкар-памаш)	Уфимская	Бирский	Красный Ключ Йошкар Памаш
M	Старый Ноненгер (Тошто-ял)	Вятская	Малмыжский	Старый Ноньгер Тоштоял
MK	Карманкино (Моркы-ял. Мортял)	Вятская	Малмыжский	Карманкино Моркыял
MM	Мамаково (Изи-Малмыж)	Вятская	Малмыжский	Мамаково Изи-Малмыж
UJ	Средний Ядыкбеляк (Ядыкплак)	Вятская	Уржумский	Средний Ядыкбеляк Ошкансола
UP	Петрушин (Печан-Починга)	Вятская	Уржумский	Петрушино Печан-Починга
US	Нижняя Сюкса (Сӱксьы)	Вятская	Уржумский	Нижняя Сюкса Сӱксьы
USj	Сабу-ял	Вятская	Уржумский	Сабуме Савуял
CĆ	Чихайдарово	Казанская	Царевококшайский	Чихайдарово Кукшыгорем
CK	Кӱкш-нур	Казанская	Царевококшайский	Кушнур Кӱшнур
CÜ	Ӱшӱт-тӱр	Казанская	Царевококшайский	Ӱшӱттӱр Юшуттур
Ć	Больших Моламас (Куго-Моламас)	Казанская	Чебоксарский	Большие Маламасы Кугу Моламас

ČN	Сминцы (Нур-сола)	Казанская	Чебоксарский	Исменцы Эсмекплак
JK	Кубер-сола	Вятская	Яранский	Куберсола Кӳверсола
JO	Отюково (Отьык-сала)	Вятская	Яранский	Отюгово Отьыксала
JP	Покшта	Вятская	Яранский	Покшта (исчезла)
JŠ	Шуар-Мучаш	Вятская	Яранский	Шуармучаш
JT	Туршо-Мучакш (Туршо-Мыцаш)	Вятская	Яранский	Туршемучаш Туршомучаш
V	Арба	Костромская	Ветлужский	Арба Арвуй
KA	Архипкино	Казанская	Козьмодемьян-ский	Архипкино Кутюна (вошла в состав д. Четнаево)
KJ	Еласово (Йола-сал)	Казанская	Козьмодемьян-ский	Еласы Йоласал
KK	Замятино (Кыткы-ныр)	Казанская	Козьмодемьян-ский	Замятино Кыткыныр
KM	Мичак-нур	Казанская	Козьмодемьян-ский	Мичакнуры Мецäкныр
KN	Высоково (Нер-Мычаш)	Казанская	Козьмодемьян-ский	Высоково Нермычаш
KŠ	Шиндир-ял	Казанская	Козьмодемьян-ский	Шиндыръялы Шӹндӹрйӓл
KČ	Чуманово	Казанская	Козьмодемьян-ский	Тюманово Тьӹмӓнсола

Margarita Kuznetsova

SPEAKING OF VILLAGE SARSY (SARSADY) IN EDEN BEKE'S DIALECT DICTIONARY OF MARI LANGUAGE
(lexical and morphological analysis)

The article analyzes the lexicon and individual morphological phenomena speak with the acronym P in Eden Beke dictionary of Mari language dialects. About 2850 words recorded by the informant, a prisoner of war, the villagers Sarsy of Krasnoufimskiy district of the Perm province (now: Krasnoufimsky district of Sverdlovsk region) are considered. From this number of words 48 units (1,7 %) presented with the acronym P., i.e. by E. Beke, are specific to a given speak; the rest of the vocabulary has its isoglosses in almost all dialects of the Mari language. Word found only in 6 or less speaks (521 words, or 18 %) are received a detailed explanation. 303 units of 521 words distributed only in the dialects of the eastern dialects. Analysis of the test of common words with the words of mountain dialect suggests a promotion of mountain Mari in the direction of Malmyzh – Birsk – Perm.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Ранус Садиков
Уфа

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ФИННО-УГОРСКИХ» НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕКЦИЙ УФИМСКОГО ГУБКОМА И БАШКИРСКОГО ОБКОМА РКП(Б) (1919–1930 гг.)

В истории России ценный и позитивный опыт в решении национальных проблем был накоплен в первое десятилетие существования советской власти, до установления сталинских принципов в этой сфере. Огромное значение этим вопросам придавала «руководящая и направляющая сила» советского общества – Российская коммунистическая партия (большевиков) – РКП(б), в структуре которой были созданы национальные секции. Несмотря на свою идеологическую направленность, национальные секции компартии сыграли значительную роль в национально-культурном развитии народов России (1, с. 251). Национальные секции РКП(б) создавались при партийных комитетах тех территориальных образований – губерний, республик, областей, уездов, где проживало значительное число национальных меньшинств, из членов компартии соответствующей национальности (2, с. 302). Они осуществляли массово-политическую и культурно-просветительскую работу на родном языке: проводили лекции, беседы, собрания, распространяли газеты и журналы, содействовали ликвидации неграмотности, помогали открывать школы, библиотеки, избы-читальни и т.д (3, с. 313). Первоначально они входили в состав парткомов, непосредственно подчиняясь им, а с 1920 г. вошли в состав созданных тогда агитационно-пропагандистских отделов при парткомах (1, с. 250).

Подобные национальные секции существовали также при Уфимском губернском и Башкирском областном комитетах РКП(б), а также при уездных и кантонных комитетах. В разное время и на разных уровнях на территории Уфимской губернии и Башкирской АССР действовали татаро-башкирская, чувашская, марийская, мари-вотская (марийско-удмуртская), мордовская, белорусская, латышская, эстонская, немецкая, еврейская, польская национальные секции.

В данной работе рассмотрены история создания и деятельности национальных секций финно-угорских народов при Уфимском губкоме и Башкирском обкоме РКП(б). Данный вопрос совершенно не освещен в литературе, хотя

в фондах бывшего партархива (ныне Центрального архива общественных объединений Республики Башкортостан) сохранился значительный и репрезентативный корпус источников.

Как известно, в 20-е гг. XX столетия финно-угорские народы – марийцы, мордва, удмурты – составляли значительную часть населения Башкирии. Проживали в регионе также эстонцы. Первые коммунисты из этих народов составили основу финно-угорских национальных секций. Перед ними была поставлена огромная задача политического и культурного просвещения своих соплеменников-земляков, представленных в основном крестьянскими массами.

Первыми организационно оформились коммунисты-марийцы. 12 сентября 1919 г. была создана чувашско-марийская секция при Уфимском губкоме (4, л. 2). Председателем секции был избран т. Тарасов, секретарем – т. Исаев. Помимо работы среди чуваш и мари, секция проводила также работу среди удмуртов (5, л. 2).

Чувашско-марийской секцией при Уфгубкоме совместно с мари-вотским подотделом при отделе национальностей Уфимского губисполкома в конце (26 ноябрь – 1 декабрь) 1919 г. в г. Уфе был проведен I Уфимский Губернский Мари-Вотский съезд (5, л. 1–3). Выступавший на нем председатель чувашско-марийской секции отметил, что ее целью является «насаждение среди темного, некультурного и политически отсталого населения мари, чуваш, вотяков идеи коммунизма. Для этой цели устраивать митинги, собрания, спектакли. Помещать в газетах статьи и выписывать литературу соответствующего содержания» (5, л. 2).

На заседании Президиума чувашско-марийской секции 4 декабря 1919 г. было принято решение об организации марийской секции при Бирском уездном комитете РКП(б). Организация секции поручалась т.т. Бельскому, Алексееву и Юзыкайну (6, л. 26).

С 7 февраля 1920 г. объединенная чувашско-марийская секция была разделена на самостоятельные чувашский и марийский подотделы по работе среди национальностей (7, л. 37). 23 марта 1920 г. была образована самостоятельная «Губернская коллегия РКП(б-ков) по работе среди мари и вотяков», куда вошли три человека: т.т. Алексеев, Давлетбаев, Иманов. Также были организованы Бирская и Белебеевская уездные коллегии по работе среди мари и вотяков (7, л. 72).

Решением Марколлегии Уфгубкома от 28 октября 1920 г. сотрудники были переведены в г. Бирск – центр марийского населения. Мари-вотская коллегия при Бирском уездном комитете продолжала работать в губернском масштабе (8, л. 13; 9, л. 4). Ответственным секретарем коллегии являлся т. Шамыкаев. 2–4 августа 1921 г. Мари-Вотской коллегией при Бирском укоме РКП(б) была проведена Первая Уфимская губернская конференция коммунистов мари и вотяков (10, л. 120–133). По отчету о деятельности Мари-Вотской коллегии при Бирском укоме была принята следующая резолюция: «Принимая доклад

Мари-Вотской коллегии к сведению и отмечая прошлую деятельность ее не вполне удовлетворительной в смысле руководства партийной работы на местах, конференция постановляет: а) Аппарат ее, влив туда более активных товарищей, согласно существующих инструкций и положении о Губернских и Уездных секциях нацмен реорганизовать коллегию в Мари-Вотскую секцию агитации и пропаганды при Бирском Укоме. б) Для продуктивности работы секции стремиться к установлению точной и правильной информации секции с местными организациями и наоборот, а также установить тесную связь с Центральным Бюро при ЦК РКП(б)» (10, л. 124). Но несмотря на принятие решений об усилении работы, «в связи с НЭП, голодом и отсутствием хорошего руководителя работа секции не имела реальных результатов, а затем была реорганизована в кантонную (уездную)» (9, л. 4).

В связи с расширением границ АБССР и упразднением Уфимской губернии, Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение об объединении Башкирского обкома и Уфимского губкома в единый обком. После образования Бирского кантона при канткоме продолжала работать мари-вотская коллегия (11, л. 22).

При Башобкоме РКП(б) марисекция была организована 1 января 1923 г. (9, л. 2). Организационно она входила в состав подотдела нацменьшинств при агитационно-пропагандистском отделе. При агитпропотделах Бирского и Белебеевского канткомов были выделены по одной штатной единице для коммунистов-марийцев (12, л. 1; 13, л. 27). Секретарем марисекции был назначен т. Александров. Работа среди удмуртов «возлагалась на марисекцию как на сродственную» (13, л. 95).

Основными задачами подотдела нацменьшинств и секций являлось объединение и руководство агитацией и пропагандой на родном языке среди рабочих и крестьян национальных меньшинств, разработка и постановка перед партией вопросов партийного и советского строительства, вытекающих из бытовых и культурных особенностей этих национальностей и выполнение специальных заданий по отношению к ним парткомов и их отделов (13, л. 95).

Подотделом нацменьшинств агитпропотдела Башобкома РКП(б) в марте 1925 г. были проведены Марийская (г. Бирск, 2–5 март) и Вотская (с. Красный Холм Киебаковской волости Бирского кантона, 6–8 март) кантонные крестьянские беспартийные конференции (14, л. 23; 15, л. 33–42). На них обсуждали вопросы: международное и внутреннее положение, народное образование, мероприятия РКП(б) и соввласти по поднятию сельского хозяйства, о низовом советском аппарате, работа РКП(б) среди крестьян – марийцев и удмуртов, а также выбрали делегатов на V Всебашкирский съезд советов.

Отдельной мордовской секции при Уфгубкоме не существовало, хотя попытки создании таковой предпринимались весной 1920 г. (16, л. 35, 38). Решение об организации мордовской секции было принято на заседании подотдела нацмен Башобкома РКП(б) 28 февраля 1924 г.: «Принимая во внимание, что наличие мордовского населения в Башреспублике достигает

более 50.000 человек, каковое население в абсолютном большинстве в культурном и политическом отношении находится на низком уровне развития. и что требует усиленной работы среди мордвы – считать настоятельно необходимым организацию мордовской секции при Обкоме» (13, л. 21). Секретарем мордовской секции был назначен т. Сухоруков. В своем отчете за май и июнь месяцы 1924 г. секретарь мордовской секции отмечал, что им установлена связь с мордовскими деревнями, «завербованы» курсанты в разные учебные заведения, распространена политическая литература. Также он отмечает, что «из газет секция получает «Од-Веле» – издание Пензенского губкома, но эта газета не применима к местной национальности, ибо она издается на мокшанском наречии, здесь же требуется на чисто мордовском (т.е. эрзянском – *Р.С.*)» (12, л. 69). 10–12 марта 1925 г. в г. Стерлитамак была проведена Мордовская Областная беспартийная конференция (17, л. 68–81). Повестка дня была той же, что и на конференциях марийцев и удмуртов.

Активную работу среди эстонцев Уфимской губернии проводила эстонская секция Уфгубкома, которая была организована к концу 1920 г. (2, с. 312). Руководителями ее в разное время были т.т. Соман и Рамъялг. Секция также занималась агитацией и пропагандой на эстонском языке, способствовала открытию школ, клубов, изб-читален и т.д. С 3 по 8 февраля 1921 г. в Уфе эстонским подотделом губотнаца и эстсекцией губкома была проведена беспартийная конференция «уфимских колонистов эстов». Собравшиеся на конференцию 17 активистов обсуждали различные вопросы, связанные с жизнью эстонских колонистов в Уфимской губернии (18, л. 56 – 61). Эстонская секция была ликвидирована постановлением губкома от 15 марта 1922 г. (19, л. 8). При Башобкоме отдельной эстонской секции создано не было, ведение работы среди них возлагалось непосредственно на подотдел нацменьшинств агитпропотдела (13, л. 95).

В начале 1930 г. национальные секции при Башобкоме ВКП(б) были ликвидированы: в постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) «об усилении обслуживания нацмен СССР по советской линии» отмечалось, что «работой среди национальных меньшинств должны заниматься все отделы ЦК и местные парторганы (каждый по своей линии)» (20, с. 636).

Подводя итоги, можно отметить, что финно-угорские секции при Уфгубкоме и Башобкоме РКП(б) несмотря на неблагоприятные условия работы и нехватку ответственных работников в сотрудничестве с национальными организационными структурами советских органов, во многом достигли своей цели повышения культурного и образовательного уровня своих народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарапов Я.Ш.* Национальные секции РКП(б). – Казань, 1967.
2. *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). – М., 2011.
3. Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа, 1973.
4. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее – ЦАОО РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.
5. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦИА РБ). Ф. р-107. Оп. 3. Д. 28.
6. ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77.
7. ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 269.
8. ЦИА РБ. Ф. р-107. Оп. 2. Д. 49.
9. ЦАОО РБ Ф. 122. Оп. 2. Д. 135.
10. ЦАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 419(1).
11. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 74.
12. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 118.
13. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 135.
14. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 162.
15. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 165.
16. ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250.
17. ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 143.
18. ЦИА РБ. Ф р-107. Оп. 3. Д. 42.
19. ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578.
20. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. – М., 2005.

Ranus Sadikov

FROM THE HISTORY OF CREATION AND ACTIVITY OF «FINNO-UGRIC» NATIONAL SECTIONS OF THE UFA REGIONAL COMMITTEE AND BASHKIR PROVINCIAL COMMITTEE OF RCP(b) (1919–1930)

In the first years after the establishment of Soviet government Russian Communist Party (Bolsheviks) paid the great attention to the spread of communist ideas among the non-Russian peoples. To conduct agitation and propaganda among them at Party committees of areas, provinces and districts national sections were created. Such formation also operated at the Ufa regional committee and Bashkir provincial committee of the RCP (b). This paper considers the history of the creation and activity of the national sections that work among the Finno-Ugric peoples: Mari, Mordovians, Udmurt and Estonians.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Наталья Мушкина
Йошкар-Ола

О ПЕСНЯХ В МАСЛЕНИЧНОМ ОБРЯДЕ МАРИЙЦЕВ

Одним из древнейших жанров в песенной культуре марийского народа являются календарные песни – *идалык пайрем муро* – песни аграрных праздников и обрядов, связанные с сельскохозяйственным календарем. Они включают и собственно трудовые, и магические песни, призванные по-своему способствовать успеху труда (1, с. 3). Именно в обрядовых жанрах народной музыки формируются основы музыкального языка той или иной традиции.

Основной смысл календарных обрядов и песен был заключен, по верованию древних, в возможности активно воздействовать на природу. Песня, как и отдельные элементы обряда, была призвана обеспечить хороший урожай, приплод в поле, в хлеву, в семье, довольство и благополучие. В народных календарных обрядах и песнях видны элементы языческой магии и архаичной земледельческой религии.

Термин «календарные песни» условен, в народе такого термина не существует. У марийцев песни, исполняемые во время того или иного праздника, носят его название, например, *Ӱдырпура муро* («песня праздника Девичий пир»), *Сӹмык пайрем муро* (песня праздника Семик), *Шорыкйол муро* (песня праздника Шорыкйол) и др.

Образцы календарных (в том числе и масленичных) песен представлены не очень большим количеством. Вероятно, это связано с тем, что календарный земледельческий фольклор у марийского народа не успел сформироваться в полной мере. Причиной этого, возможно, было то, что земледелие не являлось единственной и изначальной формой трудовой деятельности марийца; наиболее древними занятиями в прошлом были охота, рыболовство и собирательство.

Календарные праздники у марийцев стали появляться, по мнению исследователей, со времени проникновения в их быт русской культуры, с XVII века. Так, К.А. Четкарев пишет: «Надо полагать, массовых народных праздников до установления тесного контакта в производственных и культурных отношениях с русскими у мари было очень мало, и по содержанию они отвечали первобытным воззрениям его на внешнюю природу. Эти праздники, так и моления, очевидно, прославляли: Мать земли (Мланде ава), Мать воды (Вӱд ава), Мать солнца (Кече ава), Мать ветра (Мардеж ава) и т.д.» (2, с. 8).

Календарный год марийца начинался с зимним солнцеворотом, ранней весной (или поздней зимой), когда устраивался праздник *Ӱярня* – Масленица (досл. «масленая неделя»), заимствованный от русских соседей и имевший аграрно-магический смысл. Это был поистине народный праздник, сродни западноевропейскому карнавалу. Марийский «карнавал содержал танцевальные, игровые, шуточные и хоровые сцены» (3, с. 29).

У марийцев праздник Масленицы, по словам В. Акцорина, «сохранил древние мотивы скотоводческого обряда, связанного, возможно, с периодом отёла. Это наблюдалось прежде всего в изготовлении ритуальных блюд: марийцы пекли блины с маслом, пробовали первые молочные блюда после отёла коровы. До этого праздника обычно воздерживались от молочных блюд» 3, с. 28).

Масленица имеет глубокие исторические корни. Люди начали его отмечать задолго до появления христианства. По Дж. Фрезеру, само название «масленица», как и аналогичные ему («карнавал», «лето», «смерть»), явно позднего происхождения, хотя обряд носит отпечаток архаичности (1, с. 65; 4, с. 29). Высказывалось предположение, что «масленица есть только остаток, ничтожный обломок того великого народного празднества, которое совершалось у нас за несколько веков до принятия христианства и длилось от конца февраля и до начала апреля!» (1, с. 65; 5, с. 24). О том, что масленичный период в прошлом был более продолжительным, писал и чувашский ученый Спиридон Михайлов во второй половине XIX века: «Теперь нет уже того разгула, как бывало в оные времена; нет даже и десятой части тех масленицы, какие бывали в 20-х и 30-х годах настоящего века. В те годы почти вся зима превращалась в масленицу: начиная с Николина дня до самого великого поста мы гуляли…» (6, с. 275).

Поэтому особенностью праздника было сочетание элементов зимней и весенней обрядности: с одной стороны, Масленица символизировала проводы зимы, с другой – встречу весны. Это говорит об определенной бифункциональности масленичного обрядового комплекса, о переходном характере масленичной обрядности. В.Я. Пропп писал, что Масленица – «праздник сложный, комплексный» (7, с. 22). «Одни и те же элементы праздника, включая обрядовые песни, выполняли не одну, а разные функции, так же как одну и ту же функцию несли в себе разные элементы. Например, катание на запряженных санях по улицам или катание с гор было одновременно и чествованием молодоженов, и гаданием об урожае, и магическим обрядом для обеспечения хорошего урожая, причем этому должно было способствовать не просто катание само по себе (хотя известна магическая роль движения вообще), но и все его атрибуты – продолжительность, скорость, длина, сопровождающее его веселье, шум, песни, шутки и т.д.» (1, с. 65).

Праздник отмечался по всей России и в деревнях, и в городах и даже считался обязательным. На этот счет говорили: «Хоть себя заложи, а Масленицу проводи» (8, с. 239).

«Масляницу черемисы проводят так же, как и русские, – пишет Т. Семенов, – но начинают праздновать ее в понедельник и оканчивают в чистый понедельник поздно вечером» (2, с. 24; 9, с. 31). Русская же Масленица, *руш Ӱярня*, начиналась в воскресенье, о чем можно было узнать по звону колокольчиков и по тому, как по деревне проносились русские крестьяне в нарядной упряжи с оравой ребятишек в санях (2, с. 24). В некоторых местностях праздник начинался со среды: *«Шочмын да кушкыжмын ямдылалтыныт, вӱргече гыч пайрем семын тӱгалын»* («В понедельник и вторник готовились, со среды начинали праздновать») (10, с. 151).

Ӱярня справляли в течение одной недели, иногда двух. Во время праздника звучали песни разных жанров. «Масленичная песня, – пишет Земцовский, – не представляет собой единого жанра. Это понятие собирательное. Оно объединяет песни разных жанров, исполняемые в той или иной функции в продолжении всего недельного празднования масленицы» (1, с. 69).

Одним из основных развлечений на *Ӱярня* была процедура катания с гор. сопровождаемая пением звукоподражательных песен-речитаций шуточного характера. (Их можно назвать собственно обрядовыми песнями). Это было подчеркнуто громкое пение-крик форсированным открытым звуком, что имело магический смысл – способствовать хорошему урожаю, т.к. громкий звук считался наделенным оплодотворяющей силой.

Пение масленичных песен было настолько сильным, что звуки его разносились на всю округу; при этом как бы соревновались с другими деревнями, из которых также раздавались масленичные крики. Краевед В.М. Мамаев об этом пишет: *«Мунчалтен кычкыркалыме йӱк йыр яллаш шергылтын. Соревнований семын, моло ялла гычат тыгак Ӱярня йӱк шергылтын»* (10, с. 154).

Песни-декламации состоят из нескольких фраз, каждая из которых является звукоподражанием основным действиям, которые совершались во время Масленицы; например:

Ӱярня – йор-йор,	Масленица звенит – йор-йор,
Мелна – чыр-чыр,	Блины жарятся – чыр-чыр,
Волак – лот-лот!	Лоток катится – лот-лот!

(2, с. 24).

Фраза *«Ӱярня йор-йор»* символизировала пробуждение природы, то, что всё находится в течении, в движении, а также слышен звук колокольчика. *«Чыр-чыр»* (варианты – *«чыж-чыж»*, *«чыз-чыз»*) – звук масла при жарке блинов на сковороде. Слова *«лот-лот»* или *«лоч-лоч»* изображали звук скатывания с горы.

Другой вариант этой песенки:

Ӱярня йор-йор,	Масленица течет – йор-йор,
Йылме йыр-йыр,	Язык мелет – йыр-йыр,

Мелна чыж-чыж,	Блины шипят – чыж-чыж,
Кутан лыт-лыт!	Зад по горке – лыт-лыт!

(11, № 2062).

Возгласами магического значения заклинали хороший урожай конопли или льна – важных для марийца сельскохозяйственных культур:

Ӱярня йор-йор-йор!	Ӱярня йор-йор-йор!
Кыне кужу лийже,	Пусть конопля высокой уродится,
Кыне кужу лийже!	Пусть конопля высокой будет!
Ӱярня йор-йор-йор	Ӱярня йор-йор-йор!
Йытын кужу лийже,	Лён пусть длинным вырастет,
Йытын кужу лийже!	Лён пусть длинным вырастет!

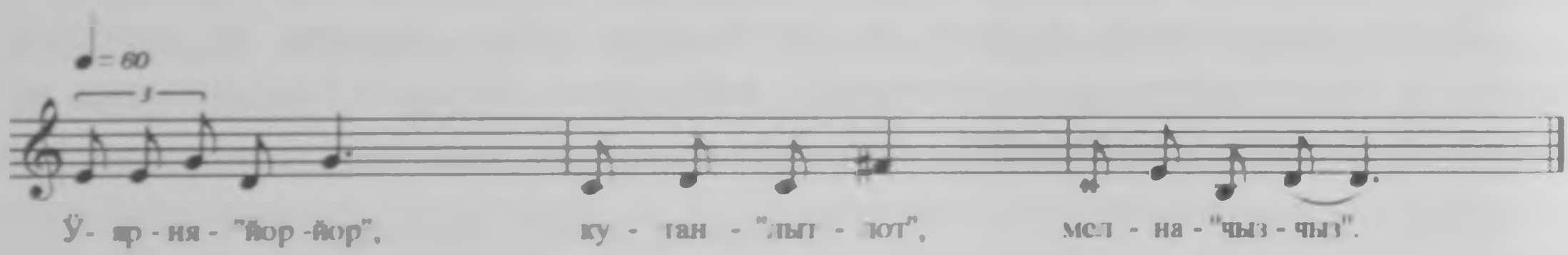
(12, с. 61).

Особенностью и отличием марийской масленицы был очистительный обряд «вытряхивания блох» – *шуршо почкаш*. «Для этого каждый член марийской семьи должен был рано утром в понедельник скатиться три раза с горки на салазках» (22, с. 26). При этом также исполнялись подобные песни:

Ӱярня йор-йор-йор!	Ӱярня йор-йор-йор!
Шуршо ынже лий,	Пусть не будет блох,
Шуршо ынже лий!	Пусть блохи исчезнут!

(12, с. 61).

Песни-речитации, сопровождавшие катания с гор, состоят из небольшого количества звуков, имеющих иногда неопределенную высоту*:

(13, с. 4. Параньгинский р-н, д. Илетнур. Зап. 1982 г.).

В призывных интонациях восходящих терцовых и квартовых скачков слышно подражание звучанию музыкальных инструментов – рогов и труб, которые использовались в прошлом охотниками в качестве сигнальных в дремучих марийских лесах.

Квартовый трихорд в заключительной фразе этого примера – *си–ре–ми* – «зовущий», «зовный» каданс (по Земцовскому), типичный для весенних песен. «Зовность воплощается звательными интонациями ре-

*«Вообще в исконной традиции исполнения календарных песен всегда встречались в изобилии так называемые «нейтральные» интервалы» (1, с. 85).

чевой природы, отличительное свойство которых состоит, в том, что ударный поднятый слог сравнительно долго задерживается» (1, с. 82). Ангемитонные ладовые формы (например, квартовый трихорд типа *ля–до–ре* или тетрахорд в сексте *соль–до–ре–ми*) с каданcом на 2-й ступени, являются характерными именно для весенних песен. В. Елатов указывал: «Эмоциональное значение этой каденции достаточно ясно; она в большей степени подчеркивает устремленность, душевную приподнятость, чувство ожидания, чем каденция на тонике. Любопытно, что в восточной музыке лады с подчеркиванием терции и каденцией на ней часто несут на себе типизирующую характеристику, связанную с раскрытием любовного чувства» (1, с. 86; 14, с. 50). А Климент Васильевич Квитка писал: «В мелодике восходящий каданс связан с чувственной возбужденностью. напряжением» (15, с. 223). Обращает на себя внимание также волнообразность мелодии. сочетающей подъемы и спуски, что вызывает ассоциации с идеей масленичного движения, течения.

Можно сказать, что в масленичных мелодекламациях формируются основы марийской музыкальной интонации, для которой характерен кварто-терцовый лад с различными сочетаниями интервалов чистой кварты (ч. 4), малой и большой терции (м.3 и б.3), большой и малой секунды (б. 2 и м. 2). Генезис кварто-терцового лада О.К. Егорова усматривает в слиянии ранее самостоятельных квартового и терцового ладов (16).

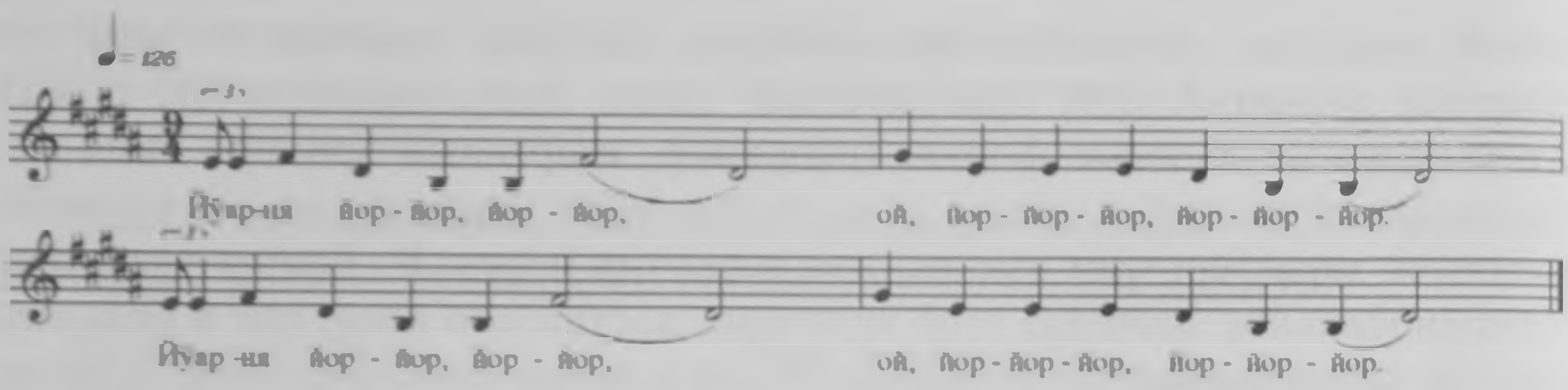
В следующем примере мелодия строится лишь на трех звуках в объеме малой терции. При этом в каждой фразе используется лишь 2 или 1 звук. Общее мелодическое движение имеет нисходящую направленность, что является типичной чертой марийской песни:

(17, с. 197. Новоторъяльский р., д. Немда-Обалыш. Исп. Садовина Нат. Ник. (1897).

Роль терцовости и трихордовости неоднократно подчеркивалась в качестве основополагающего принципа развития мелодии в песенности финно-угорских народов.

Нужно отметить, что для песен разных диалектных групп характерны свои отличительные особенности, касающиеся как поэтического, так и музыкального текста. Особенно ярко эти отличия проявляются в отношении музыкальной стороны напевов, особенно их ладовой структуры. Например, в основе большинства песен северо-восточных мари лежит т.н. «сернурский звукоряд», сочетающий черты пентатоники и диатоники. Следующий масленичный возглас основан именно на таком звукоряде:

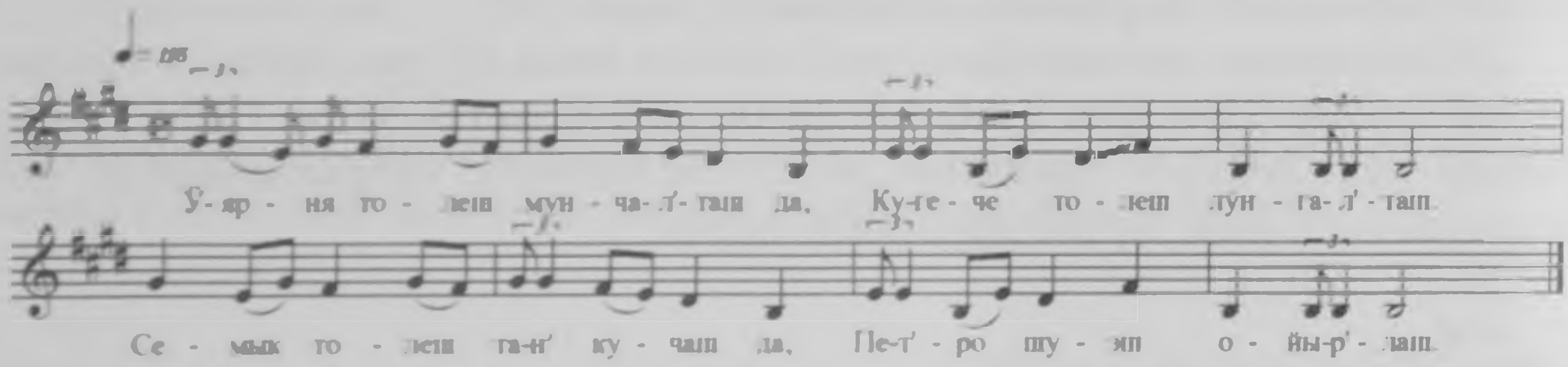

(17, с. 198. Сернурский р-н, д. Куприяново. Исп. Ибраев Серафим Иванович (1912).

В этом примере опять встречаемся с «зовностью» каданса – завершением напева на срединном тоне, что еще раз подчеркивает «весенний» характер масленичных песен.

В поэтическом тексте повторяется одна и та же фраза. «Для исконной традиции ритуальных закличек показательно, что их текст ограничен только одной фразой, заключающей весь смысл зова» (18, с. 26).

Этот же, «сернурский» звукоряд представлен и в мелодиях с более развитым поэтическим и музыкальным текстом, которые в настоящее время функционируют как праздничные. В приведенном ниже примере интересно, что на слове *мунчалташ* – «кататься» – мелодия имеет прямое нисходящее, «скатывающееся» движение, как бы имитирующее спуск с горы:

Ӱярня толеш мунчалташ да,
Кугече толеш лӱнгалташ,
Семык толеш тан кучаш да,
Петро толеш ойырлаш.
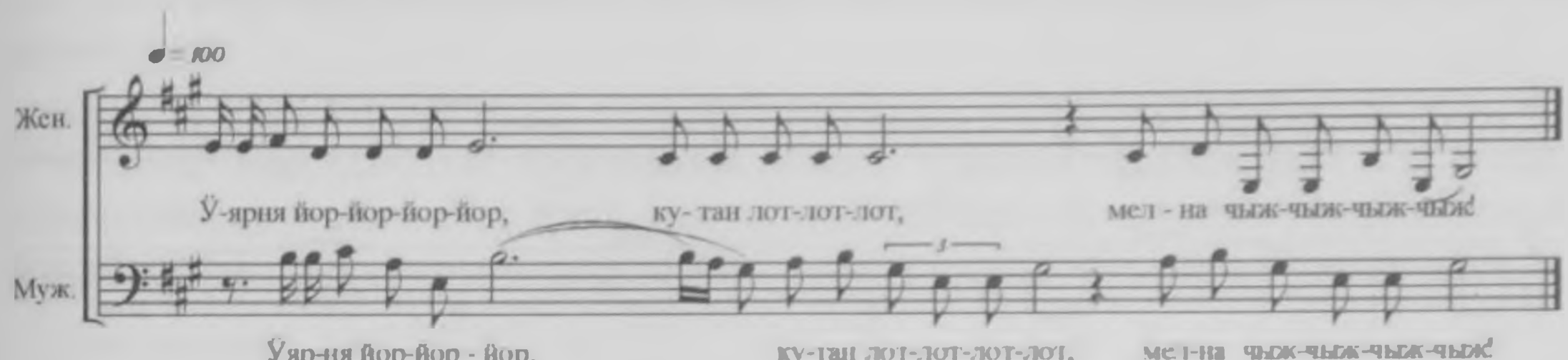
Масленица приходит, чтобы кататься,
Великий день приходит, чтобы качаться,
Семик приходит для знакомств,
Петров день – для расставания.

(19, №16. Зап. автора. 2008. Параньгинский р-н, д. Мурзанаево. Исп. Романова Римма Петровна (1945).

Секстовая ладовая форма используется в песнях и инструментальных наигрышах весеннего календаря разных народов: русских, белорусов, украинцев, эстонцев, венгров, словаков и др. (1, с. 100).

Молодежь и взрослые катались на *йолгурык* («ножная гора»), или *ӱярня вара, ӱярня кашта*, представляющей собой гору (длиной до 150–200 метров) с расположенными на ее склоне 2-мя (или даже 3-мя) параллельными жердями, на расстоянии примерно 1 метра друг от друга. Скатывались с

нее стоя, парами, мужчина с женщиной или парень с девушкой, взявшись за руки, и старались прокатиться, не упав, до конца жердей. При этом исполняли следующие песни-мелодекламации:

Ӱярня йор-йор-йор-йор, Вод масленицы йор-йор-йор-йор звенит.
Кутан лот-лот-лот-лот, Мы с горы лот-лот-лот-лот скатываемся.
Мелна чыж-чыж-чыж-чыж! Блины чыж-чыж-чыж-чыж жарятся!

(19, № 3; Фонотека МарНИИЯЛИ. Диск 13. 3-07. Новоторъяльский р-н., с. Старый Торъял. Экспедиция В.А. Акцорина. Зап. Ильина Лидия Ивановна. 1972. Исп. Волкова Елизавета Михайловна (1895) с мужем).

Этот дуэт – характерный образец народного 2-хголосия: нижний голос (мужской) является варьированной второй к верхнему (женскому) и звучит чистой квартой ниже; к концу оба голоса сливаются в унисон. Интересно, что диапазон женской партии – большая нона, а мужской – почти в два раза меньше – большая секста.

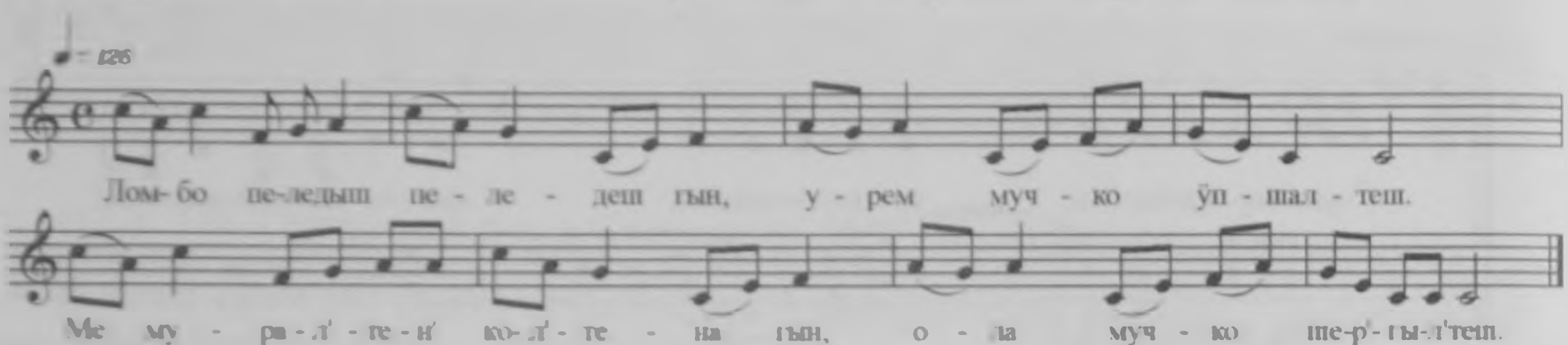
В этих масленичных «песнях-криках» наряду с элементами речитатива, слышны и призывные фанфарные интонации, проявляющиеся в движениях по звукам мажорных аккордов (тонического и субдоминантового), в восходящих скачках в концах фраз. Эти напевы-формулы в определенной степени близки закликаниям весны, весенним «закличкам», подобным славянским веснянкам, способствующим скорейшему пробуждению природы. «Встреча Масленицы первоначально была, очевидно, встречей весны, справлявшейся одновременно с проводами зимы. Когда с принятием христианства из-за Великого поста праздник был перенесен на более раннее, еще зимнее время, эта встреча оторвалась от Масленицы и стала отмечаться позднее» (20, с. 6; 21, с. 48).

Обращает на себя внимание относительно более скромное проведение Масленицы у марийцев, в отличие от русских: «У марийцев не замечалось также особенной пьянки в Масленицу, а также усиленное употребление мясной и молочной пищи. Русские крестьяне предавались такому делу, видимо, еще и потому, что после Масленицы они входили в 6-недельный Великий пост, а марийцы (*марла вера* и *чимари*) никаких постов не соблюдали» (2, с. 26).

Молодежь развлекалась, катаясь по деревням на лошадях, с пением частушек, часто под аккомпанемент волынки или гармони. Упряжь и шеи

лошадей украшались колокольчиками и бубенчиками, звон которых создавал радостное, веселое настроение.

Большинство масленичных песен поются на открытом пространстве, на улице, иногда на возвышенности, как правило, группой, ансамблем:

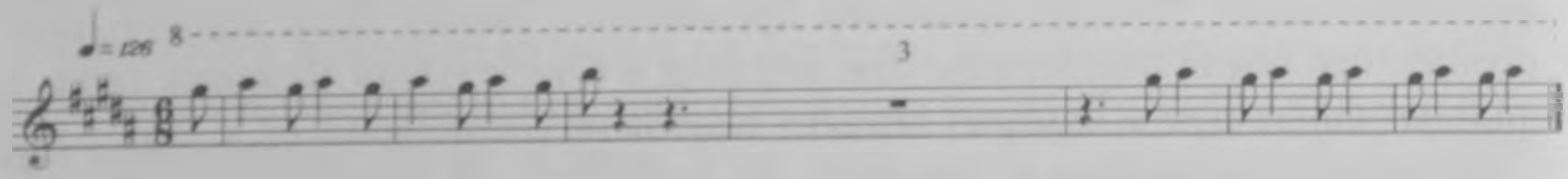

Ломбо пеледыш пеледеш гын,	Когда зацветает черемуха,
Урем мучко ӱпшалтеш.	Запах разносится на всю улицу.
Ме мураltен калtена гын,	Когда мы поем,
Ола мучко шерыltеш.	Слышно на весь город.
Мураltалаш толынна да.	Пришли мы попеть,
Шӱшкалtалаш толынна.	Пришли мы посвистеть.
Изиже-кугужге погынаltын,	Собравшись и стар, и млад,
Ӱярня пайремым эртарена.	Проводим мы Масленицу.
Рӱжге-рӱжге мурена да,	Дружно-дружно мы поем,
Рӱжге-рӱжге куштена.	Дружно-дружно пляшем.
Рӱжге мурен, рӱжге куштен,	Дружно поем и пляшем,
Сай пайремым ыштена.	Отмечаем славный праздник.

(19, №12. Зап. автора. 2009. Исп. анс. «Поро кас» д. Яндемирово Параньгинского р-на).

Мелодия имеет квадратную структуру. Мелострофа соответствует двустишью поэтического текста, что весьма характерно для старинных праздничных напевов. Внутреннее развитие мелодии основано на нисходящем транспонировании отдельных ее оборотов на две ступени вниз. Также слышна зовность, призывность.

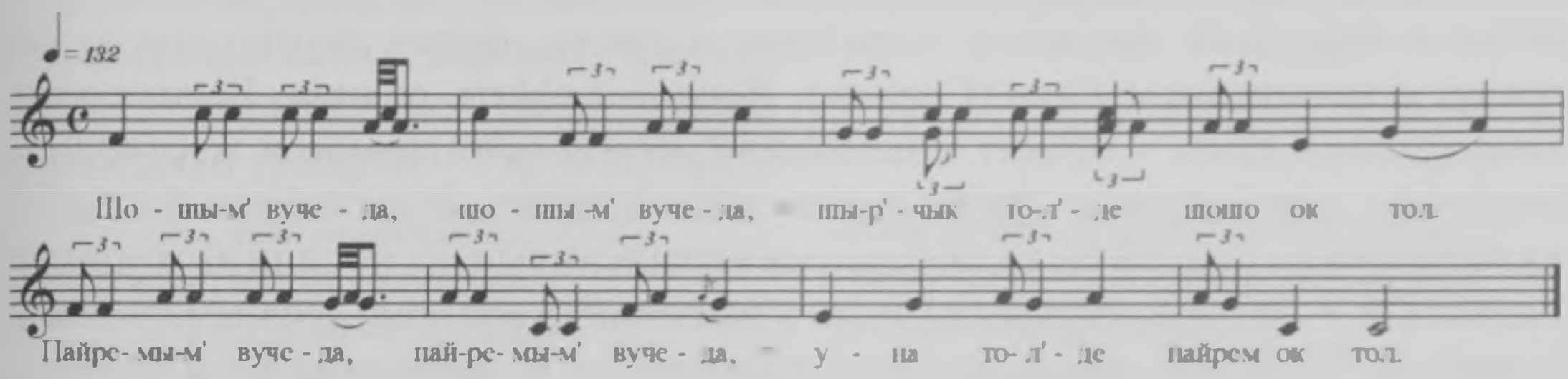
В текстах масленичных песен встречаем образы птиц. «Считалось, что именно птицы приносят с собой весну» (22, с. 228). Так, в одной из песен поется о скворцах – *шырчык*, которые в числе первых прилетают к нам после зимовки в теплых краях. «Скворцы – искусные звукоподражатели: в их песне можно услышать отрывки из песен других птиц, кваканье лягушек. хлопанье кнута… В песне скворца слышатся и звуки, которые он слышал на зимовках в Африке и во время перелётов. Скворцы могут подражать человеческому голосу, способны научиться произносить отдельные слова и даже целые фразы» (23, с. 713). Вот один из примеров пения скворца:

(Зап. автора. Апрель 2010. Йошкар-Ола).

Для этого свиста характерен триольно-ямбический ритм, восходящие большие секунды, малые терции – то, что имеется и в марийской народной песне. Возможно, марийцы при выборе музыкально-интонационного языка использовали звучание окружающей их природы, имитируя голоса птиц и животных.

В следующем примере, где в первой же строфе поется о скворцах, отчетливо выделяются интонации малой терции и большой секунды, образуемых с участием 4-й и 5-й ступеней*. В начале каждого предложения эти обороты подчеркнуты мордентами, украшающими общее звучание:

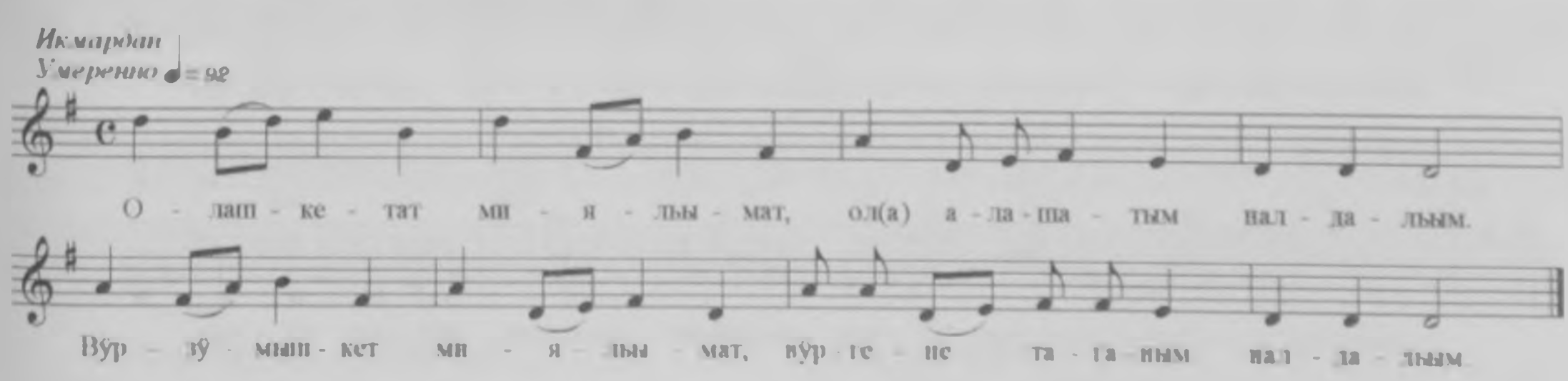
Шошым вучеда, шошым вучеда,
Шырчык толде шошо ок тол.
Пайремым вучеда, пайремым вучеда,
Уна толде пайрем ок тол.
Конга шокшет, мелна пушет
Тевыс кушто улмашын.
Гармонь йӱкет, пайрем тӱсет
Тевыс кушто улмашын.

Весну вы ждете, весну ждете,
Пока не прилетят скворцы, весна не наступит.
Праздника ждете, праздника ждете,
Без прихода гостей праздник не придет.
Жар печи и запах блинов
Вот ведь где, оказывается.
Звук гармони, праздничное веселье
Вот ведь где, оказывается.

(19, №13. Зап. автора. Йошкар-Ола. 2009. Исп. анс. «Поро кас» д. Яндемирово Параньгинского р-на).

Фанфарные интонации, движение по звукам мажорных аккордов (тонического и субдоминантового), восходящие квартовые скачки – всё это создает радостно-приподнятое настроение, звучит светло и жизнерадостно.

В отдельных песнях фигурирует образ коня, одного из главных участников *Ӱярня*:

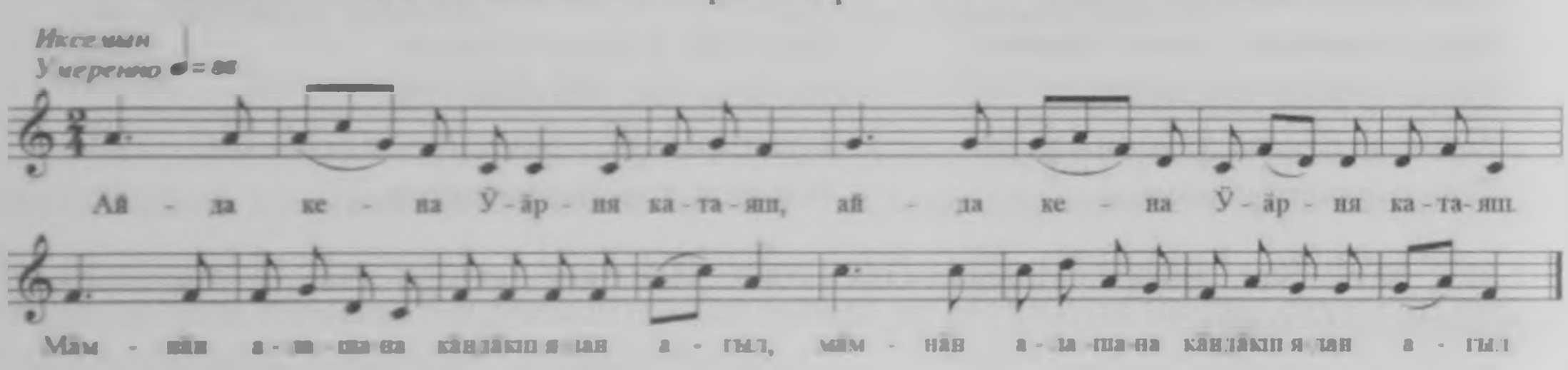
* Мелодия построена в «сернурском звукоряде» из шести ступеней – до^1 – ми^1 – фа^1 – соль^1 – ля^1 – до^2.

Олашкетат миялымат,	Съездил я в город
Ола алаштым налдальым.	И купил пегого мерина.
Вӱрзымышкет миялымат,	Съездил я в Уржум,
Вӱрсене таганым налдальым.	Купил медные подковы.
Айда, алашам, ашалталал,	Давай, мерин мой, беги рысью,
Вӱрсене таганет ялт коймеш.	Чтобы были видны твои медные подковы.
Айда, йолташем, муралтена,	Давай, друг мой, споем,
Ӱлыл мучашке йонгыжалтше.	Чтобы было слышно до нижнего конца улицы.

(24, ч. 2. С.61. Мари-Турекский р-н, д. Сарда. 1926. Исп. Егоров Шымалче с друзьями).

Культ коня, олицетворяющий идею плодородия, получил большое развитие в народной традиции марийцев, а также других финно-угров. Он связан с почитанием *Кече* (Солнце), *Кече ава* (Мать солнца, Богиня-мать плодородия). Конь – объект поклонения, особо почитаемое и жертвенное животное, символ тепла, добра, весны и плодородия. Бронзовые подвески с изображениями коней были любимыми украшениями, их носили на груди или у пояса (25, с. 88). А в составе подвесок к накоснику в костюме древнемарийской женщины IX–XI вв. использовались вырезанные из кости или рога фигурки плывущих по воде коней. Мотив ездового животного исторически восходит к представлениям о пути умершего в страну предков, во время которого использовалось перевоплощение в тотемного животного (26, с. 66).

О коне поется и в одной из горномарийских масленичных песен:

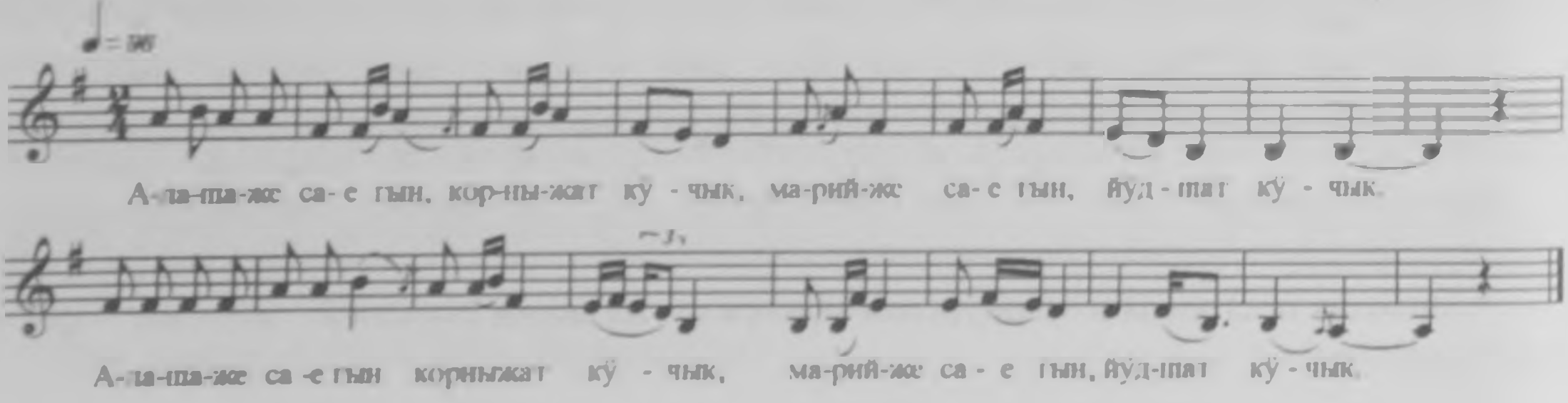

Айда кена Ӱарня катаяш. – 2 гänä
Мамнан алашана кандäкш ялан агыл. – 2 гänä

Давайте пойдем на Масленицу кататься. – 2 раза
Ведь наш конь не о восьми ногах. – 2 раза

(27, с. 59. Горномарийский р-н, д. Нуженалы. Исп. Петрова).

В Звениговском районе исполнялась следующая масленичная песня:

Алашаже сае гын, корныжат кӱчык.
Марийже сае гын, йӱдшат кӱчык.

Если мерин хорош, то и дорога коротка.
Если муж хорош, то и ночь коротка.

} гана

} раза

(19, №2; Фонотека МарНИИЯЛИ. Диск 12. Звениговский (В). 7–10. Зап. Ласло Викар. Дер. Кокшамары. 1966. Исп. Смирнова Т.И. (1913).

В некоторых районах в празднике участвовали также маски *Ӱярня кугыза* (старик масленой недели) и *Ӱярня кува* (старуха масленой недели), которые устраивали карнавальные шествия по деревням на разукрашенных лошадях (на санях, верхом) (3, с. 29).

Из масленичных песен также узнаём, что в период Масленицы проходили ярмарки – *Ӱярня пазар*:

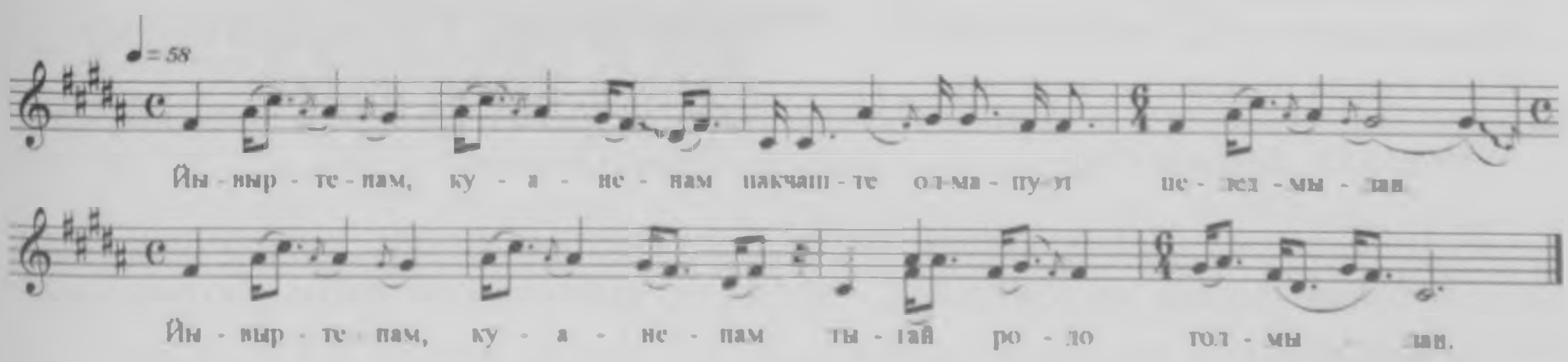
Индеш ниян йыдалым налдалаш
Ӱярня пазарыш кайыман.
Илыш йолташым муашлан
Уш-акылжым палыман.

Чтобы купить девятилыковые лапти,
Нужно пойти на масленичный базар.
Чтобы найти друга жизни,
Нужно узнать его ум-разум.

(12, с. 62).

Особенно распространена была традиция хождения в гости, причем приглашение и угощение было «взаимным» (26, с. 87). Домохозяева готовили еду: пекли блины, пироги, варили уху. В.М. Мамаев писал: *«Ялге ик кечыште пайрем лийын огыл, таче икте ӱжын, вес кечыште весе ӱжын. Кече еда ял мучко кумыт-нылыт вере шинчылтмаш лийын. Ӱжмашке кугурак-влак веле коштыныт»* («Гостевания проходили не в один день, сегодня один приглашал, завтра другой. Ежедневно во всей деревне гостевания одновременно проходили в трех-четырех домах. В гости ходили только взрослые») (14, с.151).

Звучали празднично-гостевые песни, где преобладала величальная, хвалебная тематика. В следующей песне хозяева обращаются к гостям, называя их самыми лучшими, любимыми, подобными цветам и бабочкам:

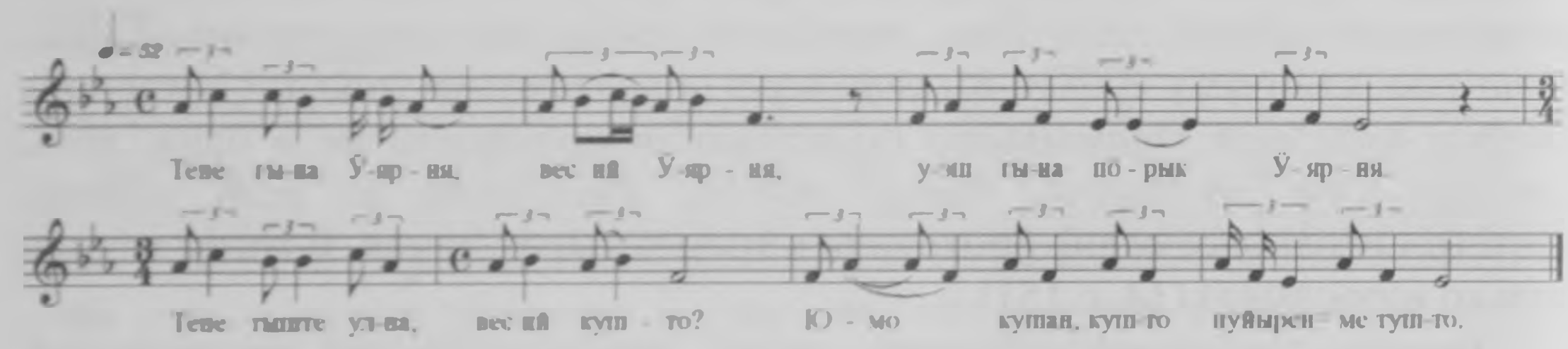
Йывыртенам, куаненам
Пакчаште олмапуэт пеледмылан.
Йывыртенам, куаненам
Тыгай родо толмылан.

Обрадовалась я тому,
Что в моем огороде зацвела яблоня.
Обрадовалась я тому,
Что такие родственники ко мне пришли.

Ончалза вуйышкем, ончалза вуйышкем –	Посмотрите-ка на мою голову –
Пеледышан шовычым тидынам.	Повязала я цветастый платок.
Ончалза тӧрышкем, ончалза тӧрышкем –	Посмотрите за столы –
Пеледыш гай родо-влакем толын улыт.	Гости, подобные цветам, ко мне пришли.
Пакчанажат темын, емыжнажат шуко,	Огород наш полон, много в нем плодов,
Йӧратыме емыжнаже – сар олма.	Любимый наш плод – желтое яблоко.
Элыштына пагалыме пешак шуко,	В нашем краю хороших людей много,
Йӧратыме уналаже те улыда.	Любимые же наши гости – вы.
Куку йӱкан кӱэрна ушо,	Есть у нас березняк с пением кукушек,
Шӱшпык йӱкан ломберна ушо.	Есть черемушник со свистом соловья.
Пеледыш пушан ялна ушо,	Есть у нас деревня с запахом цветов,
Кенеж лыве гай унана улыт.	Есть гости, подобные летним бабочкам

(Зап. автора. На празднике Ӱярня. Йошкар-Ола. 2009. Исп. группа женщин из д. Арбаны Медведевского р-на).

Мелодия данной песни основана на ангемитонном звукоряде типа *соль–ля–до–ре–ми* (т.н. китайская гамма № 2 по П. Сокальскому), который используется и в музыке других народов, таких как саамы, монголы, чуваши, татары (29, с. 82). Так, в масленичной песне восточных марийцев Красноуфимского района Свердловской области используется именно такой звукоряд:

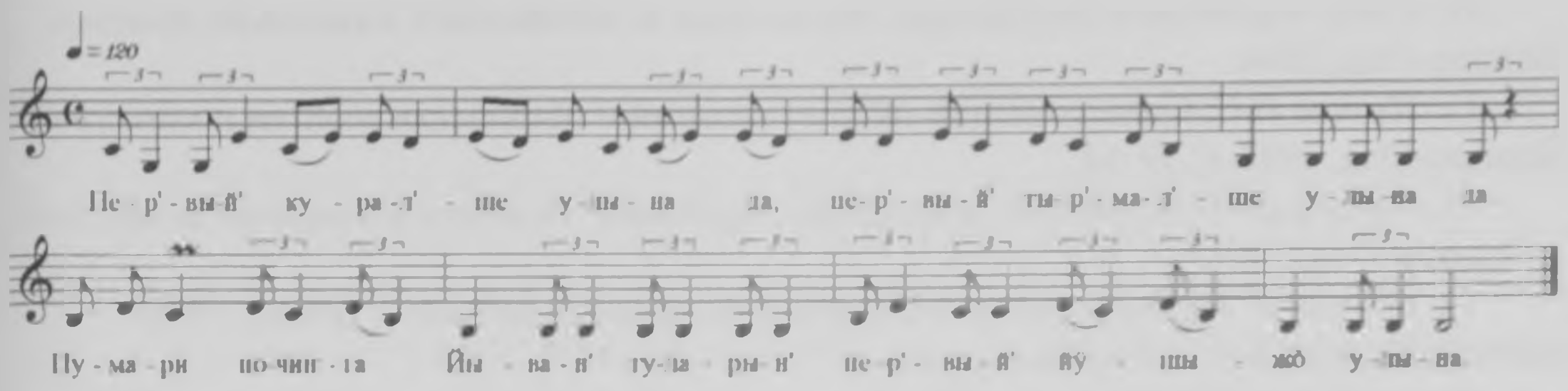

Тений гына Ӱярня, вес ий Ӱярня,	Нынче Масленица, и на будущий год Масленица.
Уэш гына пӧрык Ӱярня.	Снова раз в году Масленица.
Тений тыште улына, вес ий кушто?	Нынче мы здесь, а на будущий год где?
Юмо кушан пуйырен – ме тушто.	Где богом суждено – мы там.

(30, с. 155. Деревня Сарсаде. Исп. Набиева Мария Петровна (1903).

В этой песне – характерные черты праздничных песен: умеренный темп, двухстиховая форма мелострофы, триольно-ямбический ритм, большесекстовый амбитус.

Во время *Ӱярня* проводили и чествование молодоженов. В дни праздника устраивали обряд *«первый йӱмаш»*, когда впервые после свадьбы невеста с новой родней (родственниками жениха) приезжала в гости к своим родителям (31, с. 31). При этом также исполняли песни – *первый йӱмӧ муро*:

Первый куралше улына да,
Первый тырмалыше улына да.
Пумари починга Йыван туларын
Первый йӱшыжӧ улына.

Мы – первые пахари,
Мы – первые бороновальщики.
В деревню Обипамаш к свату Ивану
Мы приехали в гости после свадьбы.

Ший самоварын лӱмжак кӱшнӧ –
Шолын шинча гынат, келшалеш да.
Первый йӱшын лӱмжак кӱшнӧ –
Муралтен колто гынат, келшалеш.

У серебряного самовара честь большая –
Хорошо, когда он кипит.
Первая поездка к сватьям – важная –
Хороша, если поем песни.

(Зап. автора. Йошкар-Ола. 2010. Исп. Попова Ксения Алексеевна (1948).

Устраивались также различные игры, например, «Карта», «В рыбу» (31, с. 27). Проходили и пляски, сопровождавшиеся порой исполнением плясовых песен и частушек. «Гулянье, угощение, пение идет в обычном порядке. При наличии музыки идет и пляска», – писал Тимофей Евсеев (32, с. 76).

В настоящее время масленичные обряды и песни широко используются в весеннем празднике «Проводы зимы», который проводится в феврале-марте. В этом празднике нашли место и блины, и катание на лошадях, и выступления ряженых, и фейерверки, и многое другое.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Земцовский И.И.* Мелодика календарных песен. – Л., 1975.

2. *Четкарев К.А.* Христианские и языческие праздники среди мари в начале XX века // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 5. Д.17. 1957.

3. *Акцорин В.А.* Марийская народная драма. – Йошкар-Ола, 1976.

4. *Фрезер Д.* Золотая ветвь. – М., 1928.

5. *Поспелов П.* Русские народные праздники с их обрядами. – Руководство для сельских пастырей. Киев, 1871. Т. 1–3.

6. *Михайлов С.М.* Масленица [в Козьмодемьянске] // С.М. Михайлов. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972. С. 275–277.

7. *Пропп В.Я.* (Собрание трудов). Русские аграрные праздники. (Опыт историко-этнографического исследования). – М.: Лабиринт, 2000.

8. *Банников Е.* Славянские праздники и обряды. – М., 2010.

9. Семенов Т.С. Черемисы: Этнографический очерк. – М., 1893.

10. *Мамаев В.М.* Мустай ялын илыш корныжо (историйже). НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. Д.116. 1963.

11. Свод марийского фольклора. Пословицы и поговорки / Сост. А.Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 2004.

12. *Иванов И.С.* Ожнысо марий муро да религий // Марийская религия и культура. – Йошкар-Ола, 1998. С.59–64.

13. *Герасимов О.М.* Модмо да куштымо муро-влак. Игровые и плясовые песни мари. – Йошкар-Ола, 1993.

14. *Елатов В.* Ладовые основы белорусской народной музыки. – Минск, 1964.

15. *Квитка К.В.* Избранные труды. В 2-х тт. – М., 1971–1973.

16. *Егорова О.К.* Вопросы ладообразования в марийской народной песне // Музыкальная культура народов Поволжья. Сб. науч. трудов. – М., 1978. С. 19–27.

17. *Кульшетов Д.М.* Шернур корнет. – Йошкар-Ола, 1990.

18. *Эвальд З.* Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Советская этнография. – Л., 1934. №5. С. 2–39.

19. Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Часть I. Обрядовые песни / Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола, 2011.

20. *Дорохова Е.* Масленичные песни в русской календарной традиции // Фольклорный текст: функция и структура. – М., 1992. С.5–31.

21. *Соколова В.* Масленица (ее состав, развитие и структура) // Славянский и балканский фольклор. – М., 1978. С. 32–60.

22. *Пропп В.Я.* (Собрание трудов). Сказка. Эпос. Песня. – М.: Лабиринт, 2001.

23. Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

24. *Васильев В.М.* Марий муро. В 2-х частях. – Йошкар-Ола, 1937.

25. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. – Йошкар-Ола, 2007.

26. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола, 2004.

27. *Эшпай Я.А.* Марий калык муро. Марийские народные песни. – М., 1957.

28. *Яковлев Г.Я.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

29. Cheremis Musical Styles bi Bruno Nettl. Indiana University Press. – Bloomington, 1960.

30. *Кульшетов Д.М.* Ныжыл кумыл. – Йошкар-Ола, 1991.

31. Календарные праздники и обряды марийцев. Этнографическое наследие. Вып.1 / Сост. О.А. Калинина. – Йошкар-Ола, 2003.

32. *Евсевьев Т.Е.* Марийская Масляница. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.3. № 10.

Natalya Mushkina

ABOUT THE SONGS OF PANCAKE RITE OF MARI

One of the ancient rites calendar Mari is Üjarnja – pancake week, borrowed from Russian. Songs in the structure of the rite is performed magic function associated with fertility. They sound in the street while riding the mountains, horseback riding. as well as a celebratory feast. In Shrovetide (pancake week) songs the basis of the Mari poetry and music, that uses elements of onomatopoeia form. Melodies have different cheerful, bright character associated with the awakening of nature.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ РЕБЕНКА И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ОБРЯДЫ В КУЛЬТУРЕ МАРИЙЦЕВ

У каждого этноса одной из сторон духовной культуры является обрядность в важнейших событиях в жизни человека. Традиционная обрядовая сторона жизни ребенка у марийцев была богата, разнообразна и интересна.

Цель данного сообщения – показать некоторые традиционные особенности наречения имени новорожденному у марийцев различных этнографических групп, поскольку существовали и существуют представления о том, что от имени зависела будущая судьба ребенка.

Рождение ребенка было важнейшим событием в жизни семьи и родственного коллектива. По традиционным представлениям марийцев немаловажное значение в судьбе человека имело его имя. Считалось, что от имени зависит как сложиться жизнь человека. Новорожденному старались как можно быстрее дать имя, так как боялись, что ребенок, умерший без него, не найдет свое место на том свете, т.е. душа его будет блуждать или может превратиться в злой дух. Имя, которое дали малышу сразу же после рождения, являлось временным. Его произносила бабушка повитуха во время первого купания. У некрещеных марийцев иногда имя определяли по тому дню, в который он родился. Например, если он появился в четверг (изарня), то давали имя «*Изерге*» (Младший сын), «*Изӱдыр*» (Младшая дочь), в пятницу (кугарня) – «*Кугерге*» (Старший сын), «*Кугӱдыр*»(Старшая дочь), в субботу (шуматкече) – «*Шумат*» (1, с. 133). Имя зависело и от того в какой ситуации рождались дети. Например, если девочка родилась в страду, то в этом случае ей могли дать имя «*Пашалче*» (Работящая), если мальчик родился во время особо почитаемого марийского праздника Семика – «*Семикей*». У крещеных марийцев сыновьям давали имена христианских святых, если они родись во время или накануне православных праздников: Ильин день – Илья, Крещение – Григорий, Петров день – Петр и др. (2; 3).

Постоянное имя новорожденному давали через три-четыре дня после родов, его могла выбирать та же бабка повитуха. В прошлом имя ребенка могли определять по созвучию с именем матери или отца. Если мать звали Лыставий, то дочери могли дать имя Лыстанай (1, с. 133).

Марийцы-язычники применяли оригинальные способы имянаречения. Имя определял «карг» – языческий жрец. В одном случае он быстро произносил пришедшие на ум имена, высекая при этом огонь из кремния. При произнесении какого имени загорался трут, тем именем и нарекал новорожденного. Жрец иногда брал ребенка в руки в тот момент, когда он плакал и перечислял имена. Считалось, что при подходящем имени ребенок переставал плакать. Чтобы определить нужное имя, иногда перед тем, как ставить хлеб в печь, каждому каравaю давали имя. По имени лучше испекшегося каравая и нарекали ребенка (4, с. 50; 5, с. 225). У марийцев непочатый каравай хлеба – символ счастья и благополучия, поэтому он и использовался в этом традиционном ритуале. По свидетельству известного марийского краеведа Т. Евсеева в начале XX века по случаю наречения имени у язычников марийцев происходило угощение следующим образом. Пекут лепешки и варят кашу. Приглашаются соседи, родственники. Они приходят в дом и садятся за стол. Перед едой произносится особая молитва, молятся о здоровье новорожденного. Во время молитвы разрезается на куски та самая лепешка, по которой младенец получил свое имя. Кусочки лепешки кладутся на стол. На стол подаются и свежеиспеченные лепешки, ставится каша. Все гости втыкают серебряные монеты в сливочное масло в отдельной тарелке. После трапезы количество денег подсчитывается. Если число монет нечетное, то новорожденный ребенок будет счастлив в жизни (6, с. 10).

Если в семье часто умирали дети, то луговые и восточные марийцы в прошлом проводили символический обряд «покупки ребенка» из семей, где было много здоровых детей. «Покупатель» сажал ребенка на колени, давал новое имя. Это означало, что «купленное» дитя стало его ребенком. При этом обращались к Богине Рождения (Шочын Ава) и просили богиню и впредь даровать семье здоровых детей. При этом читали молитву с пожеланиями благополучия ребенку.

Перед тем как дать имя ребенку у восточных марийцев обязательно пекли блины, которые освещались специальной молитвой, в которой обращались ко всем божествам (*Юмо Ава, Мланде Юмо, Вольык Юмо*, ...) о даровании младенцу здоровья, благополучия, долгих лет жизни. После того как ребенка нарекли именем приглашали отведать освященных блинов в честь младенца. Обряд этот назывался «аза сӱан» (дословно с мар. «свадьба младенца»). Перед этим обрядом родственники ребенка мылись и облачались в чистую одежду. Обряд наречения имени был одним из важных семейных ритуалов, так как от имени зависела дальнейшая судьба ребенка. В прошлом у восточных марийцев были распространены старинные марийские имена, и было популярно давать тюрко-татарские имена. Мода на татарские имена была связана с влиянием ислама и культуры соседних тюркских народов. Данная этнографическая группа этноса претерпела аккультурации со стороны татар и башкир, что отразилось как в духовной, так и материальной культуре восточных марийцев (3).

У восточных марийцев в случае, когда после умершей девочки опять рождалась дочь, давали имя *Алмашбика* (по-татарски Ташбика), что означало – «замена умершему ребенку». Это должно было уберечь девочку от смерти (3).

В прошлом крещеные марийцы также старались быстрее дать имя новорожденному и с этой целью крестили детей в церкви через одну-две недели после рождения, нарекая именем по христианскому имениннику, соответственно дате рождения. Нередко у детей существовали два имени: одно, полученное при рождении, во время мытья в бане, другое – во время крещения. При крещении священник давал христианское имя новорожденному. У горных марийцев, которые были наиболее христианизированными среди других групп марийцев, встречались такие имена – Ананий, Архип, Ксенофонт, Мефодий (муж. имена), Текусса, Фелония, Варвара, Евдокия, Марфа, Домна (жен. имена).

В годы атеизма у луговых марийцев бытовал обычай домашнего крещения и наречения имени. В доме собирались родственники, друзья, будущие крестные младенца. Молитву с благопожеланиями читал старший член семьи и родители передавали ребенка крестным через стол, читая молитву. Этот обычай получил широкое распространение в послевоенный период в связи с закрытием церквей и отсутствием священнослужителей. В крестные выбирали наиболее уважаемых людей. Ими не должны были быть близкие родственники. Новорожденного мальчика крестил мужчина, девочку - женщина. Крестные ребенка становились близкими родственниками, так как считалось, что в случае смерти родителей крестные отец и мать должны были опекать сироту. Кумовьев уважали и всегда уделяли им большое внимание, особенно во время свадебной обрядности.

Марийские языческие имена и в настоящее время частично сохранились у некрещеных марийцев старшего поколения (особенно среди восточных марийцев). В некоторых семьях марийской интеллигенции с 80-х годов XX века интерес к истинно марийским именам заметно стал расти. В 90-ые годы девочек нарекали популярными и известными марийскими именами – Айвика, Салика, Эрвина и др.

В случае частых заболеваний или смерти детей в семье марийцы проводили традиционный обряд символической «продажи» ребенка (*аза ужалмаш*) известный многим народам Поволжья и Приуралья. В день «продажи» пекли в доме блины. Заранее договаривались с человеком, у которого было много детей, и приглашали его к себе в гости. Продавали обычно тем, у кого детей было много и они были здоровыми и долго жили. Например, когда производили продажу, тот кто «покупал» спрашивал: Продашь сына? Кто продавал отвечал, что продаст. Ребенка уносили за порог дома, возвращали обратно через окно. После проведения этого обряда дети жили. «Покупателем» мог быть и случайный человек, первым пришедший в этот день в дом. Ему говорили, что продают ребенка за символическую плату. «Проданного» ребенка выносили за ворота, возвращали родителям также через окно. Во время «продажи» обычно меняли имя ребенка. У восточных марийцев Башкортостана новое имя ребенка

кричали в печную трубу. В доме ребенка по этому поводу устраивалось угощение, обязательным блюдом были блины (7, с. 44).

Как свидетельствуют этнографические материалы, имя играло большую роль в жизни ребенка и влияло на его будущую жизнь. Известно то, что марийцы новорожденным детям давали необычные имена в случае, если предыдущие дети умирали. Например, в Параньгинском районе МАССР в одном из селений в семье все дети умирали новорожденными, когда родился последний ребенок, карт посоветовал родителям дать сыну такое имя, которого вообще нет в округе. Младенца назвали Север. И он, 11 ребенок в семье, дожил до преклонных лет.

В том случае, если дети очень плакали или часто болели, считалось, что имя выбрано неудачно, им меняли имя, чтобы у ребенка жизнь была благополучной (2).

У марийцев новорожденных детей могли назвать в честь умерших родственников, особенно тех, кто отличался своими положительными качествами и был успешен в жизни. Считалось, что ребенок, названный именем умершего, приобретал его положительные черты характера, поведения и удачливость в жизни. Эти представления были связаны с развитым культом предков у марийцев. Они считали, что усопшие могут содействовать в делах живых родственников. Иногда новорожденных нарекали и именами живущих родственников, близких друзей. Однако существуют представления о том, что нельзя детей нарекать именами в честь трагически погибших в молодом возрасте родственников, а также людей не отличавшихся нравственным поведением, так как их судьбу может в будущем повторить ребенок.

С начала 50-х годов у восточных марийцев распространилась мода на русские имена. Как показывают полевые этнографические материалы, имелись определенные распространенные имена для детей, характерные для разных периодов. Например, в сельской местности МАССР в 1960-е годы наиболее употребляемыми именами для детей были Эрик, Эдуард, Владислав, Земма, Земфира, Эльвира (Эля), Марина ир. Среди марийцев Республики Татарстан в 2006 году были зафиксированы и своеобразные имена, связанные с растительным миром, например, Фиалка, Ландыш и др. Встречаются имена у детей из мексиканских и бразильских сериалов (3).

Во время экспедиций в Башкортостане было зафиксировано, что некоторые марийцы называют своих дочерей татарским именем Алсу, что, вероятно, связано с именем современной популярной эстрадной певицы (8).

Традиционные обряды, связанные с наречением имени новорожденным у марийцев были связаны с желанием дать наиболее подходящие имена для жизни детей, которые сделали бы судьбу их удачливой, счастливой, а жизнь долгой. Однако в настоящее время эти обычаи практически вышли из употребления. Имена новорожденным младенцам выбирают родители по своему усмотрению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Евсевьев Т.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. №10.
2. Полевые материалы автора (далее ПМА) 2005. Моркинский р-он РМЭ.
3. ПМА 2006. Актанышский, Менделеевский, Муслюмовский р-ны Татарстана.
4. *Яковлев Г.* Религиозные верования черемис. – Казань, 1887.
5. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840.
6. *Erdodi J.* Zur Tscheremissischen namengebung // SUSA. Vol. 64. – Helsinki, 1963.
7. *Молотова Т.Л.* Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Вып. 29 / Отв. ред. А.Д. Коростелев. – М.: Наука, 1971.
8. ПМА 2008. Балтачевский, Бирский, Калтасинский р-ны Башкортостана.

Tamara Molotova

NAMING OF THE CHILD AND ITS ASSOCIATED RITUALS IN THE CULTURE OF THE MARI

In the report it is considered traditional features of the newborn naming of Mari of different ethnic groups. It was believed that child's future destiny is on behalf of the dependent. In cases of common diseases of the child a replacement name carried. Traditional rites of child naming were associated with the desire to give the most suitable names for children, which would make the fate of their fortunate, happy and long life.

ПЕРСОНАЛИИ

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

ПАУЛЬ АРИСТЭ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИННО-УГРОВЕД XX ВЕКА
(к 110-летию со дня рождения)

Пауль Аристэ (Paul Ariste) – выдающийся эстонский лингвист, фольклорист, этнолог, крупнейший специалист в области эстонского языка, прибалтийско-финских языков, языковых контактов, финно-угроведения, общего языкознания, талантливый педагог высшей школы, известный полиглот, общественный деятель. Доктор филологии (1939), профессор (1944), академик АН Эстонии (1954).

Своим неутомимым плодотворным трудом снискал широкое признание и высокий авторитет не только на родине, но и за рубежом. Об этом свидетельствуют многочисленные отечественные и иностранные поощрения, награды, почетные звания: государственные премии ЭССР (1959, 1983), заслуженный ученый ЭССР (1965), орден Трудового Красного Знамени (1971, 1985), почетный член Общества родного языка (1974), медаль Тартуского государственного университета (1974), орден Дружбы народов (1975), орден Ленина (1982), почетный гражданин города Тарту (1982), почетные грамоты Президиумов Верховных Советов Эстонской и Латвийской ССР, Мордовской и Удмуртской АССР; зарубежный член Финского общества литературы (1954, Хельсинки), член Международного комитета финно-угроведов (1960), почетный член Финно-угорского общества (1965, Хельсинки), почетный член Венгерской АН (1967, Будапешт), зарубежный член Финской академии наук (1969, Хельсинки), почетный член Американского лингвистического общества (1972, Блумингтон), почетный член Общества Калевала (1975, Хельсинки),

почетный член Общества финского языка (1976, Хельсинки), почетный член Международного общества венгерской филологии (1977, Будапешт), почетный член Венгерского лингвистического общества (1980, Будапешт), зарубежный член Академии Финляндии (1980, Хельсинки), почетный член Урало-Алтайского общества (1982, Гамбург); почетный доктор нескольких университетов: Хельсинкского (1969), Сегедского (Венгрия, 1971), Тамперского (Финляндия, 1975), Латвийского (1989).

Пауль Аристэ родился 3 февраля 1905 г. в мызе Ряабиза волости Торма Тартумааского уезда Эстонии в семье кузнеца и плотника Александра Берга (в 1927 г. сменил фамилию по названию села и залива Аристэ).

После окончания начальной школы учился на отделении классической филологии Таллинской Николаевской гимназии (1917–1925). В 1925–1929 гг. учился в Тартуском университете, его основными предметами были эстонский язык, прибалтийско-финские языки, уральское языкознание и фольклористика, знакомился с германистикой, проявлял активный интерес к экспериментальной фонетике. В 1925–1927 гг. параллельно с учебой работал в архивной библиотеке Эстонского народного музея, в 1927–1931 гг. – в Архиве эстонской народной поэзии, что сыграло весьма важную роль в его дальнейшей научной жизни. В 1931 г. успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Заимствования в эстонском языке из эстонско-шведского диалекта». В марте 1931 г. был утвержден на два года в качестве стипендиата университета по эстонскому языку, в области экспериментальной фонетики. В 1932–1933 гг. знания по финно-угроведению, экспериментальной фонетике совершенствовал у известных профессоров в Хельсинкском, Уппсальском и Гамбургском университетах.

В 1933–1940 гг. был временным преподавателем эстонского языка в Тартуском университете, читал разные курсы по фонетике – введение в фонетику, произношение общенародного эстонского языка, общую фонетику, фонологию, проводил экспериментально-фонетические упражнения. С 1934 г. работал в Архиве эстонского языка при университете, в первые четыре года – в качестве сотрудника, с 1938 г. – старшего ассистента. В 1939 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Звуки хийумааских говоров». В марте 1940 г. получил звание доцента. В конце 1940 г. был назначен преподавателем кафедры эстонского языка, в начале 1941 г. – исполняющим обязанности доцента кафедры и заведующим лабораторией фонетики. Во время войны вначале работал в библиотеке университета, позже – в Архиве эстонского языка. В сентябре 1944 г. (после освобождения Эстонии) был назначен профессором, заведующим кафедрой эстонского и финно-угорских языков. В 1946 г., после создания двух отдельных кафедр, стал заведующим кафедрой финно-угорских языков. В данной должности проработал в течение 30 лет. С 1977 г. продолжал работать на этой же кафедре в качестве профессора. Умер Пауль Аристэ 2 февраля 1990 г.

Более чем полвека П. Аристэ преподавал в Тартуском университете. На протяжении всей педагогической деятельности вел самые разные курсы и

спецкурсы по эстонскому языку (прежде всего по фонетике), введению в языкознание и общему языкознанию, по финно-угорским (финскому, водскому, коми и др.) и неродственным (нижненемецкому, русскому и славянским, германским, шведскому и др.) языкам, а также по эсперанто. Неоднократно читал лекции по эстонскому языку и обучал эстонскому языку в университетах Финляндии (в Хельсинки, Турку, Тампере, Ювяскюла). Курсы своих лекций по некоторым предметам издал как вузовские учебники (например, «Произношение русского языка», 1941; «Фонетика эстонского языка», 1946; «Грамматика водского языка», 1948, английский перевод в США 1968; «Языки мира» I и II, 1967, 1969, в одной книге 1972). Студентов приобщал к науке также через экспедиции – регулярно привлекал их к сбору лингвистического, фольклорного и этнографического материала среди прибалтийско-финских народов; совместно со студентами провел экспедиции, например, в места проживания води (1947, 1957), ливов (1948–1950), вепсов (1953–1955).

П. Аристэ имел исключительную память и был полиглотом. Знал около 40 языков, по признанию самого ученого, мог на 18 языках разговаривать и дополнительно на 17 – читать и понимать прочитанное. Уже в детские и школьные годы познакомился с русским, шведским, немецким, ливским языками, в дальнейшем свои знания по ним углублял в гимназии и университете. В гимназии изучал немецкий, французский, английский и латинский языки; в это время познакомился с родственными водским, ижорским, финским языками, а также с норвежским, еврейским (позже изучение многих из этих языков продолжил в университете). Тогда же с большим интересом посещал курсы эсперанто, публиковал на эсперанто статьи. В университете учил, наряду с прибалтийско-финскими, германские, саамский, удмуртский, венгерский, мордовский (эрзя), древнееврейский языки, в эти же годы познакомился с латышским языком. После университета осваивал водский, селькупский, якутский, нижненемецкий языки, позднее – цыганский и коми. П. Аристэ считал, что «языковеду особенно необходимо знание нескольких языков», так как это дает большие возможности для реализации научных идей. Владение родственными и неродственными языками, знание их внутренней структуры и истории позволили ученому решить на самом высоком уровне многие лингвистические проблемы, глубоко постичь историю прибалтийско-финских языков, понять сущность и разнообразие языковых контактов.

П. Аристэ был исследователем, в основу почти всех трудов которого легли личные полевые записи, сделанные непосредственно из уст носителей языка. Для этого он совершил, начиная с первых студенческих (даже школьных) лет, десятки экспедиций, собирал языковые и фольклорные материалы среди эстонцев разных диалектных групп и представителей водского, ливского, карельского, вепсского, ижорского, а также русского, цыганского и других народов. Во время работы в Эстонском народном музее и Архиве эстонской народной поэзии, будучи еще студентом, увлеченно собирал фольклор в

различных районах Эстонии. Для написания магистерской работы провел ряд экспедиций в места проживания эстонских шведов. В 1930 г. с целью выявления русских заимствований в эстонском языке записывал смешанную эстонско-русскую речь в населенных пунктах вдоль побережья Чудского озера. Докторскую диссертацию написал на базе диалектных данных, зафиксированных в 1931–1934 гг. среди эстонцев, проживающих на островах Хийумаа, Сааремаа и Кихну. В 1935 и 1936 гг. изучал в полевых условиях диалект эстонцев, живущих на «языковых островках» Лутси и Лейву (на территории Латвии). Начиная еще с 1930-х гг., но в особенности со второй половины 1940-х гг. П. Аристэ (иногда совместно со студентами) записал тысячи страниц языкового и народнопоэтического материала от носителей других прибалтийско-финских языков. Только в 1947–1978 гг. провел 32 экспедиции к прибалтийско-финским народам. Так, в 1930–1950-х гг. им собрано более 5000 страниц текстов по водскому языку и фольклору. Они опубликованы в многотомной серии сборников водских текстов (образцов языка, песен, сказок, поверий и примет, преданий, загадок и др.). Эти книги являются и останутся на века ценнейшим источником по водскому языку и фольклору для специалистов. В 1948–1950 гг. организовал экспедиции в ливские села Латвийской ССР, в начале 1950-х гг. – к карелам Новгородской области, в 1953–1955 гг. и начале 1960-х гг. – по вепсским селениям Ленинградской области и Карельской АССР (в 1964 г. выпустил собрание вепсских сказок), в конце 1950-х гг. в течение пяти лет – к ижорам (в 1960 г. издал сборник образцов ижорского языка). Собирал материалы также среди цыган, (помимо научных статей) в 1938 и 1959 гг. издал сборники цыганских сказок. Именно бесценные полевые материалы, собранные лично ученым, обеспечили ту достоверность и научную широту и глубину, которые присущи его исследованиям.

П. Аристэ опубликовал около 1300 работ, в т.ч. более 20 книг. Он участник множества конференций самого разного уровня, Международных конгрессов по финно-угроведению. Его труды вышли более чем на 15 языках. Они посвящены эстонскому языку, прежде всего экспериментальной и исторической фонетике и фонологии, формированию лексики, проблемам прибалтийско-финских языков, общего финно-угроведения, языковых контактов и общей лингвистики.

П. Аристэ был «первым фонетиком эстонского языка» со специальным образованием. В 1938 г. участвовал в III Международном фонетическом конгрессе (Бельгия), уже тогда его доклад «Квантитативный язык» вызвал большой интерес среди ученых. Широкое признание получили его книги: «Звуки хийумааских говоров» (1939) – докторская диссертация, представляющая на основе экспериментального исследования качество звуков, их распространение в диалектах и развитие, историю заселения Хийумаа, образование и классификацию хийумааских говоров; «Произношение в эстонском языке» (1939) – справочник по орфоэпии, имеющий своей целью стандартизацию произношения; «Фонетика эстонского языка» (1946) – учебник

для студентов, системно освещающий артикуляторную фонетику эстонского языка и речевые отклонения (претерпел многократные переиздания); работа «О фонетических проблемах эстонского языка» (1947), посвященная теории чередования степеней, а также многочисленные статьи.

П. Аристэ внес исключительный вклад в эстонскую историческую лексикологию. Им обнаружено и объяснено происхождение более чем 2000 эстонских слов. В целях познания истории эстонского и других прибалтийско-финских языков направленно изучал самые разные заимствования в эстонском языке. Выявлял шведские заимствования, только в магистерской работе проанализировано более 250 шведизмов. В различных работах отразил более 400 нижненемецких заимствований в эстонских письменных памятниках, около 70 древнееврейских и еврейских заимствований в эстонском переводе библии, около 100 русизмов в древнем эстонском письменном языке, обращал внимание также на латышские и цыганские заимствования. Исследуя лексику, устанавливал этимологию и эстонских топонимов.

В разносторонней научной деятельности П. Аристэ большое место занимают основополагающие изыскания по прибалтийско-финским языкам, их формированию из языка-основы и сравнительно-исторической грамматике. При решении проблем истории языков и народов ученый широко опирался на данные смежных наук, в первую очередь археологии. Более чем полстолетия, по словам самого П. Аристэ, «был в плену у водского языка и водской народной поэзии». В 1948 г. выпустил «Грамматику водского языка», где последовательно изложил фонетику и морфологию. Был инициатором разработки большого водского словаря, для составления которого предоставил свои богатейшие лексические материалы. В ряде исследований прослеживал контакты водского языка с другими, главным образом с эстонскими диалектами. В поле зрения ученого всегда были актуальные вопросы других прибалтийско-финских языков – прежде всего ливского, ижорского, вепсского. Например, широкий резонанс имели статьи о сущности палатализации, нижненемецких заимствованиях в ливском языке, о развитии ливского языка и его контактах с эстонскими диалектами (1954), об ижорском языке, где обосновывается его самостоятельность среди прибалтийско-финских языков (1956). Специалистами особо отмечается значение статьи «Формирование и ранний этап развития прибалтийско-финских языков» (1956), представляющей аргументированную точку зрения ученого на становление прибалтийско-финских языков. С начала 1960-х гг. академика серьезно занимала выдвинутая им гипотеза проттоевропейских заимствований в прибалтийско-финских языках. П. Аристэ с большим интересом искал в них следы проттоевропейского языка, который был «поглощен» языком пришедших прибалтийских финнов.

В 1960–1970-х гг. П. Аристэ, опираясь на результаты своих предыдущих изысканий о заимствованных словах, разрабатывал теорию языковых контактов. Усиленно занимался вопросами двуязычия и многоязычия у носителей финно-

угорских, главным образом прибалтийско-финских, языков, проблемами их взаимовлияния друг на друга. Результатом напряженной работы в данном направлении стала монография «Языковые контакты. Контакты эстонского языка с другими языками» (1981).

Неоценима заслуга П. Аристэ как талантливого организатора финно-угорской науки не только в Эстонии, но и во всей стране, особенно велика его роль в истории языкознания в регионах с финно-угорским населением. П. Аристэ внес большой вклад также в организацию международного научного сотрудничества в области финно-угроведения. В качестве руководителя ярко проявил себя, будучи заведующим кафедрой финно-угорских языков. Во главе с ним кафедра стала признанным центром финно-угорского языкознания в стране и за рубежом. Уже за десять лет заведования профессор сформировал кафедру с сильным штатом, подготовил в Эстонии первое поколение молодых финно-угроведов, причем по ряду финно-угорских языков. На кафедре умело организовал систематический сбор материалов по языку и фольклору прибалтийско-финских народов и целенаправленное плодотворное исследование их языков.

По инициативе П. Аристэ в 1950-х гг. в Тартуском университете была создана еще одна школа финно-угроведения в стране. На его кафедре подготовлены десятки и десятки высококвалифицированных кадров для научных центров финно-угорских регионов. Сам П. Аристэ был руководителем около 60 работ диссертантов из других национальностей – марийцев, мордвы, удмуртов, вепсов, финнов, венгров, помимо этого, являлся официальным оппонентом около 150 кандидатских и докторских диссертаций. Спустя время многие бывшие аспиранты П. Аристэ защитили докторские работы. На заседаниях Специализированного совета по защите диссертаций по финно-угроведению, возглавляемого долгие годы П. Аристэ, защищены многочисленные кандидатские и докторские исследования. Так, в 1950–1980-х гг. под руководством академика прошли подготовку 15 марийских аспирантов и 2 соискателя, 6 из них впоследствии стали докторами наук. Первыми аспирантами П. Аристэ из Марийской АССР были Лидия Петровна Васикова и Иван Степанович Галкин. Именно благодаря ученикам П. Аристэ марийское языкознание стало одним из успешно функционирующих направлений современного финно-угроведения.

П. Аристэ – инициатор создания сектора финно-угорских языков в Институте языка и литературы АН Эстонии (1957), первые четыре года сектором заведовал сам. В 1965 г. по его предложению основан всесоюзный журнал «Советское финно-угроведение» (Таллин, с 1990 г. «Linguistica Uralica»), в течение 25 лет сам являлся его главным редактором. В течение ряда лет академик был членом Высшей аттестационной комиссии СССР (ответственным за диссертации по финно-угорским языкам), председателем Советского комитета финно-угроведов, председателем Международного комитета финно-угроведов. П. Аристэ

являлся президентом III Международного конгресса финно-угроведов (Таллин, 1970), вице-президентом IV Международного конгресса финно-угроведов (Будапешт, 1975), почетным президентом VI Международного конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), членом редколлегии лингвистического журнала «Lingvai problemoj kaj lingvo-planado» («Языковые проблемы и лингвопланирование») (г. Остин в США). Работал в качестве редактора и члена редколлегии ряда периодических изданий в Эстонии.

Академик Пауль Аристэ, всемирно признанный эстонский лингвист, неутомимый собиратель языка и фольклора прибалтийско-финских народов, крупнейший исследователь многих финно-угорских языков, талантливый организатор финно-угорской науки в стране, опытный педагог, известный полиглот, внес огромный вклад в развитие финно-угроведения в Эстонии и Советском Союзе, прежде всего в финно-угорских регионах страны. Его многочисленные ученики достойно продолжают дело своего Учителя по разностороннему изучению родных языков, их сохранению и развитию в современных условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Рятсеп Х. Академик Пауль Аристэ. – Таллин, 1980.
Künnap A. Paul Ariste 80 // Советское финно-угроведение. 1985, № 1.
Viitso T.-R. Paul Ariste 100 // Linguistica Uralica. 2005, № 1.

«Финно-угроведение», 2015, № 1

Александр Маслихин,
Николай Гаврилов,
Валериан Петров
Йошкар-Ола

ЮБИЛЕЙ К.Н. САНУКОВА

Активное и плодотворное историографическое исследование прошлого и настоящего финно-угорских народов, проживающих на территории Российской Федерации и за ее пределами, начинается с конца 80-х годов XX-го века. Этот период истории страны характеризуется активизацией национальных движений. На многочисленных научных конференциях, круглых столах рассматривались и обсуждались проблемы социально-экономического, исторического и культурного наследия народов России.

Заметный вклад в изучение историографии истории финно-угорских народов внёс профессор, академик Академии гуманитарных наук К.Н. Сануков. К историографическим обобщениям он пришел через десятилетия кропотливого труда историка, в качестве организатора исследований по истории Марийского края в XIX–XX веках, активного участника всесоюзных научных конференций. В дальнейшем его научные интересы расширились и стали охватывать социально-политическое положение финно-угорских народов России, проблем их дальнейшего развития.

Как ученого-историка К.Н. Санукова отличает ряд особых черт. Он обладает высокой профессиональной подготовкой, освоил и успешно применяет специальные методы исследовательской деятельности, как по сбору эмпирических фактов, так и по их теоретическому обобщению. Он является не только носителем глубоких исторических знаний, но и активно использует их в ходе популяризации среди коллег и студенческой молодежи. В своей деятельности он руководствуется правилами «научного этоса», социально-ценностными установками, обеспечивающими прирост научного знания, углубление научно-методологических традиций, благодаря чему на протяжении десятилетий получает объективное и достоверное знание. Он имеет профессиональное признание своих коллег, которые оценили его вклад в приумножение суммы исторических знаний. Следующая черта – это уникальность его внутреннего мира. Ему присуща широкая гамма психологических переживаний – радость открытия нового, неизведанного, которые укрепляют ученого в профессиональном призвании.

Ксенофонт Никанорович Сануков – личность уникальная. В отличии от многих историков, он не ограничился сферой познания прошлого, а распространил свои исследования на настоящее и будущее. Его имя в исторической науке известно не только в России, но и за ее пределами. Авторы статьи, посвящённой 75-летию учёного, Г.Н. Айплатов и А.Г. Иванов выделяют два периода в творчестве К.Н. Санукова: до 1991 года и с 1991 года (1, с. 304). В данной статье мы заострим внимание на первом этапе творчества историка, когда формировались его качества исследователя и на его вклад в финно-угроведение.

Сануков К.Н. родился 5 февраля 1935 г. в деревне Носелы Горномарийского района Марийской АССР. Детство прошло в небольшой по тем временам марийской деревне, расположенной недалеко от реки Волга. Жилось очень бедно. Так уж повелось, исстари старшее поколение передавало свои воспоминания молодому поколению. На этом держалось продолжение традиций и обычаев, так транслировалось героическое прошлое народа. В этой среде и рос талантливый мальчик из деревни Носелы.

Суровые годы Великой Отечественной войны не помешали юному Ксенофонту постигать знания в школе, сначала в начальной, а затем и семилетней. После окончания Мало-Сундырской семилетней школы отец просил сына остаться в колхозе, чтобы самому заработать деньги на дальнейшую учебу в средней школе (обучение в средней школе было платным). Однако по рекомендации своей учительницы отличник Ксенофонт поступает в Козьмодемьянское педагогическое училище. Мы полагаем, что именно в годы учебы в педучилище стала складываться мировоззренческая канва жизни будущего академика. Водоворот событий во время учёбы в училище поглотил его с головой. Педагоги учебного заведения открыли у него много задатков и способностей. У одаренного ученика давалось легко освоение многих предметов. Он увлекался рисованием и музыкой. Эти предметы входили в учебный курс педучилища. После его окончания перед молодым человеком открылось много путей. Эти раздумья отражены в стихотворении «Поворот», написанным уже в зрелом возрасте.

Как покинул ты отчий порог,
Пред тобой открылось много дорог.
Та или эта оказалась тебе сразу закрыты,
Но не мало и тех, что для всякого открыты…

К. Сануков с отличием закончил педучилище, учеба в нём оставила заметный след в жизни ученого. Он решил продолжить образование и вне конкурса поступил на историко-филологический факультет Марийского педагогического института имени Н.К. Крупской. Здесь по-настоящему постигает профессию педагога, специальность историка. Именно в стенах пединститута у него формируется потребность в исторических знаниях, к литературному творчеству и общественной деятельности.

В институте он сочетал отличную учебу с активной работой в комсомольской организации факультета и института. Он был Сталинским стипендиатом и комсомольским активистом. На волне успехов в учёбе и общественной работы он принял решение вступить в члены КПСС. Период кандидатского стажа и первые месяцы после вступления в члены партии совпали с работой XX съезда КПСС и разоблачением культа личности Сталина. Эти события оказали существенное влияние на сознание будущего историка и сыграли важную роль в формировании исследователя. Началом научной деятельности можно считать участие выпускника пединститута в конкурсе студенческих работ, посвященных 40-летию Ленинского комсомола. В процессе поиска материалов для конкурсной работы К. Сануков впервые сталкивается с архивными документами, которые потрясли его как человека и гражданина, а в дальнейшем сыграли заметную роль в научных изысканиях.

Отличная учеба, способность к научно-исследовательской работе, активная общественная позиция студента не осталась незамеченной преподавателями кафедры истории МГПИ имени Н.К. Крупской, на которой в те годы работали крупные учёные, профессора В.Ф. Пашуков и В.М. Тарасова. Работая ассистентом кафедры истории, будущий ученый-историк сделал первые шаги в науке. В эти годы он публикует свои первые научно-популярные статьи об истории марийского края на страницах газет «Марийская правда», «Молодой коммунист», «Марий коммуна».

В апреле 1960 года Сануков К.Н. переходит на журналистскую работу. Он становится редактором молодежной газеты «Молодой коммунист», где у него возникают качества организатора и руководителя коллектива профессиональных журналистов. Он становится автором работ научно-исторического жанра. В этот период было издано 13 научно-публицистических статьей по истории Марийского края. В них изложены исторические факты и события с позиции советской историографии. При написании работ он руководствовался научными принципами в исследовании прошлого. Журналистский опыт сыграл существенную роль в дальнейшей научно-исследовательской деятельности К.Н. Санукова. «В моей творческой работе научные изыскания переплелись с общественно-политической публицистикой, иногда последняя приобретала доминирующее значение и даже требовала активного участия в общественно-политической жизни. Но, как бы то ни было, жизнь была насыщенной, наполненной и жизненно-важными делами, и необязательной суетой, и наивными мечтаниями» (3, с. 4).

Ксенофонт Никанорович полностью отдался исторической науке в январе 1962 года. Именно тогда он становится научным сотрудником сектора истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР. За четыре года научно-исследовательской работы молодой ученый-историк К.Н. Сануков написал более 60 научных, научно-популярных, просветительских и публицистических

работ, посвященных истории марийского края, трудовым и боевым подвигам уроженцев республики. В этот период возникает тесное сотрудничество с ученым-историком Г.Н. Айплатовым. Многие литературные произведения той поры имели псевдоним К. Волгин. Псевдоним «Волгин» им был взят не зря. Историю его появления он связывает с великой русской рекой Волгой, где прошли его детские годы.

Социально-экономические преобразования в СССР и Марийской АССР в середине 60-х годов XX века потребовали молодых, энергичных, образованных людей в сферах управления партийными организациями и советскими органами. В сентябре 1966 года его пригласили на работу в аппарат Марийского обкома КПСС. Он сочетал работу в отделе пропаганды и агитации, руководство сектором культуры обкома партии с научными исследованиями и литературной публицистикой. В этот период им опубликовано более 80 научных и литературных трудов, посвященных истории края, развитию промышленности и роли рабочего класса. В феврале 1970 года Сануков К.Н. защищает кандидатскую диссертацию в Институте истории Академии наук СССР на тему: «Развитие промышленности Марийской АССР в 1956–1965гг.», которая стала крупным результатом научных изысканий в послеинститутский период и первым шагом в большую историческую науку. «Его научным наставником многие годы являлся доктор исторических наук, профессор В.Ф. Пашуков, талантливый учёный и организатор, во многом определивший направленность и творческую лабораторию молодого учёного» (2, с. 294).

В августе 1971 года Сануков К.Н. возвратился к научно-педагогической деятельности. Он работал старшим преподавателем, затем доцентом кафедры истории КПСС Марийского политехнического института им. М. Горького, заведующим кафедрой истории КПСС Ульяновского сельскохозяйственного института, в должности доцента кафедры научного коммунизма Рыбинского авиационного технологического института. Обширная география мест научно-педагогической деятельности нанесла отпечаток на содержание его научных исследований. В 1971–1982 годах им было опубликовано более 61 научных и литературно-публицистических работ. В них отражены результаты исследований по истории рабочего класса, его ведущей роли в социально-экономическом развитии Марийской республики, Поволжского и Приуральского регионов. Важное место в его научных изысканиях занимают проблемы национальных отношений в автономных республиках Поволжья, вопросы интернационального воспитания молодежи, в том числе студенческой. Именно в этот период у Санукова К.Н. было создано ряд научно-методических трудов. Он разработал методические рекомендации по изучению курса истории КПСС, темы рефератов для студентов вуза, принял участие в создании учебного пособия по истории Марийского края для учащихся средних школ. Много времени уделял публицистической и литературной деятельности, в рамках которой рассказывал о замечательных людях прошлого и настоящего республики.

В апреле 1982 г. К.Н. Сануков возвратился в родную республику и возглавил Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (МарНИИ). По его инициативе и под его руководством в институте были проведены разнообразные исследования и проведены научные конференции по актуальным проблемам гуманитарных наук. В процессе работы над докторской диссертацией «Рабочий класс – ведущая сила экономического сотрудничества народов СССР (60–70-е годы)», защита которой состоялась в Институте истории Академии наук СССР в 1986 году, им опубликованы более 30 научных трудов. Они отразили результаты исследований по проблеме роли рабочего класса в социально-экономическом развитии СССР, Поволжья и Урала в экономической, социальной, политической и культурной сферах общества. В диссертации было уделено большое внимание интернациональному воспитанию населения страны при сохранении национального и культурного наследия народов СССР.

Дальнейшая научно-педагогическая деятельность доктора исторических наук К.Н. Санукова связана с высшими учебными заведениями Марийской республики. В 1986–1991 гг. он заведовал кафедрой истории КПСС (политической истории и политологии) Марийского государственного политехнического института. С ноября 1991 г. организаторская, методическая и творческая деятельность профессора (с 1989 г.) К.Н. Санукова связана с Марийским государственным университетом. На всех ответственных должностях (заведующий и профессор кафедры региональной истории, а ныне – профессор кафедры отечественной истории), он прилагал и прилагает много усилий для дальнейшего развития исторической науки в университете, воспитанию молодых ученых-историков, исследованию истории марийского края.

Велик вклад профессора К.Н. Санукова в изучение финно-угорских народов. Он стоял у истоков созданного в Йошкар-Оле в октябре 1990 года Фонда развития культур финно-угорских народов, который инициировал проведение многочисленных фестивалей фольклора, национальных театров, телевизионных программ, создание ассоциаций музеев, библиотек, организовал проведение резонансных научных конференций по проблемам этнокультурного развития финно-угров. На протяжении всего периода существования Фонда его возглавлял Н.Н. Гаврилов, соавтор данной статьи. В МарГУ К.Н. Сануков с 1991 года преподаёт спецкурс «История финно-угорских народов». В 1992–1996 годы состоял членом исполкома Ассоциации финно-угорских народов России. В 1994 году основал и возглавил редакцию журнала «Финно-угроведение» при МарНИИ. В этой должности он находится поныне. В своих многочисленных публикациях он делится результатами исследований финно-угорских народов в качестве исторической, этнической и языковой общности людей.

К.Н. Сануков опубликовал ряд исследований, посвященных отечественным и зарубежным финно-угроведам, таким как: И.Н. Смирнов, В.М. Васильев, Хено Сарва (Эстония), Эдене Беке, Илдико Лехтинен, Петер Домокош (Венгрия), Сеппо Лаллукка (Финляндия) и другим.

В конце XX – начале XXI веков профессор К.Н. Сануков стал членом оргкомитетов, принял участие и сделал доклады на ряде высших форумов финно-угорской научной общественности. К ним относятся: Всемирный конгресс финно-угорских народов (Сыктывкар, 1992), Третья Международная встреча финно-угорских писателей (Эгер – Венгрия, 1995), Международная научная конференция «Идентитет и национальная историография в регионе северо-восточной Балтики в XIX–XX веках» (Каусала – Финляндия, 1994), Восьмой международный конгресс финно-угроведов (Ювяскуля – Финляндия, 1995), Второй всемирный конгресс финно-угорских народов (Будапешт – Венгрия, 1996), Европейская региональная конференция «Европейские исследования: проблемы и перспективы развития» (Йошкар-Ола, 1998), Международный научный семинар «Финно-угорский мир и XXI век» (Йошкар-Ола, 1998), Второй международный конгресс по истории финно-угорских народов (Таллинн–Эстония, 1998), Вторая Всероссийская научная конференция финно-угроведов (Саранск, 1999), Международная научная конференция «Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков» (Москва, 2001), III Международный конгресс историков финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2004), X Международный конгресс финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005).

В 2005 году К.Н. Сануков стал генеральным секретарем Международного конгресса финно-угорских народов и главным редактором 8-томника трудов конгресса. Много сил вкладывает ученый в издание журналов, где является членом редколлегий: «Марийский мир – Марий сандалык» (Йошкар-Ола), «Finno-Ugrica» (Казань), «Ежегодник финно-угорских исследований» (Ижевск).

Большое теоретическое значение имеют труды К.Н. Санукова в области историографии истории финно-угров. Исследования в этой области охватывают несколько десятилетий (4). Многие годы он был председателем общества «Марий Эл – Венгрия».

Широк диапазон научных интересов К.Н. Санукова. За годы своей научно-педагогической и общественно-политической деятельности им опубликовано более 900 научных, научно-популярных, публицистических, учебно-методических работ, без учета статей в различных средствах массовой информации. Десять молодых ученых-историков защитили кандидатские диссертации под научным руководством Ксенофонта Никаноровича. Девять докторских и 15 кандидатский диссертаций защищены, официальным оппонентом которых был К.Н. Сануков. Он – участник 30 международных конференций, член оргкомитета некоторых из них. Он читал лекции в США, Венгрии, Финляндии, Германии, Польше, Эстонии, Швеции, Австралии.

За заслуги перед наукой К.Н. Сануков 15 декабря 1994 года избран действительным членом Российской Академии гуманитарных наук, получил звание академика. Государство ему присвоило почётное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1998). Он – Почетный про-

фессор Марийского государственного университета» (2004), лауреат Государственная премия Республики Марий Эл им. Янтемира в области науки (2005).

В знак благодарности за добросовестный труд во имя Отечества награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени» (2006), медалью «За гуманизм и служение России» (2005), Медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл», Почетными грамотами Государственного Собрания Республики Марий Эл и администрации муниципального образования «Горномарийский район».

За заслуги перед жителями г. Йошкар-Олы и Горномарийского района он по праву носит звание «Почетный гражданин города Йошкар-Олы» и занесен в Книгу Почета Горномарийского района.

Авторы статьи сердечно поздравляют Ксенофонта Никаноровича Санукова с юбилейной датой, желают ему крепкого здоровья, благополучия, успехов в дальнейшей научной деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* Профессор Сануков Ксенофонт Никанорович. (К 75-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. Научно-практический ежегодник. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. № 20. С. 303–306.

2. *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г., Стариков С.В.* Профессор Сануков Ксенофонт Никанорович. (К 70-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. Научно-практический ежегодник. № 15. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 293–299.

3. *Сануков К.Н.* Марий Эл: между прошлым и будущим. Историческая публицистика: сборник статей, выступлений и интервью / Мар. гос. ун-т; К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2014. – 419 с.

4. *Сануков К.Н.* Финно-угры и финно-угроведение. Сб. статей. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 324 с.

ЛИТЕРАТУРА О САНУКОВЕ К.Н.

Сануков Ксенофонт Никанорович, библиогр. указатель / науч. б-ка им. Р.А. Пановой МарГУ; сост.; Н.А. Левенштейн, науч. ред. и отв. за вып. В.В. Изыкин. – Йошкар-Ола, 2009. – 132 с. – (материалы к библиографии ученых МарГУ. Вып. 32).

О. Малинина. Историческое финно-угроведение в трудах К.Н. Санукова (вместо послесловия) // Финно-угроведение. 2010. № 1.

Борис Соловьев
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ В.В. НИКИТИНА

Исполнилось 75 лет известному российскому археологу (1, с. 59; 2, с. 3–9; 3, с. 79–82; 4, с. 381; 5, с. 253; 6, с. 226–227; 7, с. 112–116; 8, с. 44–46; 9, с. 5–12), исследователю древнейших периодов истории Волго-Камья, доктору исторических наук Валерию Валентиновичу Никитину.

В.В. Никитин родился 17 февраля 1940 года в селе Плужное Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области Украинской ССР. Его отец, Валентин Филиппович работал инженером машинно-тракторной станции; мама Анна Нисовна – химиком на спиртзаводе. Вскоре грянула Великая Отечественная война. Отец погиб на фронте, малолетних детей воспитывали мать с дедом. От сурового военного и послевоенного детства ярко сохранились воспоминания о постоянном чувстве голода, кормилице корове Зорьке с черной головой и белым круглым пятном на лбу.

Закончилось военное лихолетье, жизнь постепенно налаживалась, но по-прежнему была трудной, приходилось подрабатывать подсобным рабочим, учеником токаря. Суровые детские годы приучили к преодолению жизненных невзгод, формированию важных качеств характера: самостоятельности, неприхотливости, настойчивости, трудолюбия. После окончания средней школы встал вопрос: куда пойти учиться? Валерий Валентинович с юмором рассказывает, что, вспомнив крылатое выражение классной руководительницы: «Никитин, твой предел – СПТУ!», стал «студентом-механизатором», и то благодаря случаю – руководителю оркестра сельского профессионального технического училища «нужен был музыкант-тенор, а я с пятого класса играл именно на этом инструменте». Окончив училище (1957 год), молодой механизатор отправился

покорять целинные земли Северного Казахстана, где проработал до призыва в ряды Советской Армии.

После демобилизации (1962 год) бывший танкист, решив получить высшее образование, поступил на историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. Знакомство с азами археологии произошло благодаря преподавателю института В.И. Цехмистренко. Будучи студентом, Валерий Валентинович дважды участвовал в раскопках городища Беляус под руководством известного специалиста по древней истории Крыма О.Д. Дашевской и до сих пор хранит теплые воспоминания об этой мужественной женщине, глубоко преданной археологической науке. После окончания ВУЗа В.В. Никитин был направлен в г. Урай Тюменской области, где три года трудился школьным учителем, воспитателем, бурильщиком нефтеразведки.

Начало длительной научной деятельности юбиляра связано с возвращением в г. Йошкар-Олу (1968 г.). Он стал сотрудником, затем, заведующим дореволюционным отделом Марийского научно-краеведческого музея. Удручающее хаотичное состояние археологического фонда усугублялось поступлением обширных материалов новостроечной Чебоксарской экспедиции Института археологии Академии наук СССР. Больших усилий стоили упорядочение хранения и систематизация многочисленных коллекций, ставших доступными для исследователей. Одновременно совершенствовались приемы полевых работ при раскопках Марийским отрядом Чебоксарской экспедиции Руткинского, Выжумского поселений, древнемарийского Починковского могильника.

В начале 1970 годов Валерий Валентинович навсегда связал свою профессиональную жизнь с Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). Здесь он работал младшим и старшим научным сотрудником, заведующим отделом археологии и этнографии (с 1983 года) и отделом археологии (1986–2014 годы), в настоящее время – главный научный сотрудник.

Научные изыскания В.В. Никитина можно разделить на два основных этапа.

Начало положено изучением средневолжских волосовских древностей под руководством выдающегося исследователя древнейшей истории Волго-Камья, доктора исторических наук профессора А.Х. Халикова. Прежде всего, необходимо было решить задачу расширения источниковой базы. Почти десять лет заняли интенсивные полевые работы. Выявлены десятки памятников; большими площадями раскопаны многочисленные известные и недавно выявленные поселения волосовской культуры: Уржумкинское, Ахмыловское II, Мазарское I, Шордоер, Мариер, Барские Кужеры III, Майданские II, III, VI, Майданская стоянка; изучены остатки более двадцати построек. Результаты раскопок регулярно публиковались (19, №№ 21, 22, 29, 30, 31,39, 41, 44, 45, 49). Большую роль в становлении ученого сыграли стажировка (1976 год, Институт

археологии Академии наук СССР, руководитель – известный специалист первобытной археологии, доктор исторических наук Д.А. Крайнов) и заочная аспирантура (1976–1979 годы, Институт истории Казанского филиала Академии наук СССР, руководитель А.Х. Халиков).

Новые материалы позволили дать расширенную характеристику материальной и духовной культуры, общественных отношений, хозяйственной деятельности волосовского населения. Приведены убедительные доказательства его принадлежности к эпохе раннего металла. Открытие ранних памятников красномостовского типа позволило по-новому взглянуть на истоки и формирование средневолжской волосовской культуры. Логическим завершением ее многолетнего изучения стала успешно защищенная кандидатская диссертация «Энеолит Волго-Камского междуречья» (Ленинград, 1983 год), ставшая основой вышедшей в 1991 году монографии «Медно-каменный век Марийского края (середина III–II тысячелетия до н.э.)» (13). Впоследствии В.Н. Никитин неоднократно обращался к волосовской проблематике, продолжая раскопки поселений: Сосновая Грива III, Удельный Шумец VI, Дубовское VIII, Майданское IV и другие, публикуя новые материалы и обобщающие статьи (14; 19, №№ 56, 68, 75, 101, 128, 149, 152, 169, 195, 196).

Второй период связан с изучением эпохи камня. К началу 1980 годов каменный век Марийского Поволжья характеризовался немногочисленными памятниками, не дающими полного представления о древнейших периодах истории региона. Настойчивость и целеустремленность позволили Валерию Валентиновичу вскоре решить насущную проблему пополнения источников.

На Юльяльской стоянке был выделен верхнепалеолитический комплекс (19, №163). Благодаря раскопкам многочисленных поселений: Удельный Шумец X, XII, Ясачное I, Дубовские XI, XIII, XVIII, Нижняя Стрелка I, VI и другие, достигнуты большие успехи в изучении мезолита. Дана исчерпывающая характеристика эпохи, отмечена неоднородность населения, совмещающего уральские и волго-окские культурные традиции (19, №№ 65, 67, 70, 77, 78, 100, 168, 171, 193).

Огромный прорыв был осуществлен в изучении неолита. Получены новые материалы камской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики Галанкина Гора II, Дубовские VIII, XII, Нижняя Стрелка V и другие (19, № 57, 58, 62; 207). Большое значение имело открытие пласта памятников пришлой лесостепной скотоводческой культуры накольчатой керамики: Дубовские, Отарские и другие поселения (19, №№ 46, 48, 50, 53, 74, 87, 107). Находки костей домашних животных уточнили время появления производящего хозяйства в лесной зоне. Получены свидетельства сложных этнокультурных процессов на основе взаимодействия мигрантов, с местным охотничье-рыболовческим населением – носителями камской и ямочно-гребенчатой керамики.

Научная деятельность В.В. Никитина получила высокую оценку коллег. По совокупности работ на тему «Мезолит и неолит Среднего Поволжья» ему

была присуждена степень доктора исторических наук (Институт археологии Российской Академии наук, 1998 год).

В последние годы Валерием Валентиновичем разрабатываются проблемы неолитизации лесного Волго-Камья, типологической периодизации и радиоуглеродного датирования неоэнеолитических культур региона (19, №№ 204, 205, 208). Итоги длительного изучения каменного века подведены в капитальных монографиях «Каменный век Марийского края» (13), «Ранний неолит Марийского Поволжья» (18).

Особо следует остановиться на одном из важнейших аспектов многогранной научной деятельности В.В. Никитина. Наряду с интенсивными раскопками, более сорока лет он активно занимался разведочным обследованием территории Республики Марий Эл, лично открыв свыше пятисот (более половины известных здесь) археологических объектов (9, с. 9–12). Заключительным обобщением регулярно пополнявшегося реестра (10; 11; 23, с. 101–131) стали «Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла» (12) и «Археологическая карта Республики Марий Эл» (17). Марийская археологическая экспедиция (МарАЭ) при непосредственном участии и под руководством (с 1993 года) В.В. Никитина сыграла главную роль в изучении памятников зоны затопления Чебоксарского водохранилища. Среди них отметим широко известные могильники Нижняя Стрелка, Усть-Ветлуга; поселения Галанкина гора, Майданские, Отарское VI, Дубовское III, Удельно-Шумецкие VI, XX. Результаты обширных работ МарАЭ характеризуют «Материалы Марийской археологической экспедиции». Валерий Валентинович – один из инициаторов возрождения (первые три книги подготовлены А.Х. Халиковым в 1960 годах) этого серийного издания, насчитывающего девять томов (14; 15; 18; 20; 21; 22).

Как и прежде, юбиляр участвует в конференциях и симпозиумах, оппонирует диссертации, занимается редакторской деятельностью. Долгое время был членом Диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Удмуртском государственном университете. Он автор и соавтор 209 печатных работ, в том числе 9 книг (19, с. 190–206). Круг его научных интересов широк и разнообразен. Наряду с основанными трудами, посвященными материальной и духовной культуре, хозяйственно-экономической деятельности, социальной структуре сообществ эпохи камня и раннего металла, им рассматривались вопросы палеогеографии, палеоастрономии, мифологии, первобытного искусства. Большое значение уделяется публикациям материалов, накопленных за долгие годы полевых исследований. Недавно подготовлена к изданию капитальная монография «Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье», ведется работа над книгой «Мезолит Марийского края».

За длительную плодотворную научную деятельность В.В. Никитин удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл»

(1995 год), Благодарности Государственного собрания Республики Марий Эл (2010 год), награжден Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл (2000 год), медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2015 год). За монографию «Археологическая карта Республики Марий Эл» (17) ему присуждена Государственная премия Республики Марий Эл 2008–2009 годы в области научной публикации: естественных и гуманитарных наук – имени М.Н. Янтемира. Подготовленное совместно с Т.Б. Никитиной издание «К истории марийского искусства» (16) получило Диплом Республиканского конкурса «Книга года Марий Эл» (2004 год).

Коллеги и друзья от всей души желают уважаемому Валерию Валентиновичу крепкого здоровья, долголетия, дальнейших успехов в науке, семейного благополучия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Археологи Волго-Уральского региона. Справочник. – Уфа, 2002.

2. *Соловьев Б.С.* Никитин В.В. – тридцать лет поисков и открытий // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 2000.

3. *Кузьминых С.В.* «Я в дороге, я в пути» (К 60-летию В.В. Никитина) // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 2000.

4. Кто есть кто в Марий Эл. Биографический справочник. – Йошкар-Ола, 2002.

5. Марийская биографическая энциклопедия. – Йошкар-Ола, 2007.

6. Чувашская энциклопедия. Т. 3. – Чебоксары, 2009.

7. *Соловьев Б.С.* В.В. Никитин (к 70-летию со дня рождения) // Финноугроведение. №1. 2010.

8. *Иванов А.А., Иванов А.Г.* Историки Марий Эл XX – начала XXI века. Биобиблиографический справочник. – Йошкар-Ола, 2013.

9. *Соловьев Б.С., Никитина Т.Б.* Дороги, которые нас выбирают (к 75-летию В.В. Никитина) // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Археология и этнография Марийского края. Вып. 31. – Йошкар-Ола, 2015.

10. *Никитин В.В., Старостин П.Н.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1978.

11. *Никитин В.В. Патрушев В.С.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. 3. – Йошкар-Ола, 1982.

12. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1990.

13. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – II тысячелетия до н.э.). – Йошкар-Ола, 1991.

14. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. – Йошкар-Ола, 1996.

15. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VII. – Йошкар-Ола, 2002.

16. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола, 2004.

17. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

18. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IX. – Йошкар-Ола, 2011.

19. Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Археология и этнография Марийского края. Вып. 31. – Йошкар-Ола, 2015.

20. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. – Йошкар-Ола, 1999.

21. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

22. *Большов С.В.* Средневолжская абашевская культура. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VIII. – Йошкар-Ола, 2003.

23. *Никитин В.В.* Материалы к атласу археологических памятников Республики Марий Эл / Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье. Вып. 2. – Йошкар-Ола. 1993.

Эльвира Пекшеева
Йошкар-Ола

ВКЛАД И.Г. ИВАНОВА В РАЗВИТИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(к 80-летию со дня рождения)

В этом году отметил бы свое 80-летие великий марийский языковед, один из видных и талантливых деятелей науки Республики Марий Эл, внесший огромный вклад в развитие марийской филологии и национального образования, доктор филологических наук, профессор Иван Григорьевич Иванов. Вся его творческая деятельность направлена на исследование истории и современного состояния марийского литературного языка, проблем фонетики, лексики, орфографии, топонимики, диалектологии, этимологии и стилистики. В каждую область своих исследований ученый внес значительный вклад, подняв тем самым марийское и в целом финно-угорское языкознание на новый качественный уровень развития.

Иван Григорьевич Иванов, доктор филологических наук (1975), профессор (1981), действительный член Академии гуманитарных наук (академик, 1994), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2002), Заслуженный деятель науки Марийской АССР (1979), зарубежный член Финно-угорского общества (1983, Финляндия), член Общества им. М. Кастрена (1990), Почетный профессор Марийского государственного университета (1994), кавалер ордена Креста Марьямаа четвертой степени Эстонской Республики (2006), лауреата государственной премии Республики Марий Эл имени М.Н. Янтемира (2011).

Родился он 15 мая 1935 г. в дер. Чодраял Куженерского района Марийской АССР. Учился в Нурсолинской начальной, Большецаранурской семилетних школах. Окончил Новоторъяльское педагогическое училище (1953), отделение русского и марийского языков историко-филологического факультета МГПИ им. Н.К. Крупской (1960). Обучался в аспирантуре при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета (1961–1964). Под руководством академика Пауля Аристе написал и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетика тоншаевского говора марийского языка» (1965). В своей работе он рассматривал такие важные вопросы, как выявление фонетических особенностей тоншаевского говора, возникших в процессе историко-культурных взаимоотношений его носителей с соседствующими

народами в условиях уральского языкового ландшафта, определил общее и специфическое в артикуляторных характеристиках фонем тоншаевского говора и литературного языка, установил границы распространения данного говора и т.д. В целом диссертационное исследование И.Г. Иванова «Фонетика тоншаевского говора марийского языка» – это обобщающий труд, содержащий ценные сведения и факты по основным закономерностям межъязыкового диалектного взаимодействия на фонетическом уровне и представляющий определенный интерес для теории лингвогеографических исследований Урало-Поволжской историко-этнографической области. Выявленные им в ходе исследования материалы способствуют разработке общетеоретических вопросов по проблемам межъязыковых контактов, взаимодействия и функционирования лингвистических ареалов (1, с. 11–12).

Его трудовая деятельность многогранна: учитель сельских школ (1953–1955), редактор Марийского книжного издательства (1964–1965), старший научный сотрудник (1966–1975) и заведующий сектором языка МарНИИ, заведующий кафедрой марийской филологии (1975–1990), декан историко-филологического факультета (1977–1988), в 1991–2000 гг. – профессор кафедры финно-угорских языков, в 2000–2005 гг. – заведующий кафедрой марийского языка, профессор кафедры марийского языка (2005–2012), в 2006–2012 гг. – заведующий лабораторией «Марийская школа», по совместительству заведующий кафедрой марийской филологии и культурологии Марийского института образования (1994–2000).

Девиз И.Г. Иванова: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца» (2, с. 221). Иван Григорьевич – автор более 350 публикаций (научных статей, отзывов, статей-размышлений, рецензий и очерков и т.д.), в т.ч. 30 книг: монографий, вузовских учебников, учебно-методических пособий, как для учителей, так и для студентов. Основная область его научной деятельности – история марийского литературного языка, его современные проблемы, по вопросам которого он издал 5 монографий и опубликовал свыше 100 различных статей.

С 1966 года И.Г. Иванов вплотную занялся научной деятельностью. В соавторстве с Г.М. Тужаровым издал первые два выпуска из серии «Марийские диалекты» – монографию «Северо-западное наречие марийского языка» (3) и «Словарь северо-западного наречия марийского языка» (4). Монографическое исследование «Северо-западное наречие марийского языка» является результатом обработки большого количества материалов, собранного авторами во время экспедиций к носителям северо-западного наречия. Основное внимание было обращено, главным образом, только на фонетику и морфологию как наиболее интересные и важные с точки зрения диалектологического изучения разделы (3, с. 5). «Словарь северо-западного наречия марийского языка» является как бы продолжением монографии «Северо-западное наречие марийского языка». Как отмечается в работе «Диалект, слова которого собраны в данном словаре, в настоящее время переживает все более усиливающийся процесс своего исчезновения вследствие ассимиляции его носителей с соседним

русским населением» (4, с. 5). Данный словарь в то время представлял собой первый опыт диалектологического словаря в марийской лексикологии, если не считать опубликованного в Финляндии словаря восточномарийского диалекта Х. Паасонена. Им был опубликован также ряд статей по диалектологии, лексике и истории письменности.

Роль И.Г. Иванова в исследовании, развитии и обновлении марийского языка чрезвычайно огромна. Основные труды его творчества связаны именно с данной проблемой. «История марийского литературного языка» (1975) – фундаментальное исследование, в котором автор не только анализирует основные периоды в развитии марийского литературного языка, но и дает им соответствующую оценку. Он убедительно доказал, что литературный язык у марийского народа появился задолго до революции 1917 г., определил основные этапы его развития, произвел историко-лингвистический анализ пути развития марийского языка от первых образцов его письменных памятников до современных литературных текстов, истории развития его общественных функций в течение последних ста лет (5, с. 3). В своей диссертации «Возникновение и развитие марийского литературного языка» исследователь четко выразил свое отношение к проблемам формирования лексико-грамматических, орфографических и стилистических норм литературного языка. При определении признаков проявления норм литературного языка он призывал непременно учитывать исторические условия, в которых они формировались (1, с. 13).

С 1975 года деятельность И.Г. Иванова связана с Марийским государственным университетом. Он занимался составлением учебников и учебных пособий, программ для вузов. Иван Григорьевич – автор учебников по марийской диалектологии (1981), истории марийского литературного языка (2003), фонетики современного марийского языка (2000), биобиблиографических сборников «Марийские филологи» (1988) и «Марийские лингвисты» (в соавторстве с В.Н. Васильевым), программ по истории литературного языка, современного марийского языка, диалектологии. Под его руководством членами кафедры марийского языка исследованы фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности моркинско-сернурского говора марийского языка. А в 2014 году вышла коллективная монография «Моркинско-сернурский говор марийского языка», которая представляет собой научное описание моркинско-сернурского говора – диалектной базы марийского литературного языка. Иван Григорьевич является составителем разделов «Введение», «Фонетика», списка слов и карты (6, с. 4).

Заметный вклад внес И.Г. Иванов в дело совершенствования марийской орфографии, являлся научным редактором «Орфографических словарей» 1992 и 2011 гг. Профессор придерживался точки зрения отражения в написании особенностей фонетики марийского языка. Это, прежде всего, относится к уточнению написания сложных образований и русских заимствований. По вопросам алфавита и орфографии им написано ряд статей: «Этапы развития марийской графики и орфографии» (1975), «Марийский язык. Совершен-

ствование алфавита и орфографии» (1982), «Латинизация марийского алфавита» (1971), «О новой орфографии марийского языка (1989), «Новый орфографический словарь» (1992), «О сложных словах» (1994), «О некоторых особенностях употребления согласных в марийском языке» (1996), «Какой алфавит более подходит для марийского языка» (1999) и т.д.

Профессор И.Г. Иванов немало внимания уделял вопросам лексики марийского языка. Он один из авторов многотомного «Словаря марийского языка» (1990–2005), «Русско-марийского словаря» (1966), «Словаря синонимов марийского языка» (1975 в соавторстве с Е.Н. Мустаевым), составитель «Словаря новых слов марийского языка» (2001), «Словаря лингвистических терминов марийского языка» (2004). По данной проблеме ему принадлежат многочисленные статьи, среди которых необходимо назвать такие, как «Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края» (1969), «Вопрос о пуризме в марийском языкознании» (1975), «Топонимические этюды» (1978), «Еще раз об этнониме «черемис» (1978), «Нужно ли обогащать лексику в современное время» (1989), «Нужно вернуть забытые слова» (1989), «Проблема обогащения лексики марийского литературного языка на современном этапе» (1993), «Слова образуются разными способами» (1993), «К проблеме формирования терминологической лексики марийского языка» (2003) и т.д.

Теоретическую деятельность наглядно демонстрируют его практические труды, труды по развитию и обновлению языка. И.Г. Иванов являлся безусловным приверженцем создания терминологии на марийском языке. В 2001 году он издал словарь новых слов «Мутвундынам пойдарена: у мут-влак мутер» (7), в котором словарный состав обогатил не только заимствованиями из диалектов, но и творческим созданием их по законам марийского языка, следуя правилам словообразовательных возможностей родного языка (8, с. 22). В 2005 году в Собатхее (Венгрия) издан «Словарь лингвистических терминов марийского языка» (2005). Словарь подготовлен на кафедре марийского языка МарГУ по идее и под научным руководством профессора И.Г. Иванова. Большинство слов «Словаря лингвистических терминов» свидетельствует о том, что одним из важных моментов при их создании автор считал образность, возможность понимания терминов с первого взгляда (8, с. 22). Интересно, что при образовании некоторые терминов используются суффиксы, выражающие их функции, например: ***ман**-инфинитив*, ***шаш**-инфинитив* 'инфинитив долженствования' (8, с. 59) и др.

И.Г. Иванов является составителем «Пособия по делопроизводству на марийском языке» (2007), которое представляет собой первый опыт подготовки издания спавочного материала по делопроизводству на марийском языке. В нее включены слова и выражения, встречающиеся в официально-деловой переписке, а также названия наиболее распространенных учреждений, организаций, предприятий, обществ и т.д. Пособие должно способствовать достижению единообразия в оформлении деловых бумаг, вывесок и других официальных названий, формированию канцелярской терминологии на

марийском языке (9, с. 3). По мнению И.Г. Иванова «в сохранении языка для будущих поколений едва ли не самая главная роль отводится наличию в нем развитого официально-делового стиля, использовании его в государственном управлении… Чуждыми, непривычными они покажутся только на первых порах…» (9, с. 5). Из предложенных И.Г. Ивановым терминов, широко начали употребляться такие слова, как *тӧнеж* 'учреждение', *кӱштык* 'указ' (9, с. 31) и др.

Труды И.Г. Иванова широко обсуждались и получили признание на международных конгрессах финно-угроведов (Таллинн, 1970; Будапешт, 1975; Турку1980; Дебрецен, 1990; Ювяскюля, 1995; Тарту, 2000; Йошкар-Ола, 2005), а также на многих международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских, вузовских научных и научно-практических конференциях.

И.Г. Иванову свойственно было заинтересованное, пристрастное отношение ко всему, что делается в финно-угроведении и марийском языкознании, пристальное внимание ко всем аспектам финно-угроведения и понимание задач дальнейшего движения науки в области изучения марийского языка. Он поддерживал тесные контакты со многими российскими и зарубежными финно-угорскими научными центрами. Являлся членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций по финно-угорским языкам при Марийском государственном университете, членом многих ученых советов, различных научных комиссий, членом редколлегии международного научного журнала «Linguistica Uralica» (Таллин), всероссийского журнала «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола). Успешно занимался подготовкой аспирантов, приглашался официальным оппонентом и при этом заслужил оценку мыслящего оппонента.

И.Г. Иванов был необычайно целеустремленным и последовательным в своих научных изысканиях и работоспособным ученым, полным новых замыслов и планов.

Светлая память об Иване Григорьевиче Иванове – замечательном и добром человеке, великом ученом навсегда останется в наших сердцах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Достойный сын марийского народа. К юбилею И.Г. Иванова / Мар. гос. ун-т; авт.-сост. В.Т. Михайлов. – Йошкар-Ола, 2010. – 152 с.

2. Кто есть кто в Марий Эл. Биографический справочник / Сост. В.А. Мочаев. – Йошкар-Ола, 2002.

3. *Иванов И.Г.* Северо-западное наречие марийского языка / И.Г. Иванов, Г.М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1970. – 225 с.

4. *Иванов И.Г.* Словарь северо-западного наречия марийского языка / И.Г. Иванов. Г.М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1971. – 304 с.

5. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975. – 256 с.

6. Иванов И.Г. М. Моркинско-сернурский говор марийского языка. Фонетика. – Йошкар-Ола, 2014. – 125 с.

7. *Иванов И.Г.* Мутвундынам пойдарена (Словарь новых слов марийского языка). – Йошкар-Ола, 2001.

8. *Иванов И.Г.* Словарь лингвистических терминов марийского языка. Марла йылмышанче терминологий мутер / сост., науч. ред., предисл. И.Г. Иванова. – Szombathely, 2005.

9. *Иванов И.Г.* Кагазвиктыш сомылым марла шуктышо-влаклан полдшык. Пособие по делопроизводству на марийском языке. – Йошкар-Ола, 2007.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец: Сануков К.Н. Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее: монография. Мар. гос. ун-т; К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2011. – 192 с.

Научному освещению исторического прошлого и современного положения нерусских народов России за последние годы стало придаваться большое значение. Такое внимание вызвано не только происходящими переменами в социально-экономической сфере и культурной жизни страны, но и нарастанием процессов урбанизации, глобализации, языковой и культурной ассимиляции. С усилением культурной интеграции в обществе расширяется взаимовлияние народов, их сотрудничество в этническом возрождении, сохранении национальной самобытности и приумножении культурного разнообразия. Больше стало уделяться внимания приобщению молодежи к культурному наследию. Малые народы заговорили о необходимости защиты своих языковых прав.

Финно-угорские и родственные с ними в языковом отношении самодийские народы России принято относить к числу этнических групп с немногочисленным населением (насчитывающих менее миллиона человек) и к этническим меньшинствам, которым в современных условиях становится труднее создать условия для обеспечения преемственности родного языка, культуры и уклада жизни. Идет сокращение численности большинства финно-угорских и самодийских народов, языкам и культурам некоторых из них грозит исчезновение. Поэтому научное осмысление происходящих этнокультурных процессов и выявление современных проблем сохранения народов имеет актуальное значение.

В изучении современной истории финно-угорских народов нашей страны большую активность проявляет автор рецензируемой монографии, профессор исторического факультета Марийского государственного университета Ксенофонт Никонорович Сануков. Только за последние два десятилетия им опубликованы более десяти научных статей и публикаций, посвященных историческому прошлому и современному состоянию этнокультурного возрождения финно-угров России, укреплению их этнической идентичности. Опубликованная монография является обобщением предыдущих исследований автора.

Монография написана на современном научном уровне с учетом новых методологических разработок. Она состоит из краткого введения, шести

небольших глав и заключения. В главе, посвященной историографическому обзору исследований по данной проблематике, автор выделил основные этапы изучения, их особенности, показал роль Г.В. Лейбница, Й.Э. Фишера, В.Л. Шлецера, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, А.И. Шегрена, М.А. Кастрена, А. Регули и др. в установлении языковой общности, зарождении финно-угроведения; вклад российских, финских, венгерских, эстонских ученых в освещении истории, этнокультурного своеобразия финно-угров страны. Окончательное формирование финно-угроведения, по мнению автора, произошло в середине – второй половине XIX столетия. В книге подчеркивается роль марийской, мордовской, удмуртской, коми национально-демократической интеллигенции в этническом пробуждении и просвещении народов, освещении истории и культуры финно-угров. Автор отмечает примеры совместного участия исследователей финно-угорского общества и представителей национальной интеллигенции в сборе фольклорно-этнографического материала. Такие творческие контакты закладывали основы для налаживания дальнейшего диалога культур. Однако, спустя некоторое время после Российской революции, от них пришлось отказаться.

Историографию истории и культуры финно-угорских народов советского периода (особенно 1930-х годов) К.Н. Сануков освещает в основном в критическом плане. Он пишет, что в годы культа личности «вся подлинная история завоевания и «освоения» финно-угорских территорий Российским государством, национально-освободительного подъема финно-угорских народов конца XIX – начала XX века, демократический этап революции 1917 года и деятельность демократической национальной интеллигенции стали предметом самой беззастенчивой фальсификации» (с. 27). Не лучше обстояло дело и в послевоенные годы.

Автор отмечает, что налаживание научных контактов финно-угроведов началось лишь после 1958 года, в 1960 году состоялся первый Международный конгресс финно-угроведов. Сануков К.Н. считает, что финно-угроведение получило заметное развитие с конца 1980 – начала 1990-х годов – в годы национального пробуждения. С тех пор, по его мнению, началась закладка основ нового прочтения, переосмысления и написания национальных историй финно-угорских народов. Расширилось само понимание финно-угорской общности: больше стало обращаться внимание на историческое прошлое, проблемы этнического возрождения и укрепления культурного сотрудничества народов (с. 39).

К.Н. Сануков уверен, что следует продолжить изучение этногенеза и этнической истории, современное состояние финно-угорских народов и межэтнических взаимоотношений в отдельных регионах страны. Продуктивным представляется его предложение об обобщении уроков и итогов проведения в жизнь советской национальной политики среди российских финно-угров. Он считает, что новому поколению исследователей необходимо продолжить изучение демографической, культурной политики в регионах проживания

финно-угров, раскрывать современные проблемы этих народов на основе историко-сравнительного сопоставления со сходными процессами культурно-языкового выживания малых этносов и национальных меньшинств в мире.

Для выработки общей программы возрождения родственных финно-угорских народов К.Н. Сануков предлагает, прежде всего, определить, что же их объединяет, каким этнокультурным потенциалом располагают регионы проживания этих народов, какое историческое этнокультурное наследие следует сохранить для будущих поколений, а от каких традиций следует отказаться. Он считает, что финно-угры объединены не только общностью происхождения и языковым родством, но имеют немало сходных черт в политической истории. Во второй главе, посвященной основным аспектам этнической истории исследуемых народов, автор подчеркивает, что древние финно-угоры вели охотничье-рыболовецкий образ жизни, имели сходные языческие культы и мифо-поэтические представления. Определенное влияние на них оказали традиции древнеиранских племен, а затем – славян, тюрков, германских народов. На наш взгляд, следовало бы отметить также и влияние культуры древних скандинавов.

К.Н. Сануков отмечает, что политическая история большинства финно-угров, за исключением венгров, оказалась тесно связанной с историей Российского государства. Поэтому им пришлось пережить все тяготы национально-колониального гнета, в силу чего они оказались этносами с неполной социальной структурой (с. 71). После революции только участники карельского национального движения (и то лишь некоторая его часть) выступили за национальную независимость. Пробудившееся национальное самосознание марийцев, удмуртов, мордвы, коми не было мобилизовано на модернизацию национальной жизни. Поэтому формирование финно-угорских национально-территориальных автономий проходило не на договорной, а на конституционной основе, что предопределяло их невысокий правовой статус. К.Н. Сануков справедливо отмечает, что автономия была «дарована финно-угорским народам как бы в обмен на поддержку Советской власти, политики большевиков» (с. 75). Передовая интеллигенция финно-угорских народов России не выдвигала идею национальной государственности, также как и не ратовала за создание Единой Финно-Угорской Федерации. Подобные обвинения были сфабрикованы органами ОГПУ в 30-х годах XX века в целях поддержания командно-административной системы управления, недопущения инакомыслия и подготовки к войне с Финляндией. К.Н.Сануков считает, что репрессии в годы культа личности Сталина нанесли большой ущерб социальному и культурному развитию финно-угорских народов. Автор достаточно объективно отражает противоречивый характер развития социальной сферы и культуры финно-угров в 1950 – начале 1980-х годов. На основе краткого рассмотрения истории финно-угорских народов он приходит к выводу, что, несмотря на наличие общих страниц в историческом прошлом исследуемых народов, говорить об общности их исторических судеб или единообразии исторического развития не приходится.

Третья глава «Финно-угорский мир сегодня: общее и особенное» посвящена характеристике некоторых отличительных особенностей финно-угорских этносов. В ней утверждается, что своеобразие финно-угорского мира проявляется не только в его малочисленности, но и в расселении, особенностях природно-географических и экологических условий обитания, межэтнических контактов. Автор отмечает быстрое сокращение численности населения, относящего себя к народам уральской языковой группы. Если в 1989 году в Российской Федерации их проживало 3,3 млн., то в 2002 году численность этого населения составила только 2 млн. 763 тыс. человек. Финно-угорские народы России на своей исконной территории проживания оказались в национальном меньшинстве. Каждый из этих народов испытывает определенные трудности при налаживании культурных контактов со своими диаспорами. Консолидации этносов мешают языковые и культурные различия.

Язык и национальное самосознание являются основой сохранения и развития этноса. Эти вопросы освещены в четвертой главе монографии. Здесь утверждается, что, несмотря на деятельность национальных организаций по этнокультурному возрождению родных народов, их этническая эрозия продолжается. По мнению К.Н.Санукова, это проявляется, прежде всего, в критическом языковом положении финно-угров. Действительно, вопрос о родных языках остается первоочередным, самым главным во всем комплексе проблем их этнического возрождения. В книге утверждается, что языковая ситуация не только у малочисленных народностей, но даже у средних по численности финно-угров заметно осложнилась. Автор совершенно справедливо отмечает, что языки финно-угорских народов и национальных меньшинств России утратили черты живого организма и не способны сопротивляться влиянию других языков и русскоязычного большинства. В национальных регионах не проводится целенаправленная работа по упрочению позиций родных языков, пополнению их словарного состава и терминов, делопроизводство и деловая переписка ведется лишь на русском языке. В национально-территориальных образованиях заметно сузилась сфера функционирования государственных языков и как следствие – сократилась доля людей, умеющих писать и разговаривать на родном языке. Автор считает, что языки финно-угорских народов страны нуждаются в государственной поддержке, политических и правовых гарантий. По мнению К.Н.Санукова, в национальных республиках и округах необходимо начинать обучение нерусских детей на родном языке и лишь затем постепенно переходить на русский язык преподавания (с. 115). Для этого он предлагает возродить национальные школы и национальную систему образования. К сожалению, многие нерусские народы уже с конца 1980-х годов лишились своих национальных школ. А без них и активного участия семьи в воспитании детей трудно обеспечить этническое воспроизводство, привить молодежи любовь к языку и культуре родного народа. Серьезной проблемой в возрождении финно-угров является их инертность в отношении развития

собственной национальной культуры, обретения каждым человеком личной внутренней свободы.

По мнению К.Н. Санукова, решающей социальной силой национального возрождения может и должна стать стать интеллигенция. Но у финно-угров, как пишет автор, нет потомственной городской национально ориентированной интеллигенции. В связи с этим автор предлагает больше обращать внимания на приобщение молодежи к национальной культуре, привитие уважительного отношения и любви к самобытным традициям, духовным ценностям своих предков.

В главе, посвященной характеристике социально-политических условий национального развития финно-угров России, отмечаются имеющиеся различия в государственно-политическом статусе малочисленных народов и национальных меньшинств, в обеспечении и защите их прав и интересов, социального и культурного развития. К.Н. Сануков считает, что социально-политическое самоопределение финно-угорских народов остается декларативным, формальным (с. 139–140). В книге подчеркивается, что при отсутствии в стране юридических ограничений все они одинаково продолжают испытывать трудности при реализации своих прав, обеспечении достойной жизни. Автор подчеркивает, что финно-угры, как коренные народы, нуждаются в расширении культурно-национальной и национально-территориальной автономий, дополнительной государственной поддержке их языков и культур.

В последней главе монографии рассматривается история зарождения национального движения и сотрудничества финно-угорских народов. Автор отмечает, что зачатки национальной интеллигенции и национального движения у финно-угров появились лишь в конце XIX – начале XX века. Справедливости ради заметим, что у некоторых российских финно-угров, в частности у мари и мордвы, стремление к культурной автономии можно было наблюдать уже в начале XIX века. В годы зарождения русского патриотизма и национализма верующие крестьяне, отстаивая свои дохристианские религиозны обряды, выступили за признание православно-языческого двоеверия, за сосуществование православно-русской и языческой культур. Этим они хотели, если не приостановить, то хотя бы замедлить начавшийся процесс ассимиляции, утвердить этническую идентичность. Лидеры национально-демократической идеологии, выступающие за сохранение и свободное развитие народов, их языков и культур, также ратовали за сохранение в народной культуре православных и языческих традиций. В своей просветительской деятельности они причудливо сочетали православно-миссионерскую работу с пропагандой историко-этнографических сведений и языческих традиций.

В монографии К.Н. Санукова прослеживаются некоторые этапы и формы движения финно-угорских народов за национальное возрождение, показывается сложный и противоречивый его характер, обращается внимание на роль интеллигенции и социально-культурных институтов в поддержании народных традиций и национального самосознания. Автор считает, что зародившиеся в 1989–1990 годах национальные движения и организации первоначально оформились как культурно-просветительские, а затем стали

выдвигать и социально-политические проблемы. Однако в силу узости их социальной базы, низкого уровня национального самосознания и недостаточной поддержки со стороны молодежи национальные идеи не получили широкого распространения. Другой особенностью финно-угорских национальных движений, по мнению автора, было то, что они не стали участниками единого общероссийского демократического движения. Все это, по мнению автора, вызвало у значительной части интеллигенции разочарование и приводит к постепенному свертыванию национального движения.

В монографии раскрывается роль зародившегося в конце 1989 начале 1990-х годов международного движения финно-угорской общности и солидарности в этнической мобилизации, в налаживании культурных и информационных связей родственных народов, в создании предпосылок для формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства. Приведенные автором выдержки решений Всероссийских съездов и Всемирного конгрессов финно-угорских народов показывают, что финно-угорское движение развивается в русле прогрессивных демократических преобразований всего мирового сообщества.

Конечно, дать окончательную оценку современному этапу истории финно-угорского движения сегодня не представляется возможным. Процесс формирования историко-культурной общности еще только набирает силу, причем он проходит не просто. Сказывается влияние многих факторов, в том числе и меняющейся общественно-политической ситуации, Тем не менее, автору удалось довольно объективно изложить происходящие в конце XX – начале XXI века этнокультурные процессы, определить актуальные проблемы этнического возрождения финно-угорских народов России.

В качестве замечания хотелось бы обратить внимание автора на некоторые недооценки происходящих в начале XXI века исторических и социально-культурных событий в жизни финно-угров. На наш взгляд, мало обращено внимания на роль межгосударственных контактов в налаживании диалога культур финно-угров, в упрочении социально-экономических взаимосвязей финно-угорских регионов. Порой автор упускает из виду происходившие перемены в политике, вызванные меняющейся исторической ситуацией не только в целом по стране, но и в тех или иных регионах страны. Отмечая трудности в развитии литературных норм мордовского (эрзя и мокша) и марийского (горный и луговосточный) языков, К.Н. Сануков, на наш взгляд, недооценивает значение тенденций к внутриэтнической консолидации.

В целом монография К.Н.Санукова затрагивает целый ряд слабо изученных проблем истории финно-угорских народов России, отвечает на актуальные вопросы их национального возрождения. Книга будет иметь большое значение для дальнейшего развития финно-угроведения, улучшения национально-государственной политики в стране, укрепления межэтнических отношений в регионах.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2015, № 1

ХРОНИКА

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЗА 2014 ГОД

14–15 января
г. Санкт-Петербург

Образовательно-методическая площадка проекта «Все финно-угры. РФ». Рассматривались вопросы выявления общественного мнения в молодёжной среде, методы обучения информационной работе и формирования общественного мнения. Площадка была организована Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» при поддержке Российского Клуба национальностей при Общественной Палате РФ и Межрегиональной общественной организации «Информационно-образовательная сеть коренных народов «Льыоравэтльан» на базе Государственной полярной академии.

28 января
Шарканский район,
Удмуртия

Фестиваль-открытие «Быгы – культурная столица финно-угорского мира 2014». С 1 января и в течение всего 2014 года удмуртская деревня Быгы носила статус первой культурной столицы финно-угорского мира. Проект стартовал в 2013 году по инициативе Молодежной Ассоциации финно-угорских народов.

18 марта
г. Йошкар-Ола

III Международный конкурс «Мисс студенчества Финно-Угрии – 2014». Восемь участниц представляли: Марийский государственный университет, Петрозаводский государственный университет, Удмуртский государственный университет, Югорский государственный университет, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Сыктывкарский государственный университет, Коми республиканскую академию государственной службы и управления.

28 марта с. Ыб Сыктывдинского района, Коми	Заседание Ассоциации финно-угорских университетов. Участвовали представители вузов и ученые из Марий Эл, Удмуртии, Мордовии и Коми.
9–11 апреля г. Гёттинген, Германия	XXX международная научная конференция студентов финно-угроведов IFUSCO 2014. На конференции выступил Дитер Валински, который участвовал в организации первой конференции IFUSCO в Гёттингене в 1984 году.
31 мая – 5 июня Саранск, 25–29 сентября г. Ижевск	Проведены два семинара Финляндско-Российского проекта «Роль общественных организаций в сохранении финно-угорских языков и культур 2013–2016 гг.» В проекте приняли участие 30 активистов из Мордовии, Татарстана, Марий Эл, Коми, Карелии, Удмуртии, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов, Пензенской и Тверской областей, Москвы, Санкт-Петербурга и Финляндии. Проект проводится при поддержке Фонда культуры Финляндии и Международного Консультативного комитета финно-угорских народов при участии филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» и некоммерческой ассоциации «Поволжский центр культур финно-угорских народов», Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН).
4–8 июня д. Циистре, Эстония	I Фестиваль финно-угорских фильмов (ФУФФ I). В Фестивале приняли участие представители финно-угорских народов Эстонии, Венгрии, Финляндии и России (удмурты, вепсы, ханты, манси, сету, ижоры и др.). Было показано 50 фильмов, снятых финно-угорскими кинематографистами.
6–7 июня г. Ханты-Мансийск	II Межрегиональный фестиваль-конкурс финно-угорских фольклорных коллективов «Живущие по солнцу» проведен в рамках Года культуры в России. В фестивале-конкурсе приняли участие около 140 человек из 3-х регионов России (Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).
6–8 июня г. Ижевск- д. Старые Быги Шарканского района, Удмуртия	Заседание Правления Молодежной ассоциации финно-угорских народов, в работе которого приняли участие члены правления и активисты молодежных организаций из Эстонии, Финляндии, Пермского края, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Коми, Ханты-Мансийского авто-

	номного округа – Югры. Члены правления проанализировали деятельность ассоциации, обсудили план мероприятий МАФУН.Состоялся круглый стол с участием представителей Министерства национальной политики, финно-угорских НКО Удмуртской Республики, активистов удмуртского движения.
7–8 июня г. Ижевск	Образовательно-методическая площадка социально значимого проекта «Все финно-угры. РФ» по теме «Национальный вопрос в информационном пространстве».
18 июня г. Москва	Демонстрация фильма из цикла «Народы России. Финно-Угры» на телеканале «Мир».
19–21 июня г. Йошкар-Ола	VI Форум финно-угорских печатных СМИ РФ «Финно-угорские СМИ в условиях развития новых информационных технологий. Опыт, проблемы, решения». В работе форума приняли участие более 70 журналистов из Марий Эл, Башкортостана, Карелии, Коми, Мордовии, Удмуртии, Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Москвы и Казани.
25–28 июня Петрозаводск	Пятая конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Организованы пленарные и 10 секционных заседаний, два круглых стола, школа молодых ученых – «Бубриховские чтения». На конференции рассматривались вопросы языкознания, фольклористики, истории, археологии, этнографии, антропологии, культурологии финно-угорских народов, актуальные проблемы их современного этнокультурного развития.Участвовали около 200 ученых из финн-угорских регионов России, Эстонии, Венгрии, Финляндии. Организаторы конференции: Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова при поддержке Правительства Республики Карелия, Российского Гуманитарного Научного Фонда, Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации.
29 июня – 4 июля д.Кинерма Пряжинского района, Карелия	Финно-угорский молодёжный творческий инкубатор «Laučat». Участвовали 150 представителей молодёжи из общественных организаций, муниципальных учреждений финно-угорских регионов России, Финляндии и Эстонии.

4–13 июля Юсьвинский район, Коми-Пермяцкого округа, Пермский край	Летний финно-угорский молодежный лагерь «FU горт».
18–19 июля д.Быги Шарканского района, Удмуртия	Первый Международный фестиваль финно-угорской кухни «Быг-Быг». В работе фестиваля участвовали представители органов государственной и муниципальной власти, общественные деятели, активисты финно-угорского движения, любители финно-угорской кухни, туристы, журналисты, жители Удмуртии и Шарканского района. Всего участвовало 12 делегаций: среди них представители из Эстонии, Финляндии, Франции, Марий Эл, Пермского края, Кировской области и районов Удмуртской Республики. Под открытым небом в Быгах готовили финно-угорские блюда, прошли ярмарки, мастер-классы и кулинарные поединки.
18 июля Ловоозеро, Мурманская область	Заседание Президиума Совета Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». В нем участвовали национальные общественные объединения финно-угорских народов Республик Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, а также Коми-Пермяцкого, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и представители 20 регионов России с компактным проживанием финно-угорских народов.
31 июля – 4 августа гг. Печа-Балатонлеллы-Эгера-Балатонфюреда, Венгрия	III Международный фестиваль народной культуры «Финноугория». Было показано творчество финно-угорских ансамблей из России. Фестиваль состоялся при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства социальных ресурсов Венгрии, филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» и Венгерской национальной организации Всемирного конгресса финно-угорских народов. Инициатор проведения фестиваля – Международный центр культуры и искусства (г.Ухта, Республика Коми). I и II фестивали состоялись в 2012 и 2013 годах.
4 августа г. Москва	Подписано соглашение о сотрудничестве между Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» и Общероссийской общественной организацией «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

11–17 августа усадьба Саргвере, Эстония	Состоялся мастер-класс по созданию мультипликационных фильмов для финно-угорской молодежи. Участвовали художники, дизайнеры, этнологи, фольклористы из финно-угорских регионов России. Авторами и организаторами проекта стали члены Тартуского отделения международной общественной организации студентов-этнологов и фольклористов Скандинавских стран.
11 августа д. Обиница, Эстония	Деревня стала обладателем звания «Культурная столица финно-угорского мира 2015 года». Программа «Культурные столицы финно-угорского мира» действует по инициативе МАФУН с 2013 г. по 2017 год.
3–4 сентября г. Петрозаводск	Международная конференция финно-угорских народов. Участники конференции подвели предварительно итоги реализации решений VI Всемирного конгресса финно-угорских народов, обсудили вопросы подготовки следующего VII Всемирного конгресса, который состоится в 2016 году в Финляндии. В работе конференции приняли участие более 150 представителей финно-угорских народов. Конференция состоялась при поддержке Правительства Республики Карелия.
5–8 сентября Санкт-Петербург – Ленинградская область	III Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов. В фестивале приняли участие артисты из Ленинградской, Мурманской, Псковской областей, Удмуртии и Карелии, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Учредители и организаторы фестиваля: Министерство культуры Российской Федерации, Государственный Российский Дом народного творчества, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Комитет по культуре Ленинградской области и Учебно-методический центр культуры и искусства Ленинградской области. I Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов состоялся в 2010 году на сценических площадках Зеленогорска и Репино. Второй фестиваль в 2012 году прошел в Выборге.

16–17 сентября г. Йошкар-Ола	Семинар-конференция «Финно-угорский мир: расширение культурного пространства» и заседание координационного совета телевизионного журнала «Финно-угорский мир», который выходит в эфир уже более 20 лет.
26–27 сентября г. Ижевск	Первый международный музыкальный фестиваль актуальной финно-угорской музыки «Туала Fest» в Удмуртской государственной филармонии.
27–28 сентября Омская область	«Финно-угорские ярмарки – 2014», в рамках которого состоялись концерты, выставки традиционной кухни, выставки-ярмарки работ мастеров пнрикладного искусства.
29 сентября – 1 октября г. Оулу Финляндия	XV Российско-Финляндский культурный форум. В рамках форума прошли пленарные заседания, лекции, тематические семинары, круглые столы и дискуссии на актуальные темы. В течение двух рабочих дней было проведено 140 партнерских переговоров по 76 совместным проектам. Форум стал наиболее представительным – на него прибыло 370 участников, в том числе 175 из России.
8–31 октября г. Петрозаводск	Кинофестиваль финно-угорских народов, посвящённый Году культуры в Российской Федерации. В фестивале приняли участие художественные и документальные короткометражные и полнометражные фильмы. Организаторами фестиваля были автономное учреждение Республики Коми «Комикиновидеопрокат», филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», ГАУ РК «Финно-угорский этнокультурный парк».
16 октября г. Йошкар-Ола	Международный фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: праздник детства». Организатор филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Государственного Российского Дома народного творчества, при участии Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации.
16–19 октября г. Ижевск	Международный финно-угорский фестиваль молодежной этнокультуры «Палэзян». В рамках фестиваля были представлены национальные танцы и этно-футуристические перфомансы.

21–27 октября г. Йошкар-Ола	X Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул». В юбилейном десятом фестивале, приняли участие 12 коллективов из семи регионов Российской Федерации, театральная труппа из Эстонии. Он организован Марийским национальным театром драмы имени М. Шкетана при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Союза театральных деятелей Российской Федерации, Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл.
23–25 октября г. Саранск	VI съезд мордовского народа «Мордовский народ – в формировании общероссийской гражданской идентичности». В работе Съезда приняли участие более 340 делегатов из 40 регионов России, 75 наблюдателей, около 80 гостей.
27 октября г. Ижевск	Концерт Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: праздник детства». Танцы и песни своих народов представили детские творческие коллективы из Республик Карелия, Удмуртия и Ямало-Ненецкого автономного округа.
28–30 октября г. Сыктывкар	Международный семинар авторов региональных и общеобразовательных программ и методических материалов по дошкольному образованию на финно-угорских языках. В его работе принимали участие педагоги из Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Эстонии, Республик Марий Эл и Коми. Организаторы: Министерство образования Республики Коми, Министерство национальной политики Республики Коми, Финно-угорская ассоциация авторов учебной книги на родном языке, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», МОД «Коми войтыр», ГОУДПО «Коми республиканский институт развития образования», Общество М.А. Кастрена (Финляндия).
29–31 октября г. Кудымкар	Заключительный этап Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: праздник детства». Организатор фестиваля – Культурно-деловой центр г. Кудымкара.
31 октября г. Нижний Новгород	Заседание Совета Общероссийской общественной организации «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». Проведен круглый стол «Об опыте книгоиздания финно-угорской литературы в России».

октябрь Финно-угорские регионы	Мероприятия, посвященные дням родственных финно-угорских народов.
8–23 ноября Тюменская область	Дни культуры финно-угорских и самодийских народов.
20–22 ноября г. Кудымкар	Открытый фестиваль финно-угорской песни. Участвовали 20 творческих коллективов и солистов из Удмуртии и Пермского края. Инициатором проведения конкурса выступило Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, организатор – Окружная вещательная компания (г. Кудымкар).
22 ноября г. Екатеринбург	VI областной фестиваль культуры финно-угорский народов «Уральская Финно-угория-2014». Участвовали группа шаманского рока «Хурал», мордовский семейный хореографический ансамбль «Весепаро», песенно-хореографический ансамбль «Эрвий», фольклорно-хореографический ансамбль «Яндар памаш», заслуженный коллектив народного творчества России фольклорно-этнографический ансамбль «Марий Памаш» из Республики Марий Эл, фольклорный ансамбль песни и танца «Азвесь гур», фольклорный вокальный ансамбль «Италмас»и из Удмуртии.
26–28 ноября г. Нефтекамск- г. Янаул- с. Мишкино- г. Бирск, Башкортостан	Фестиваль национальных культур финно-угорских народов состоялся в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Участвовали 80 коллективов и исполнителей из городов и районов Республики Башкортостан, Свердловской области, Пермского края, Удмуртской Республики и Республики Марий Эл. Организаторы фестиваля: Министерство культуры Республики Башкортостан и Республиканский центр народного творчества. Партнёром фестиваля выступил филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».
28–30 ноября с. Помоздино Усть-Куломского района, Коми	Международный форум финно-угорской молодежи «FUROR». Участвовали съехалось более 120 активистов молодежных организаций из Коми, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Санкт-Петербурга, а также Эстонии и Финляндии. Форум прошел по инициативе Коми региональ-

ной общественной организации Союз коми молодёжи «МИ» при поддержке Межрегионального общественного движения «Коми войтыр», Международного Консультативного Комитета финно-угорских народов, Администрации МО МР «Усть-Куломский», Администрации сельского поселения «Помоздино» при финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми.

5–6 декабря
г. Сургут

Впервые состоялся городской праздник «Дни культуры финно-угорских народов», приуроченный ко Дню образования ХМАО-Югры. В программе фестиваля: выставки картин и изделий декоративно-прикладного творчества финно-угорских умельцев, мастер-классы по изготовлению традиционных изделий и предметов быта (из рыбьей кожи, корня кедра, бересты, ровдуги, лыка), выступления фольклорных коллективов и демонстрация национальной одежды. Состоялась встреча с писателями и исследователями финно-угорской культуры, научно-практический семинар «Современное состояние культуры финно-угорских народов».

12–14 декабря
г. Ижевск

VI Межрегиональный фестиваль финно-угорских народов «Воршуд» («Святыня рода»). Свое мастерство показали театры молодежной моды, индивидуальные авторы, модельеры, мастера декоративно-прикладного творчества, творческие объединения и студии из Удмуртии, Татарстана, Башкирии, Коми, Марий Эл. В конкурсе приняли участие около 200 человек. Фестиваль проводился Республиканским Домом народного творчества в рамках Года культуры при поддержке Министерства культуры, печати и информации Удмуртской Республики.

Игорь Саловин
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Николай Никандрович – кандидат философских наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Маслихин Александр Витальевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Мушкина Наталья Валерьевна – младший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Пекшеева Эльвира Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Петров Валериан Фокеевич – доцент кафедры межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского НЦ РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – начальник отдела межнациональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Соловьев Борис Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Чикина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы ИЯЛИ КарНЦ РАН

CONTENTS

ARTICLES

Solovyov B.S. Formation of balanovo culture. 3
Rakin A.N. Meteorological vocabulary in the Permian languages (system-wide designation). 25
Chikina N.V. Artistic originality of V. Brendoyev's poem «Juniper». .. 34
Kazantsev D.Ye. On the history of possessive category. 48
Sibatrova S.S. On the influence of the Russian language in the grammatical features of Mari adjectives. 65

REPORTS

Kuznetsova M.N. Speaking of village Sarsy (Sarsady) in Eden Beke's dialect dictionary of Mari language (lexical and morphological analysis).. 72
Sadikov R.R. From the history of creation and activity of «Finno-Ugric» national sections of the Ufa regional committee and Bashkir provincial committee of the RCP (b) (1919–1930). 94
Mushkina N.V. About songs of pancake rite of Mari. 99
Molotova T.L. Naming of the child and its associated rituals in the culture of the Mari. 113

PERSONS

Sibatrova S.S. Paul Ariste is outstanding Finno-Ugrian of XX century (to the 110th anniversary)..... 118
Maslikhin A.V., Gavrilov N.N., Petrov V.F. Anniversary of K.N. Sanukov. 125
Solovyov B.S. On the anniversary of V.V. Nikitin. 132
Peksheyeva E.I. I.G. Ivanov's contribution in development of Mari linguistics (for the 80th anniversary). 138

SURVEYS AND REVIEWS

Popov N.S. Rev.: Sanukov K.N. Finno-Ugric peoples of Russia: Past and Present: monograph / Mari State University; K.N. Sanukov. – Yoshkar-Ola, 2011. – 192 p..... 143

CHRONICLE

Sadovin I.G. Chronicle of scientific and cultural life of the Finno-Ugric peoples for 2014 year. 149
Information about the authors. 158

«ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ», 2015, №1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации пи № 77–5360

Компьютерная верстка З.Г. Воронцовой
Обложка художника Ю.П. Клюкина
Английский текст Э.И. Пекшеевой

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.Ru

Подписано в печать 19.05.2015. Формат 70x100/16.
Усл.п.л.12, 9. Тираж 300 экз. Заказ № 2336.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95